

Правительство Москвы
Департамент культуры города Москвы
Московский институт социально-культурных программ

ПОИСК

Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура

Выпуск № 1 (21)

Москва, 2009

УДК 008
ББК 71
П71

Главный редактор —
доктор философских наук **А.Л. Маршак**

Ответственный секретарь —
кандидат социологических наук **О.Н. Мамонова**

ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура // Научный и социокультурный журнал. — М.: ИПЦ «Социум», 2009. — Вып. № 1 (21) — 152 с.

Научный и социокультурный журнал «ПОИСК» включён в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (ВАК) по специальностям «Филология» и «Искусствоведение».

Издание рассчитано на работников культуры, искусства, науки, образования, студентов и аспирантов гуманитарных вузов, а также на всех, кто в той или иной степени участвует в процессах организации, планирования, законотворчества в социально-культурной сфере.

© Московский институт социально-культурных программ, 2009
© ИПЦ «Социум», 2009

ISSN 2072-6015

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Направляемые в журнал статьи просим оформлять в соответствии со следующими правилами:

1. **Объём рукописи не должен превышать 10-12 стр.** Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 14, межстрочный интервал — полуторный. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм сверху и слева, 20 мм внизу и справа. Статьи должны быть напечатаны на одной стороне листа. Сноски — постраничные со своей нумерацией на каждой странице;

2. Все **знаки**, которые не могут быть напечатаны, должны быть разборчиво, крупно, чёрными чернилами вписаны в текст от руки;

3. **Формулы** размечаются и поясняются на полях рукописи. Все источники снабжаются библиографическими ссылками;

4. **Таблицы, схемы, графики, рисунки и другие иллюстрации** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. При этом таблицы должны иметь заголовок, размещаемый над табличным полем, а рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна;

5. Пронумерованный **список библиографии не должен превышать 1 стр.** (в алфавитном порядке, с указанием сначала источников на русском языке, далее — на иностранном), он даётся **в конце статьи**;

6. К статье прилагается её **электронная версия в виде дискеты или диска.**

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведённых фактов, цитат, статистических и социологических данных, имён собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения учредителя, редколлегии и редакции.

Представляя в редакцию рукопись, автор берёт на себя обязательство не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

К статье **обязательно** прилагаются:

— **аннотация** (резюме) объёмом 15-20 строк на русском и английском языках;

— **список 3-4 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово либо словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;

— **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф. И. О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, учёная степень, а также **данные для связи с автором** — адрес, номера телефонов (сл., дом., моб.), электронный адрес.

По электронной почте статьи принимаются только по договорённости с редакцией (обязательно в заархивированном виде). Материалы по почте просьба присылать исключительно в виде простых почтовых отправок.

Решение о публикации принимается в течение 2-х месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются.

С содержанием вышедших номеров и отдельными публикациями можно ознакомиться на сайте журнала в Интернете: <http://www.miskp.ru>

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

От главного редактора

Итак, мы начинаем...

Уважаемый читатель, перед вами журнал с привычным названием, но это совсем другой журнал. Изменения, произошедшие в жизни данного издания, определены тем, что с прошлого года «ПОИСК» вошёл в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук.

Эта почётная ответственность выдвигает особые требования к издателям журнала и его авторскому коллективу. Журнал будет принимать к публикации работы в области культуры и искусствоведения с учётом новейших научных достижений в этой сфере и практики культуроведения.

Мы предполагаем существенно расширить рубрики нашего журнала с учётом повышения критериев научности публикуемых статей и более широкого круга информационного уровня их содержания. Мы относим сюда не только материалы оригинальных исследований отдельных авторов и творческих коллективов, но и информирование о научной жизни и издательской деятельности. В связи с последним журнал будет публиковать информацию о значительных научных мероприятиях, помещать рецензии, отзывы и размышления крупных специалистов о серьёзных, фундаментальных работах по культурологии и искусствоведению. Мы будем знакомить наших читателей с основными сторонами культурной жизни за рубежом, предоставлять свои страницы иностранным авторам.

Разумеется, всё это потребует высокого научного содержания от публикаций и соответственно профессионализма наших авторов. Надеемся, что авторский состав журнала будет существенно расширяться и соответствовать целям научного издания.

Особое внимание будет уделяться тем публикациям, где представляются научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук. Критерием их отбора будут служить оригинальность и глубина методологического обоснования проблемы. Особое предпочтение мы будем отдавать тем работам, где освещается специфика культурной жизни крупнейшего мегаполиса — города Москвы.

Издатели и редколлегия ставят перед собой цель выпускать журнал, отвечающий самым современным требованиям науки, что мо-

жет быть реализовано совместными усилиями его редколлегии и авторского коллектива. Для достижения этой цели мы будем опираться на традиции различных научных журналов, накопленные в том числе и самим журналом «ПОИСК».

В добрый путь, друзья! Мы продолжаем...

А. Л. Маршак,
доктор философских наук, профессор

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ХУДЯКОВ Сергей Ильич, кандидат философских наук, руководитель Департамента культуры города Москвы, докторант Института социально-политических исследований РАН, г. Москва

Культурная политика как фактор формирования консолидирующей культуры

Поиск новой парадигмы социокультурного развития современного российского общества, которая должна лечь в основу общенациональной консолидации, является ныне одной из ключевых задач всей государственной и муниципальной культурной политики. Сегодня на повестку дня поставлен вопрос о формировании новой концепции и стратегии культурной политики в России, которая бы осуществлялась консолидированными усилиями государства и институтов гражданского общества и способствовала бы более полной реализации новых социокультурных возможностей и предпосылок, открывающихся перед обществом и стимулирующих его ускоренное развитие.

Данная политика должна быть ориентирована в первую очередь на поддержку консолидирующей культуры российского общества, на формирование и развитие таких социокультурных характеристик и духовно-нравственных качеств социума, которые бы способствовали слому внутренних, разделяющих его перегородок, повышению гуманистической направленности его развития. Крайне важно формирование жизнестойкости, конкурентоспособности российского общества, содействующих достижению лидерских позиций в мировом сообществе. Осуществление культурной политики, направленной на консолидацию общества, позволит решить целый комплекс ключевых для него задач: *во-первых*, совершить общецивилизационный прорыв в новую для современного мира культуру толерантности, свободы и справедливости; *во-вторых*, изменить положение человека в обществе, сделав его жизнь более достойной; *в-третьих*, способствовать преодолению ксенофобских и националистических

проявлений в обществе, тяги к неправомерному насилию и использованию силы; *в-четвёртых*, завершить культурную модернизацию российского общества; *в-пятых*, придать новый импульс процессам консолидации и национальной самоидентификации российского социума в рамках конвергенции разных культурных полюсов развития и формирования единого русского мира.

Для того чтобы консолидировать общество вокруг базовых национальных ценностей, необходимо в процессе осуществления культурной политики решить несколько фундаментальных задач: 1) определить приоритетные национальные ценности, связанные с современным развитием российского общества, ростом его жизнестойкости и конкурентоспособности; 2) очистить эти ценности от наслоений прошлого, которые уже не отвечают ведущим тенденциям прогрессивного общецивилизационного развития; 3) модернизировать их с учётом новых достижений в области социальной рефлексии принципов свободы, справедливости, благополучия, прогресса, толерантности, солидарности, а также других ценностей; 4) адаптировать данные ценности к современным условиям жизни и деятельности разных слоёв российского общества, чтобы они отвечали реальным обстоятельствам и возможностям социокультурного развития социума, общему вектору его движения. В своей совокупности эти ценности, интериоризируясь в самосознание общества, проявляются в форме новых социокультурных качеств российского социума, которые интегрируют разные социальные группы, консолидируют их силу и энергию, поднимают на новую ступень социального развития, придают импульс дальнейшему движению по пути социального, экономического и политического прогресса.

Анализ современной социокультурной ситуации, которая сегодня сложилась в нашем обществе, показывает, что для достижения целей национального развития наиболее востребованными социокультурными качествами являются следующие:

- социальное, духовное, физическое здоровье человека;
- трудолюбие, высокий профессионализм, образованность;
- гражданственность и патриотизм;
- единство и солидарность;
- свободомыслие, духовная раскрепощённость, ответственность;
- законопослушность и правовая культура.

На дальнейшее формирование и развитие таких социокультурных качеств и характеристик российского общества должна быть направлена вся государственная культурная политика, которая в значитель-

ной степени будет опираться на институты гражданского общества. В этом, как представляется, должна заключаться главная суть концепции и стратегии современной культурной политики. Важно отметить, что в данной концепции культурная политика должна осуществляться не в отрыве от общегосударственной социальной, экономической политики и представлять собой только такую отдельную отрасль народного хозяйства, как культура. Для достижения поставленных общенациональных целей социокультурного развития она должна пронизывать собой и определять развитие всех других областей социальной жизни, оценивать духовно-нравственные и морально-политические последствия для общества хода и осуществления социальных, экономических, политических преобразований в нашей стране как на ближайшую, так и на более отдалённую перспективу. В этой связи необходимы консолидация и координация усилий всех институтов гражданского общества и государства, которые позволят выработать единую и общую для всех социокультурную основу деятельности при решении конкретных вопросов, находящихся в рамках их компетенции и полномочий.

Рассмотрим более подробно указанные выше направления культурной политики, которые, на наш взгляд, нуждаются в особой поддержке со стороны государства и общества.

Социальное, духовное, физическое здоровье человека. Данное социокультурное качество является базовым для выживания и развития российского общества, его роль в настоящее время играет исключительно большое значение в консолидации россиян. В современной российской виталистской социологии¹ под здоровьем человека понимается его способность выполнять основные функции жизнеосуществления. Эта характеристика определяется международными стандартами Всемирной организации здравоохранения и состоит из трёх основных частей — физического, психического и социального здоровья людей. Человек рассматривается в конкретно-историческом и социокультурном пространстве, где в рамках цивилизационного прогресса создаются и используются нормы, стандарты оценки здоровья человека, определяющие границы девиаций, отклонений его физического, психического, социального развития. В социокультурном контексте виталистской социологии социальное, духовное, физическое здоровье характеризуется как основа формирования, реализации и защиты жизненных сил челове-

¹ Словарь виталистской социологии / под ред. чл.-корр. РАО С. И. Григорьева. — М. : Гардарики, 2006. — 223 с.

ка, как его способность удовлетворять и развивать свои способности, воспроизводить и совершенствовать свою жизнь в конкретном социально-историческом, географическом, социокультурном пространстве. В этом аспекте важно отметить, что речь идёт о развитости, нормах и аномалиях не только физического, духовного и социального здоровья человека, но и о нормах и аномалиях экономического, политического, экологического, идеологического, социокультурного здоровья общества, отдельных его социальных групп и общественных институтов. Немалое значение в улучшении социального здоровья человека и общества имеет национально-культурный контекст, определяющий существующие в социуме традиции понимания, укрепления, сохранения и восстановления здоровья человека, а также отношение общества к тем или иным нормам поведения или его девиациям. В этой связи немаловажное значение принадлежит как существующим в российском обществе традиционным оздоровительным практикам и средствам укрепления, сохранения здоровья, профилактике заболеваний, так и использованию наработанного мирового опыта в данном вопросе. Большая роль при этом должна отводиться значению социокультурных аспектов жизни человека, которые напрямую оказывают влияние на его здоровье, — традициям застолья, формам проведения досуга, отношению общества и его разных социальных групп и слоёв к употреблению алкоголя, табака, наркотических веществ, спорту, физической подготовке и т. п. При формировании и воспитании данного качества важно также учитывать роль природных и духовно-культурных факторов и условий, обеспечивающих здоровье человека, его здоровый образ жизни, полноценную деятельность во всех сферах общественных отношений. Без учёта всех этих факторов и без привлечения их на службу социальному, физическому, духовному здоровью общества культурная политика, нацеленная на сохранение, воспроизводство и развитие человеческого капитала, не будет приносить должного эффекта.

Трудолюбие, высокий профессионализм, образованность. Данное социокультурное качество является базовым для поступательного развития российского общества. Массовое формирование этого качества и его широкое распространение в социальной среде послужит решению как внешних, так и внутренних задач, стоящих перед Российским государством и обществом. В международном аспекте повышение трудолюбия, уровня профессионализма, образованности российских граждан послужит росту конкурентоспособности нашей страны на мировой арене, укреплению её авторитета,

формированию позитивного имиджа российского народа. Во внутривнутриполитическом аспекте наличие данного качества в разных социальных группах позволит в большей степени консолидировать общество, преодолеть иждивенческие настроения, взаимные упреки по отношению друг к другу в отсутствии желания честно работать и хорошо выполнять свои трудовые обязанности. Чтобы добиться поставленной цели, крайне важно преодолеть существующие в обществе социокультурные, ценностные разломы и социальные противоречия между вознаграждением человека и результатами его труда, между реальным значением труда для общества и его престижностью в данный момент, между высоким уровнем квалификации и образованием работника и низким размером оплаты его труда.

Не удастся добиться консолидации общества, если не снять остроту ключевого противоречия социальных трансформаций современной России между двумя вечными ценностными антиномиями — трудом и богатством. Конечно, это противоречие никогда не удастся разрешить полностью, не надо и пробовать. Подобные социальные опыты уже проводились в России, и не вышло ничего хорошего. Важно смягчить остроту данного противоречия и снять вопиющую социальную несправедливость. Наиболее нетерпимо оно проявляется сегодня между плохими и нищенскими условиями жизни тех, кто всю жизнь честно трудился и ничего не имеет, и прекрасными, поистине беспредельными возможностями обеспеченной жизни тех, кто получил всё это не столько своим трудом, талантом, умением, сколько положением, открывающим и создающим сии возможности.

Современные условия формирования цивилизованных рыночных отношений предъявляют и новые требования к самому пониманию таких качеств, как трудолюбие, профессионализм, образованность. Необходимо их новое социокультурное осмысление и наполнение более широкими и адекватными современности смыслом и значением. Понятно, что ныне мерилом работы не должны являться ни усталость человека, ни количество произведённых и никому не нужных по такой цене и качеству товаров и услуг. Рынок сам устанавливает цену тем или иным усилиям. Поэтому крайне важно, чтобы такое качество, как трудолюбие, относилось к основной и востребованной обществом деятельности, сочеталось с творческим, новаторским подходом к делу, учитывало реальную стоимость усилий, затрат и возможного вознаграждения за них. То же самое можно сказать о профессионализме и образованности. Надо провести инвентаризацию необходимых профессиональных навыков и знаний, которые не лежат мёртвым грузом в тезаурусе личности, а играют реальную

и полезную роль в обществе, отвечают ключевым тенденциям его развития, способствуют его социальному, техническому, нравственному прогрессу. Сегодня ни для кого не секрет, что, несмотря на явный дефицит многих профессионалов по разным нужным специальностям, институты и другие учебные заведения продолжают выпускать специалистов, которых и так переизбыток на рынке труда. Это только порождает недовольство в обществе, излишнее и нездоровое соперничество, приводит к конфликтам, социальному протесту, напрасным общественным затратам и неоправданному распылению ресурсов человеческого капитала.

Гражданственность и патриотизм. Данное социокультурное качество является базовым для развития самосознания российского общества, формирования его идентичности, адекватной характеристикам новой России, которая живёт уже в XXI в. в изменившемся социокультурном пространстве, с новыми вызовами и новыми возможностями развития. Гордость за свою страну, свой народ, свою культуру, желание сделать всё, зависящее от человека, для укрепления их могущества и величия должны стать основой данного качества. Важно отметить, что это должно быть не просто пафосным заклинанием о силе, культуре и величии страны, а реальное приложение всех гражданских усилий для того, чтобы внести свой вклад в национальные достижения. Необходимо по-новому переосмыслить эти два ключевых понятия российской самоидентификации — гражданственность и патриотизм, преодолеть определённый социокультурный разлом между данными ценностями, увязав их в единое социальное качество. К сожалению, до сих пор нередко в массовом сознании гражданственность, проявляющаяся как нежелание терпеть разного рода безобразия, которым придаётся исконно национальная окраска, и готовность бороться со всем тем, что мешает цивилизованным отношениям в обществе, воспринимается как «антипатриотизм». Бывают и обратные ситуации, когда патриотизм, заключающийся в любви к своему народу и своей стране, готовность служить им верой и правдой, оценивается массовым сознанием как антигражданственность, выражающаяся в пассивном отношении к внутреннему социальному злу, в смирении с ним и даже зачастую в служении ему. Не преодолев этого социокультурного противоречия духовно-нравственного развития российского общества, невозможно добиться национальной консолидации ещё долгое время. Поэтому важным направлением культурной политики с целью сплочения российского общества должно являться снятие указанных выше противоречий и достижение конвергенции данных социокультурных ка-

честв. На наш взгляд, это может произойти только тогда, когда гражданственность станет более патриотичной, а патриотизм — более гражданственным.

Единство и солидарность. Данное социокультурное качество является фундаментальным для поступательного развития российского общества в направлении социального мира, стабильности и прогресса. Массовое воспроизводство этого качества и его широкое распространение в социальной среде послужит решению ключевых задач социокультурной модернизации — укреплению консолидирующих основ общественной и государственной жизни, снятию отчуждения между личностью, обществом и государством. Под единством понимается в первую очередь сходство, подобие разных социальных групп по своему образу жизни, укладу и регламенту деятельности. Оно проявляется в слабой выраженности индивидуальных, личностных черт, а также в примате коммунитарных, коллективистских начал жизни над субсидиарными ценностями и правами личности. Солидарность, напротив, носит более органичный для личности и современного общества характер, представляет собой поддержку и взаимопомощь, которые существуют между членами общества и основаны на общих интересах и необходимости достижения общих групповых целей, и совместную ответственность за результаты своей общей деятельности. Между данными качествами есть определённый социокультурный разлом и противоречие, вызванное особенностями развития национальной культуры и общим ходом российской истории. Суть его состоит в том, что общероссийское единство обеспечивалось, как правило, в рамках авторитарно-тоталитарных периодов развития российского народа, а солидарность, наоборот, раскрывалась в наибольшей мере в условиях проявления соборности и демократизма развития российского общества. Для формирования единства общества необходимо в первую очередь сгладить вопиющие различия в образе жизни людей, в доступности для них фундаментальных социальных благ. Правящему классу важно отказаться от незаконных и неоправданных привилегий, а также дискриминирующих другие группы общества социальных преимуществ, проявлять большую скромность, сдержанность в реализации своих возможностей по доступу к общественным благам. То же самое относится и к представителям верхних классов российского общества, для которых, согласно российским традициям, жить в духе народности и служить своему Отечеству всегда считалось немалым достоинством. Только в этом случае можно обеспечить сплочённость общества, укрепить социальное партнёрство между властью, биз-

несом и населением. Хотя это и является необходимым условием для развития солидарности, но, конечно, ещё явно недостаточным. Чтобы достичь реальной, органичной солидарности между разными социальными группами и слоями российского общества, необходим единый стратегический национальный проект развития страны, который откроет горизонты и перспективы совместных усилий общества, снимет имеющиеся на сегодняшний день противоречия между общественными классами, позволит прирастить общественные богатства и добиться более справедливого распределения общественных ресурсов. Формирование данной социокультурной характеристики российского социума позволит снять остроту противоречия между «Я-ценностями» и «Мы-ценностями», присущему нашему обществу, и придать новый импульс развитию консолидирующей культуры.

Свободомыслие, духовная раскрепощённость, ответственность. Данное социокультурное качество является основой для формирования инновационного потенциала общества, становления креативной личности, реализации важнейшего принципа современного общества — свободы выбора и ответственности человека за свои решения и поступки. Отсутствие свободы действия и восприятие мира по заранее установленным шаблонам и стереотипам, неспособность переступить барьеры сковывают социальную активность и творческий потенциал личности. Духовная закреплённость не позволяет раскрыть творческие способности и таланты человека, реализовать свои жизненные устремления. К сожалению, в настоящее время наряду с объективным ростом степени свободы во многих областях жизнедеятельности общества субъективные возможности свободного, независимого, внутреннего выбора человека явно сужаются. Это возникает в результате постоянно усиливающегося потока рекламного, информационного, пропагандистского воздействия на сознание и поведение личности средств массовой информации и коммуникаций, которое зачастую носит манипулятивный характер, влияет на подсознание, зомбирует человека, программирует многие его реакции и поступки. Опасность подобной ситуации для общества связана с тем, что человек уже перестаёт самостоятельно думать и принимать решения, получает готовые оценки событий, сформированные кем-то другим картины мира, образы желаний, алгоритмы решения тех или иных задач, способы и формы удовлетворения своих потребностей. Конечно, с одной стороны, это помогает человеку в определённой мере ориентировать-

ся в современном мире, но, с другой — часто освобождает его от внутренних интеллектуальных, нравственных и духовных усилий, замещает необходимость личного выбора некритичным восприятием готовых рецептов действий и оценок тех или иных сторон жизни. Важно отметить, что без формирования такого социокультурного качества личности, как свободомыслие и ощущение внутренней свободы выбора, невозможно сформировать чувство личной ответственности человека за свои действия и свои жизненные достижения, ослабить в нём патерналистские представления и социально-иждивенческие настроения, которые уже мало совместимы с глобальными тенденциями развития общественной жизни.

Законопослушность и правовая культура. Данное социокультурное качество представляется в настоящее время одним из наиболее важных и востребованных нормативных параметров развития и функционирования российского социума, которое в значительной степени будет определять перспективы развития России в XXI в. Фактически общество и государство встанут перед дилеммой: удастся преодолеть правовой нигилизм и жить по закону — открываются и появляются новые невиданные возможности социального и духовного прогресса, не удастся этого добиться — страна откатывается далеко назад, сходит со столбовой дороги развития цивилизации и погружается в пучину внутренних противоречий и расколов. Незрелость государственных институтов права и правоприменения, а также институтов гражданского контроля за соблюдением социальных и правовых норм со стороны представителей власти тормозят формирование цивилизованных рыночных отношений, гражданского общества, правового государства. Неуважение к закону мешает развитию социального партнёрства между разными группами общества, в частности власти, бизнеса, населения, серьёзно подрывает доверие в обществе и переводит многие реально значимые взаимодействия между людьми из плоскости гражданско-правовых отношений в сферу межличностных. Всё это не способствует формированию консолидирующей культуры российского общества, а только ещё больше провоцирует процессы социального деления и дальнейшего распада социальных общностей. Потребуется немало усилий для того, чтобы преодолеть это ключевое противоречие развития Российского государства и общества — противоречие между фундаментальной потребностью эффективного правового регулирования всех сфер социальной жизни, с одной стороны, и нежеланием многочисленных групп социума, имеющих определённую

власть, капитал, силу и влияние, ограничивать проявление своей воли рамками закона, с другой стороны. В первую очередь эти усилия должны быть направлены на формирование правовой культуры у представителей правящего класса, у руководителей и высших менеджеров корпораций, у работников правоохранительных органов. Нередко в своей деятельности и поведении они игнорируют предписания закона, особенно когда это касается незначительных и несерьёзных правонарушений, ставят себя выше норм и правил, обязательных для исполнения другими гражданами, требуют особых привилегий, которые позволяют им не считаться с общими требованиями. Подобная ситуация негативно сказывается на правопорядке всего общества, развращает в правовом плане не только указанные его слои, но и как социальная эпидемия поражает собой новые группы. В итоге многие другие граждане начинают брать пример с сильных мира сего, воспринимать как проявление особой крутости пренебрежение законом и тянуться за ними в демонстрации своего неуважения к общим правилам. Попытки привить уважение к закону «снизу», оставив всё как есть «сверху», вряд ли даст должный эффект в формировании данного социокультурного качества и только ещё более расколёт российское общество, вызовет в нём озлобленность, усилит социальную напряжённость.

Все вышеуказанные социокультурные качества должны составлять собой каркас новой культуры консолидации российского общества. В своей совокупности и единстве они представляют собой новую форму преодоления исторически дивергентного развития русской культуры, являясь своего рода системой сдержек и противовесов между «соборным» (народно-демократическим) и «центростремительным» (авторитарно-тоталитарным) началами российской общественной жизни. В конечном счёте, достижение необходимого на современном этапе глобального развития баланса и гармонии между ними послужит аккумуляции жизненных сил общества и всплеску социальной энергии, так необходимых для реализации национального стратегического прорыва. Важно понять, что данные качества представляют собой целостную систему и должны рассматриваться как своего рода диалектический сплав социокультурных противоречий, которые могут послужить и послужат основанием для ускоренного поступательного движения российского общества по пути социального, экономического, политического и духовно-нравственного прогресса.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Словарь виталистской социологии / под ред. чл. -корр. РАО С. И. Григорьева. — М. : Гардарики, 2006.
2. Иванов В. Н., Сергеев В. К. «Русский мир» и социальные реалии: науч. изд. — М. : Серебряные нити, 2008.
3. Кублицкая Е. А., Сергеев В. В. Как живёшь, Москва? : науч. изд. — М. : Серебряные нити, 2008.
4. Маршак А. Л., Сергеев В. В. Культурная безопасность населения московского мегаполиса : науч. изд. — М. : Серебряные нити, 2008.
5. Сергеев В. К., Сергеев В. В. Российская культура. На рубеже, на грани, на перепутье? : науч. изд. — М. : Серебряные нити, 2008.

АННОТАЦИЯ

В работе на основе концептуального анализа современных глобальных и локальных проблем общественного развития показаны роль и значение культурной политики в консолидации социума. Определяются и конкретизируются основные направления формирования новой культуры консолидации, а также основные социокультурные характеристики российского общества, которые будут способствовать повышению его жизнестойкости и конкурентоспособности в мире. Консолидирующая культура рассматривается как целостная система фундаментально важных для устойчивого развития современного российского общества социальных и культурных качеств, представляющих собой диалектический сплав существующих сегодня внутренних и внешних противоречий развития. Делается вывод о том, что гармонизация и преодоление существующих дисбалансов развития социума даст мощный импульс для движения российского общества по пути социального, экономического, политического и духовно-нравственного прогресса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Культурная политика; консолидация; социокультурные качества; ценности; российское общество.

ANNOTATION

On the base of conceptual analysis of contemporary global and local problems of social development, the role and the significance of cultural policy in consolidation of contemporary Russian society are presented. The basic directions of formation of new culture consolidation and basic

socio-cultural characteristics of Russian society which would raise its vitality and competitiveness in the world are defined and concretized. Consolidating culture is seen as integral system of fundamentally important for sustainable development of contemporary Russian society social and cultural characteristics, which are the dialectic unity of existed today internal and external contradictions of development. It is shown that harmonization and negotiation of disbalances of socium development give the powerful impulse to the socium consolidation and its innovative movement on the way of moral and social progress.

KEY WORDS

Cultural policy; consolidation; socio-cultural characteristics; values; Russian society.

НАУКА — ПРАКТИКЕ

БЕЛОКОЛЕНКО Мария Владимировна, кандидат педагогических наук, заместитель директора Государственного учреждения культуры «Централизованная библиотечная система «Юго-Запад», вице-президент Русской ассоциации чтения, г. Москва

О плане развития библиотечно-информационного обслуживания населения Москвы до 2015 года

С целью определения основных направлений развития системы библиотечно-информационного обслуживания населения постановлением Правительства Москвы № 318-ПП от 22 апреля 2008 г. была одобрена «Концепция развития библиотечного обслуживания населения города Москвы на период до 2015 г.»¹ (далее — Концепция). Постановлением также предусмотрена необходимость разработки плана мероприятий по реализации Концепции. Разработка указанного плана стала одной из важных задач, решаемых библиотечной системой города в 2008 г.

О принципах формирования плана

При разработке плана был учтён богатый опыт планирования библиотечной деятельности, накопленный за последние годы. В частности, план базируется на следующих системных принципах:

- принцип учёта приоритетов;
- принцип преемственности;
- принцип ориентации на конечного потребителя;

¹ Постановление Правительства Москвы от 18 сентября 2007 г. № 806-ПП «О Концепции развития библиотечного обслуживания населения города Москвы на период до 2015 г.» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. — 2008. — № 26. — С. 211–218.

- принцип научности;
- принцип комплексности.

Принцип учёта приоритетов предполагает реализацию развития библиотечного обслуживания населения Москвы в плане важнейших приоритетов, определённых Концепцией. Среди них отметим: доступность библиотечных ресурсов и услуг; удовлетворение избирательных запросов жителей; системность библиотечно-информационного обслуживания; профессиональная корпоративность библиотечной системы; непрерывность модернизации библиотек; специализация библиотек в условиях интегрированной системы; обеспечение равных возможностей пользования ресурсами всех библиотек Москвы; стандартизация качества библиотечного обслуживания населения; государственная поддержка социальных норм доступности библиотечных услуг.

Данный принцип реализован прежде всего за счёт структуризации плана с учётом этих приоритетов.

Следуя *принципу преемственности*, план явился логичным продолжением целого ряда реализованных и ныне действующих программ развития библиотечной отрасли города. При этом следует отметить, что библиотеки — одни из первых учреждений культуры Москвы, которые с конца 1990-х годов стали развиваться по программному принципу. С 1999 г. были реализованы:

- Комплексная программа поэтапной модернизации публичных библиотек Москвы;
- Целевые комплексные программы «Культура Москвы» на 2002 — 2004 гг. и 2005— 2007 гг.;
- Целевая комплексная программа развития публичных библиотек Москвы как информационных интеллект-центров на 2004 — 2006 гг.;
- Городская целевая программа «Электронная Москва».

В результате выполнения этих программ увеличена общая площадь помещений библиотек, проведены капитальный ремонт и реконструкция библиотечных зданий и помещений, заложены основы их технического и технологического оснащения, расширена культурно-просветительская и досуговая деятельность библиотек, усилена их роль в обеспечении равного доступа к культурным ценностям и информации для всех социальных групп жителей столицы. Однако нельзя утверждать, что выполненные работы позволили полностью решить все проблемы по перечисленным программам и ряду других направлений. В связи с этим в плане по реализации Концепции предусмотрено продолжение и развитие работ, начатых в предшествующие годы. В частности это касается обеспечения норм «шаговой доступности» библио-

тек для населения, дальнейшей модернизации и автоматизации библиотечной деятельности, расширения спектра услуг, предоставляемых пользователям, повышения квалификации кадров и развития нормативно-правовой базы деятельности публичных библиотек.

В соответствии с принципом преемственности составной частью плана стали также задания ныне действующих программ, в том числе Целевой комплексной программы «Культура Москвы на 2008 — 2010 гг.»¹ и Программы мероприятий по поддержке и пропаганде чтения на 2007 — 2008 гг.² В соответствующие разделы плана включены: строительство в 8-ми административных округах 15-ти многофункциональных объектов культуры, создание Сводного электронного каталога и Учебно-информационного центра публичных библиотек города, реализация проектов «Единый читательский билет» и «Библиобус», проектов по созданию публичными библиотеками собственных электронных библиотек, проведение информационных акций «Запишись в библиотеку», творческих фестивалей «Читающая Москва» и ряд других заданий.

Принцип ориентации на конечного потребителя применительно к рассматриваемой сфере деятельности означает ориентацию позиций плана на всё многообразие пользователей библиотечными услугами. В соответствии с этим принципом в плане обозначен широкий круг мероприятий по формированию системы дифференцированного комплектования фондов и обслуживания пользователей, углублению адресности услуг, предоставляемых библиотеками. Так, предусмотрено создание условий для семейного посещения библиотек, интеллектуального развития и воспитания детей, профориентации молодёжи, информационной поддержки специалистов различных областей деятельности (экологов, краеведов, философов, предпринимателей), правовой и социально-психологической поддержки людей в трудных жизненных ситуациях, адаптации мигрантов и т. д.

Принцип научности при составлении плана реализуется благода-

¹ Постановление Правительства Москвы от 25 декабря 2007 г. № 1121-ПП «О городской целевой комплексной программе «Культура Москвы (2008 — 2010 гг.)» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. — 2008. — № 8. — С. 2–157.

² Постановление Правительства Москвы от 18 сентября 2007 г. № 806-ПП «О программе мероприятий по поддержке и пропаганде чтения в городе Москве» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. — 2007. — № 55. — С. 75–90.

ря базированию его позиций на положениях Концепции, аккумулирующей в себе результаты научных исследований по проблемам библиотечного обслуживания населения и методические рекомендации российских и международных организаций, занимающихся этими проблемами.

Принцип комплексности предполагает взаимосвязь мероприятий плана с мероприятиями смежных городских программ, направленных на решение социальных, образовательных, воспитательных, информационных и иных задач, решаемых в городе. Наиболее ярко этот принцип проявился при формировании разделов, касающихся активизации работы с инвалидами, технической модернизации библиотек и их корпоративного взаимодействия. Так, мероприятия по организации надомного библиотечного обслуживания маломобильных категорий граждан, а также мероприятия по созданию библиотек для инвалидов предполагается реализовать в рамках соответствующих программ Департамента социальной защиты населения города Москвы. Мероприятия, направленные на организацию взаимодействия публичных библиотек города со школьными библиотеками, должны стать предметом совместных проектов с Департаментом образования города Москвы. Участие библиотек в издательской программе Правительства Москвы предполагается обеспечить в рамках взаимодействия с Комитетом по телекоммуникациям и средствам массовой информации города Москвы. Разделы плана по информатизации библиотек, автоматизации библиотечных технологий, развитию коммуникационной системы замкнуты на программы Управления информатизации города Москвы.

Учитывая, что план рассчитан на достаточно длительный период, предполагаются его периодическое уточнение и корректировка, в процессе которых в план будут вноситься задания новых отраслевых и смежных программ, затрагивающих вопросы развития библиотечной деятельности.

О порядке формирования плана

Принципиальным моментом, связанным с разработкой плана, явился порядок его формирования. Впервые был полностью реализован *принцип модельного планирования*, предполагающий разработку обобщённой модели плана и её последующее «наполнение» соответствующей фактурой. В модели плана были обозначены следующие разделы:

1. Актуализация фондов;

2. Доступность библиотечных ресурсов и услуг;
3. Удовлетворение избирательных запросов жителей;
4. Профессиональная корпоративность библиотечной системы;
5. Модернизация библиотек;
6. Повышение кадрового потенциала;
7. Специализация библиотек в условиях интегрированной системы;
8. Стандартизация качества библиотечного обслуживания населения.

Модель плана с подробной инструкцией по методике её конкретизации была направлена в округа и городские библиотеки и размещена на интернет-сайте Департамента культуры города Москвы, что облегчило и унифицировало её заполнение в электронном виде. Так же на сайте все участники работ над планом могли ознакомиться с текстом Концепции.

Работа по «наполнению» плана взаимосвязанно велась на трёх уровнях. Первый — разработка предложений каждой библиотекой и их обобщение на уровне ЦБС. Это, условно, — районный уровень. Второй — систематизация предложений ЦБС и самостоятельных библиотек на уровне управлений культуры административных округов. Третий — систематизация предложений округов на уровне города. Общее руководство формированием плана осуществлялось Департаментом культуры города Москвы. Методическое руководство обеспечила рабочая группа из специалистов Департамента, ведущих специалистов городских библиотек и ЦБС.

При составлении плана основная часть работы была сосредоточена в «низовом» звене, максимально приближенном к непосредственному потребителю библиотечных услуг. В результате был получен огромный фактический материал, при систематизации которого были выделены два направления:

— инновационные мероприятия, инициированные отдельными библиотеками и ЦБС. Включение этих мероприятий в городской план призвано поддержать эти инновации и превратить их впоследствии в «точки роста» для всей городской сети библиотек;

— общесистемные мероприятия, направленные на внедрение уже отработанного передового опыта по улучшению библиотечного обслуживания.

Надо отметить, что большинство библиотек и ЦБС ответственно подошли к работе по формированию плана и дали много интересных предложений. Так, по предложению ГУК «ЦБС «Юго-Запад», поддержанному Управлением культуры ЮЗАО, в план включены ме-

роприятия по созданию корпоративной телекоммуникационной сети публичных и школьных библиотек, созданию на базе библиотек центров семейных традиций и местного сообщества, созданию иллюстрированного и анимированного электронного каталога для детей и др. Кроме того, специалисты ЦБС внесли ряд предложений по составлению сводного плана на уровне города. В частности, реализованы предложения ЦБС о дополнении модели плана описанием ожидаемых результатов по каждому его пункту, об определении и условном обозначении в плане тех мероприятий, которые будут выполнены в рамках текущей деятельности библиотек, и тех мероприятий, которые требуют дополнительных финансовых затрат.

Важные предложения внесены также городскими библиотеками и другими округами. Например, в материалах Московской городской деловой библиотеки дано обоснование необходимости внедрения в крупных публичных библиотеках радиочастотной маркировки фондов. В Центральном административном округе планируется создание Библиотеки префекта, а также организация автоматизированных читательских мест «Кабинет исследователя». Для формирования раздела плана, касающегося форм работы с инвалидами, весомыми оказались предложения Центральной универсальной научной библиотеки имени Н. А. Некрасова о трудоустройстве инвалидов для работы на дому по ремонту и переплёту книг. Установка станций самообслуживания в отделах выдачи изданий на дом и создание экспериментальной «Библиотеки новой литературы», предложенные Западным административным округом, со временем могут быть внедрены и в других округах.

В процессе работы над планом была проведена серия совещаний и собеседований с участием начальников управлений культуры округов, на которых уточнялись: содержание отдельных позиций плана, принципы систематизации и степень обобщения предложений, поступивших с первого уровня. Свёрстаный на городском уровне проект плана был представлен на проработку в Управление экономического развития Департамента культуры города Москвы и повторно направлен на уточнение и согласование в окружные управления культуры и городские библиотеки.

О новациях плана

План предполагает развитие ряда принципиально новых направ-

лений библиотечного обслуживания населения столицы. В связи с этим отметим:

- создание Московского филиала Президентской библиотеки;
- организация библиотечно-информационных центров — новых библиотечных учреждений «шаговой доступности»;
- создание многофункциональных учреждений культуры, в которых библиотечное обслуживание будет осуществляться в комплексе с другими видами информационных, культурно-просветительных и досуговых услуг;
- развитие специализации библиотек в целом, их структурных подразделений, фондов и отдельных форм работы, ориентированных на удовлетворение избирательных запросов пользователей;
- внедрение новых автоматизированных и телекоммуникационных технологий, обеспечивающих полноту и оперативность библиотечно-информационного обслуживания;
- объединение возможностей всех библиотек, расположенных на территории города, вне зависимости от их ведомственной принадлежности для удовлетворения запросов пользователей;
- поддержка деятельности по сохранению культурного наследия, создание библиотек-музеев, мемориальных и краеведческих комплексов, центров национальных культур;
- создание библиотек районного уровня для людей с ограниченными возможностями жизнедеятельности;
- законодательное и нормативное обеспечение библиотечной деятельности в столичном мегаполисе и др.

Новым содержанием планируется насытить и традиционные направления библиотечной деятельности. В первую очередь это касается расширения информационных ресурсов библиотек. Учитывая многолетнее недофинансирование комплектования библиотек, на ближайшую перспективу намечено существенно увеличить затраты на закупку книг, периодики, электронных изданий и баз данных, а также использовать для пополнения библиотечных фондов возможности издательской программы Правительства Москвы. С целью актуализации фондов планируется осуществить ряд мер, направленных на исключение из фондов библиотек невостребованных изданий. В плане также обозначены мероприятия, поднимающие на новый уровень работу по нестационарному библиотечному обслуживанию.

О контрольных показателях плана

В контрольных цифрах план ориентируется на показатели, определённые Концепцией. В частности, предполагается, что в результате выполнения плана:

— будет построено 15 многофункциональных объектов культуры, создано 129 библиотечно-информационных центров и 118 новых информационных интеллект-центров;

— благодаря применению информационно-коммуникационных технологий расширится набор и повысится качество услуг публичных библиотек;

— объём книговыдачи и выполняемых информационных запросов возрастет с 10 тыс. до 15 тыс. экз. на 1 библиотечного работника в год;

— показатели обновляемости фондов вырастут с 3 до 10% в год;

— значительно повысится уровень доступности библиотек, особенно для детей, пожилых людей и инвалидов за счёт увеличения количества библиотечных учреждений с 440 до 580 объектов;

— профессиональную переподготовку пройдут 2,5 тыс. работников библиотек;

— количество постоянных пользователей увеличится в 2 раза — с 2,6 млн. до 5 млн. человек.

Выполнение задач плана позволит существенно улучшить информационно-библиотечное обслуживание населения города, приблизив его к лучшим мировым показателям.

Всё это будет способствовать дальнейшему развитию и процветанию Москвы как столицы новой России и одного из мировых центров культуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Постановление Правительства Москвы от 18 сентября 2007 г. № 806-ПП «О Концепции развития библиотечного обслуживания населения города Москвы на период до 2015 г. » // Вестник Мэра и Правительства Москвы. — 2008. — № 26. — С. 211–218.

2. Постановление Правительства Москвы от 25 декабря 2007 г. № 1121-ПП «О Городской целевой комплексной программе «Культура Москвы (2008 — 2010 гг.)» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. — 2008. — № 8. — С. 2–157.

3. Постановление Правительства Москвы от 18 сентября 2007 г. № 806-ПП «О Программе мероприятий по поддержке и пропаганде чтения в городе

Москве» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. — 2007. — № 55. — С. 75–90.

АННОТАЦИЯ

В 2008 г. постановлением Правительства Москвы одобрена Концепция развития библиотечного обслуживания населения города Москвы на период до 2015 г. и предусмотрена необходимость разработки плана мероприятий по реализации Концепции. Разработка указанного плана стала одной из важных задач, решаемых библиотечной системой Москвы в 2008 г. Статья посвящена рассмотрению методических и содержательных вопросов, связанных с разработкой плана. Проанализированы принципы формирования плана, позволившие реализовать системный подход к развитию библиотечного обслуживания населения города. При рассмотрении порядка формирования плана акцент сделан на использование принципа модельного планирования и организации работы по составлению плана на трёх уровнях (библиотек, управлений культуры округов, Департамента культуры города Москвы). Рассмотрены наиболее крупные содержательные новации плана. Отмечены его позиции, предполагающие создание Московского филиала Президентской библиотеки, организации библиотечно-информационных центров «шаговой доступности», объединение возможностей библиотек разной ведомственной принадлежности для более полного обслуживания различных групп читателей и др. Приведены некоторые контрольные цифры плана, иллюстрирующие масштабность задач, решаемых на его основе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Системная методология; принципы планирования; развитие библиотечного обслуживания; инновации в библиотечной деятельности.

ANNOTATION

In 2008 the Governmental order of Moscow approves the Concept of development of service of the population of city of Moscow for the period till 2015 and necessity of development of a plan of measures on realization of the Concept is stipulated. Development of the specified plan became one of the important problems solved by library system of Moscow in 2008. Clause is devoted to consideration of the methodical and substantial questions connected with development of the plan. Principles of formation of the plan, allowed to realize the system

approach to development of library service of the population of city are analyzed. By consideration of the order of formation of the plan the accent is made on use of a principle of modeling planning and the organization of work on scheduling at three levels (libraries, managements of culture of districts, Department of culture of city of Moscow). The largest substantial innovations of the plan are considered. The positions of the plan assuming creation of the Moscow branch of Presidential library, the organization of library centers are noted «step-by-step availability», association of opportunities of libraries of a various departmental accessory to fuller service of various groups of readers and others. Some estimated figures of the plan illustrating scale of problems, solved on its basis are resulted.

KEY WORDS

System methodology; principles of planning; development of library service; innovations of library activity.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

СОСУНОВА Ирина Александровна, доктор социологических наук, проректор по науке Международного независимого эколого-политологического университета, г. Москва, МАРАР Ольга Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Связи с общественностью и педагогика» Воронежского государственного технического университета, г. Воронеж

Экологическая культура: понятие, сущность, структура и функции

Культура пронизывает все без исключения сферы социальной жизни. В обществе как целостном социальном организме культура выступает аналогом генетических кодов ДНК в биологических организмах, т. е. различные виды деятельности, поведения, общения людей, регулируемые культурными кодами, обеспечивают воспроизводство и развитие подсистем общества и их взаимосвязей (искусственно созданной предметной среды — «второй природы», социальных общностей и институтов, типов личности и т. д.).¹

Исходя из конкретных задач научного изучения реальности, в общей структуре культуры традиционно выделяют её основные специфические элементы: материальную и духовную культуру; массовую культуру; политическую культуру; культуру повседневности; экологическую культуру и т. д.²

Основной причиной современной актуализации научной разработки проблематики экологической культуры является критическая степень обострения социоприродных противоречий на современном этапе общего комплекса взаимодействия общества и природы, когда антропогенные воздействия на окружающую природную среду

¹ См., напр. : Ионин Л. И. Социология культуры. — М., 1996 и др.

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант — 08-06-90102-Мол_а

привели человечество на грань экологической катастрофы, которую можно избежать только при условии смены традиционных ориентиров социокультурного развития. Результатом данных перемен, по общему мнению научного сообщества, должно стать проявление в социальной реальности экологической культуры, формирующей коэволюционное развитие человека и природы.

В том или ином виде большинство феноменов, относимых ныне к сфере экологической культуры, существовало веками, однако при этом экологическая культура обладала конкретно-историческим содержанием. Важное место в анализе проблем экологической культуры с позиции исторического подхода принадлежит трудам таких отечественных учёных, как историки В. С. Соловьёв, В. Д. Ключевский и др.; философы Н. А. Бердяев, Н. Ф. Фёдоров, П. А. Флоренский, Н. О. Лосский, Л. Н. Гумилёв и др., социологи Л. И. Мечников, П. А. Сорокин и др.¹

Данное направление исследований развивается и в настоящее время.²

Известные подходы к определению понятия «экологическая культура» существенно различаются. В частности, достаточно распространено широкое толкование экологической культуры как общей культуры взаимодействия общества с природной средой. Так, по мнению В. Д. Бондаренко: «Материальную и духовную сферу жизни общества охватывает экологическая культура, представляющая собой культуру всех видов деятельности, так или иначе связанных с познанием, использованием, преобразованием природы»³. В качестве структурных элементов экологической культуры при этом выделяются: научно обоснованные способы рационального природопользования; методы охраны окружающей природной среды; нормы экологически корректного поведения по отношению к природе, формирующиеся в процессе познавательной и практической деятель-

¹ Бердяев Н. А. О назначении человека. — М., 1993; Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. — М., 1988; Он же: Научная мысль как планетарное явление. — М., 1991; Гумилёв Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. — М., 2006; Лосский Н. О. Мир как органическое целое. — СПб., 1917; Соловьёв В. С. Соч. в 2 т. — М., 1988; Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени / пер. с англ. — М., 1997; Фёдоров Н. Ф. Философия общего дела. — М., 1928.

² См. напр.: Историческая экология и историческая демография: сб. науч. ст. / под ред. Ю. А. Полякова. — М., 2003.

³ Бондаренко В. Д. Культура общения с природой. — М., 1987. — С. 154.

ности; а в качестве специфических характеристик экологической культуры — сознательность, убеждённость, осознание природы как достояния.

Столь же широкой считает сферу проявления экологической культуры и Е. В. Никонорова, по мнению которой экологическая культура является специфически человеческой формой связи человека с природой, со всем окружающим его миром и мирозданием, самим собой и другими людьми.¹

Иной позиции придерживается, например, В. А. Лось, отводящий экологической культуре гораздо более узкое проблемное поле и считающий, что «экологическая культура есть совокупность материальных и духовных ценностей, а также способов человеческой деятельности, которая обуславливает соответствие социокультурного процесса сохранению природной среды»².

Существуют различия и в вопросе включения в состав экологической культуры элементов материальной и духовной природы. Так, например, А. О. Лагутин включает в структуру экологической культуры лишь духовные феномены, утверждая, что экологическая культура — это открытая динамическая система высоконравственных ценностных установок, цель которой — сохранение и развитие природно-социального потенциала человеческого общества, формирование устойчивой экологической сферы общества.³ Достаточно близка к подобной трактовке В. А. Игнатова, видящая экологическую культуру в качестве нового содержания общечеловеческой культуры, базис которой составляют универсальные духовные ценности, экологический и нравственный императивы.⁴ Достаточно типична в данном отношении и точка зрения В. А. Ситарова⁵, полагаю-

¹ Никонорова Е. В. Экологическая культура и факторы её формирования (философско-социологический аспект проблемы) : автореф. дисс. на соиск. уч. степ. д. ф. н. — М., 1994.

² Лось В. А. Экологические ориентиры выхода цивилизации на уровень устойчивого развития // Актуальные проблемы социальной философии. — М., 1998. — С. 51.

³ Лагутин А. О. Экологическая культура как фактор устойчивого развития общества : автореф. дисс. на соиск. уч. степ. к. ф. н. — Краснодар, 2001.

⁴ Игнатова В. А. Интегрирование учебных курсов как средство формирования экологической культуры учащихся : автореф. дисс. на соиск. уч. степ. д. п. н. — Тюмень, 1995.

⁵ Ситаров В. А. Социальная экология / В. А. Ситаров, В. В. Пустовойтов. — М., 2000. — 280 с.

щего, что экологическая культура, выступая органической, неотъемлемой частью культуры общества, характеризуется степенью его духовности, степенью нравственности, степенью внедрения экологических принципов в деятельность людей.

Следует также отметить часто неакцентированные различия в понимании сути экологической культуры как достаточно самостоятельного элемента культуры вообще или же как некоего специфического аспекта традиционных элементов. Например, Н. Ф. Реймерс в значительной мере отождествлял экологическую культуру и специфические особенности современной культуры в целом, рассматривая экологическую культуру именно как «этап и составную часть развития общемировой культуры, характеризуемые острым, глубоким и всеобщим осознанием насущной важности экологических проблем в жизни будущего развития человечества»¹.

В ряде случаев исследователи по существу отождествляют экологическую культуру с её идеальным состоянием, соответствующим торжеству экологического императива (в смысле Н. Н. Моисеева), устойчивого развития и т. п., т. е. с будущим и неизвестно каким образом достижимым состоянием. Например, В. Межжерин трактует экологическую культуру как реальность, обусловленную наступлением времени, когда «наука, технология, религия, философия, астрология, литература, искусство — все вместе творят образ жизни человека. Осуществляя через неё взаимодействие с истинным Миром, человек обеспечивает себе состояние нормы, которую можно рассматривать в качестве высшей формы приспособленности. Это и будет означать появление на планете Земля нового вида человека — человека экологического»².

Отсутствуют и общепринятые взгляды на структуру экологической культуры. Например, по мнению Ю. Л. Хотунцева, в ней можно выделить экологические знания, понимание того, что природа является источником жизни и красоты, богатства нравственно-эстетических чувств и переживаний, порождаемых общением с природой; ответственность за её сохранение; способность соизмерять любой вид деятельности с охраной окружающей среды и здоровья человека, глубокую заинтересованность в природоохранной деятельности и

¹ Реймерс Н. Ф. Природопользование : словарь-справочник. — М., 1990. — С. 259.

² Межжерин В. Человек экологический // Зеркало недели. — 2002. — 23 авг. — 1 сент. — № 32.

грамотное её осуществление.¹ Следует отметить, что проблема структуры экологической культуры достаточно детально проработана учёными, занимающимися вопросами экологического образования и воспитания.

Так, согласно Б. Т. Лихачеву² сущность экологической культуры как конечной цели образования может рассматриваться как органическое единство экологически развитого сознания, эмоционально-психических состояний и научно обоснованной волевой утилитарно-практической деятельности.

В целом же, рассматривая структуру экологической культуры, в научной литературе обычно выделяют две её стороны: материальную (все формы взаимодействия общества с природой и результаты этого взаимодействия) и духовную (экологические знания, умения, убеждения, навыки). Иной подход демонстрирует, например, И. П. Сафронов, представляющий экологическую культуру общества как систему диалектически взаимосвязанных элементов: экологического сознания, экологического мировоззрения и экологической деятельности. Каждый из перечисленных элементов имеет сложную структуру. Так, экологическое сознание в широком понимании — это сознание, имеющее свою специфику, направленность, связанную со своеобразием отражения мира природы и конструктивно-творческим его преобразованием.³

Ядром экологической культуры, по мнению многих исследователей, является экологическое мировоззрение. В частности, В. А. Игнатова⁴ отмечает, что четыре компонента мировоззрения — познавательный, ценностно-нормативный, морально-нравственный и чувственно-волевой — отражают реальную готовность личности к определённому типу поведения, составляют основу культурологического и практического аспектов её деятельности и «фокусируют» в себе все без исключения элементы понятийной матрицы экологической культуры.

¹ Хотунцев Ю. А. Пути формирования экологической культуры школьника // Стандарты и мониторинг в образовании. — 2001. — № 6. — С. 55.

² Лихачёв Б. Т. Педагогика. Курс лекций : учеб. пособие. — М., 1998. — 464 с.

³ См., например, Дерябо С. Д. Экологическая педагогика и психология : учеб. пособие для студентов вузов / С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин. — Ростов н/Д, 1996. — 480 с.

⁴ Игнатова В. А. Интегративные учебные курсы как средство формирования экологической культуры учащихся : автореф. на соискание ученой степени доктора пед. наук / В. А. Игнатова. — Тюмень, 1999. — 12 с.

Экологическая культура как экологическая деятельность обычно характеризуется в качестве интегративного понятия, охватывающего различные виды человеческой деятельности как в материальной, так и в идеальной сферах, связанные с познанием, освоением, преобразованием и сохранением природной среды.¹ Существуют и иные подходы к определению структуры экологической культуры. Авторами предлагается структурно-компонентный состав экологической культуры (см. таблицу).

Структурно-компонентный состав экологической культуры

Компонент	Характеристика
Мотивационный	Потребности. Ценностные установки. Субъектное отношение. Субъектная позиция. Эмоции. Чувства
Содержательный	Научное мировоззрение. Знания. Представления. Умения. Познавательная активность. Интересы
Деятельностно-практический	Навыки. Привычки. Поступок. Поведение. Деятельность
Рефлексивный	Самооценка. Самосознание. Самокритичность

«Операционализацию» понятия «экологическая культура» (т. е. процесс превращения концепции в инструмент, пригодный для использования в ходе конкретных исследований²) в интересах выявления взаимозависимостей и взаимосвязей с экологическим дизайном целесообразно проводить в основном в зависимости: 1) от вида функции, выполняемой экологической культурой в обществе; 2) от основных структурных элементов экологической культуры и уровня их проявления; 3) от вида изучаемой деятельности и её субъекта.

Условно данные подходы можно назвать функциональным, структурным и деятельностным соответственно. Функциональный подход концентрирует внимание на функциональном начале в экологической культуре как источнике деятельности. Очевидно, что число такого рода функций достаточно обширно и они могут представлять определённую иерархическую структуру. В частности, классик современной социологии Т. Парсонс выделял следующие общие функциональные императивы культуры³:

¹ Рыбакова М. В. Современная экологическая практика. — М., 2006.

² Социологическая энциклопедия : в 2 т. — М. : Мысль, 2003. — С. 109.

³ Парсонс Т. Социальные системы и культура // О социальных системах. — М., 2002. — С. 698–716.

- достижение цели (функция целеполагания);
- адаптация к внешней среде (адаптационная функция);
- интеграция всех компонентов системы (интеграционная функция);
- регулирование напряжений в системе (регуляционная функция).

Данные функции реализуются как на уровне поступков отдельных индивидов, так и на макроуровне социальной системы.

В современной теории принято выделять следующие функции экологической культуры¹:

1. Функция освоения и преобразования мира. Реализуется через создание материальных условий жизни (пища, одежда, жильё), освоение территории (окультуривание новых земель, развитие средств связи) и в культурном творчестве (разработка новых направлений в науке, инновационные открытия, развитие теории познания). В последнее время отрицательное проявление этой функции связано с созданием и распространением образцов массовой культуры и средств масс-медиа;

2. Коммуникативная функция. Как важнейшая сторона культурного развития реализуется в труде, отдыхе, продолжении рода. В идентификации этой функции особое место занимает речевой канал коммуникации как выражение определённого уровня культуры;

3. Функция накопления и хранения информации. Осуществляется через функционирование в социокультурном пространстве различных информационных потоков: устной и письменной речи, радио- и телекоммуникаций, распространения социального опыта, нравственных и религиозных установок. Очень важное место имеет проблема преемственности, исторической памяти и «социальной наследственности». Особо нужно учитывать, что эта функция в современном мире реализуется в условиях информационного взрыва;

4. Регулятивная и нормативная функция. Поддерживает устойчивость традиций, позволяет соотносить поступки с действиями, координирует различные виды и типы социокультурной деятельности. Нормативная функция культуры регулируется факторами полага-

¹ Маршак А. А. Социология культурно-духовной сферы. — М., 2007. — С. 61–62; Глазачев С. Н. Экологическая культура и образование: ответ на вызов глобальных проблем // Истоки единства: проблемы воссоздания социально-экологического пространства России и Беларуси. — М., 2002. — С. 11–30.

ощегося характера, выработанными и принятыми сознательно человеческим обществом. Культурная ситуация регулируется различными нормами: техническими, моральными, этическими. Нормы могут быть обеспечены природно-климатическими условиями (экология), традициями, религией;

5. **Гедонистическая функция (или функция разрядки)**. Освобождает от эмоциональной напряжённости. Особую роль здесь играют виды художественной культуры: театр, кино, литература, живопись, телевидение и т. п. ;

6. **Функция защиты (или безопасности)**. Позволяет через социокультурную деятельность создавать наиболее эффективные средства и механизмы защиты. Они могут быть включены в продукты материальной культуры (медицинские препараты, одежда, обувь, оружие, средства химической защиты и т. п.) и в духовную культуру (средства досуга, музыка, живопись, технический дизайн и т. п.). В последнее время, когда мы оказываемся в обществе риска, эта функция культуры занимает всё более приоритетное место в современной социокультурной ситуации.

Деятельностный подход реализуется в большинстве прикладных конкретных социологических исследований проблемной сферы экологической культуры, выполняемых, как правило, в русле классической социологической парадигмы.¹

Исходя из вышеизложенного, представляется целесообразным предложить следующее рабочее проблемно-ориентированное определение понятия «экологическая культура»: *«Экологическая культура — система исторически развивающихся надбиологических программ человеческой деятельности, распространяющихся на все сферы материальной и духовной жизни и направленных на регуляцию отношений общества и природы на основе принципа коэволюции»*. Дальнейший анализ проводится с учётом данного определения.

Завершая рассмотрение основных теоретических вопросов, связанных с экологической культурой в целом и её современным состоянием, считаем необходимым особо подчеркнуть следующие положения.

1. С точки зрения выполнения экологической культурой функции целеполагания в сфере взаимоотношений общества и природы мож-

¹ Давыдов А. А. Социология как метапарадигмальная наука // Социс. — 1992. — № 9. — С. 85–87.

но констатировать, что в научном и экспертном сообществе сложилась достаточно законченная и полная система взглядов на основные ориентиры развития человечества. Характерна в этом отношении точка зрения С. Н. Глазачева¹, что экологическая культура как социальный феномен предполагает такой способ жизнедеятельности, при котором общество своей системой духовных ценностей, этических императивов, экономических механизмов, правовых норм и социальных институтов формирует у людей потребности и способы их реализации, не создающие угрозу жизни на Земле. Такая культура, по мнению Н. Н. Моисеева, включает в себя «экологический императив», не зависит от воли отдельного человека, отражает коллективный интеллект человечества и биотические пределы биосферы. Это мера свободы человека свободного, разумного, нравственного по отношению к природе.

К концептуальным идеям современной экологической культуры, как представляется, можно отнести в первую очередь принцип коэволюции.

2. Актуализация проблем экологической культуры в нынешних условиях представляется необратимой. Согласно пессимистическим воззрениям преобразующая природу деятельность человека, независимо от её масштабов, приводит к медленному или быстрому, но всегда фатальному разрушению системы «общество — природа», включая субъекта этого разрушения — человека.² Даже говоря о принципе коэволюции, необходимо отметить встречающуюся существенную методологическую разницу в трактовке данного понятия. Если ряд исследователей фактически подразумевает под коэволюцией примат природы и сохранение её в неизменном (или хотя бы в относительно неизменном) виде, то другие, в частности Н. Н. Моисеев³, считают сохранение «статичности» во взаимоотношениях общества и природы утопией. С их точки зрения, речь может идти только о сохранении «устойчивого неравновесия» (термин принадлежит Э. Бауэру), т. е. состояния, когда изменение параметров биосферы происходит столь медленно, что человечество способно адаптироваться к переменам, вписаться в практически стабильные биогеохимические циклы.

¹ Глазачев С. Н. Экологическая культура и образование: ответ на вызов глобальных проблем. — С. 11–30.

² Кутырев В. А. Экологический кризис: постмодернизм и культура // Вопр. философии. — 1996. — № 11. — С. 26–31.

³ Моисеев Н. Н. Цивилизация на переломе. Пути России. — М., 1996.

3. В условиях несомненной научной неопределённости и высокой потенциальной опасности многих последствий человеческой деятельности, в связи с чем ряд исследователей считает возможным говорить о кризисе рационализма в сфере отношений природы и общества¹, резко возрастает значение ценностных (аксиологических) и этических феноменов экологической культуры.² Основная причина этого явления заключается в том, что за любым процессом взаимодействия человека и природы стоит ценностный конфликт, на весах которого сравнивается ущерб, наносимый природе, и приращение в удовлетворении определённых потребностей человека и общества. В условиях научной неопределённости разрешение этого конфликта неизбежно происходит не только в сфере рационального мышления, но и в сфере духовной жизни, где формируются регуляторы поведения, диктующие личности предпочтение между «можно» и «нельзя» в ситуации выбора.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ионин Л. И. Социология культуры. — М., 1996.
2. Бердяев Н. А. О назначении человека. — М., 1993.
3. Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. — М., 1991.
4. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. — М., 2006.
5. Лосский Н. О. Мир как органическое целое. — СПб., 1917.
6. Соловьёв В. С. Сочинения в 2 т. — М., 1988.
7. Сорокин П. А. Главные тенденции нашего времени / пер. с англ. — М., 1997.

¹См., напр. : Моисеев Н. Н. Современный рационализм. — М., 1995; Кавтарадзе Д. Н. Как приучить человека рационально использовать природные ресурсы? // Барьер безопасности. — 2002. — № 11 и др.

²Глазачев С. Н., Козлова О. Н. Стратегия формирования экологической культуры как условия безопасности страны // Экологическая культура и образование: опыт России и Беларуси. — М., 2000; Мазур И. И., Козлова О. Н., Глазачев С. Н. Путь к экологической культуре. — М., 2001; Ковалёв В. И. Цивилизационные ценности России // ПОИСК. — 2004. — № 3 (9). — С. 31–46; Костюнина О. А. Формирование ценностей в современном обществе // ПОИСК. — 2004. — № 3 (9). — С. 131–146; Миронов А. В. Понятие ценности, виды и иерархия ценностей // Соц.-гуманит. знания. — 2007. — № 1. — С. 92–105; Он же. Кризис духовных ценностей на социальном пространстве современной России // Соц.-гуманит. знания. — 2007. — № 2. — С. 39–51; Сосунова И. А. Социальная экология. — М., 1996; Яо Л. М. Экологическое сознание современного российского общества: теоретико-методологические подходы. — М., 2004. — 311 с.

8. Историческая экология и историческая демография : сб. науч. статей / под ред. Ю. А. Полякова. — М., 2003.
9. Лось В. А. Экологические ориентиры выхода цивилизации на уровень устойчивого развития // Актуальные проблемы социальной философии. — М., 1998.
10. Лагутин А. О. Экологическая культура как фактор устойчивого развития общества : автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к. ф. н. — Краснодар, 2001.
11. Ситаров В. А. Социальная экология / В. А. Ситаров, В. В. Пустовойтов. — М., 2000.
12. Межджерин В. Человек экологический // Зеркало недели. — 2002. — 23 авг. — 1 сент. — № 32.
13. Рыбакова М. В. Современная экологическая практика. — М., 2006.
14. Парсонс Т. Социальные системы и культура // О социальных системах. — М., 2002.
15. Маршак А. А. Социология культурно-духовной сферы. — М., 2007.
16. Кутырев В. А. Экологический кризис: постмодернизм и культура // Вопр. филос. — 1996. — № 11.
17. Моисеев Н. Н. Цивилизация на переломе. Пути России. — М., 1996.
18. Кавтарадзе Д. Н. Как приучить человека рационально использовать природные ресурсы? // Барьер безопасности. — 2002. — № 11.
19. Миронов А. В. Кризис духовных ценностей на социальном пространстве современной России // Соц.-гуманит. знания. — 2007. — № 2.
20. Сосунова И. А. Социальная экология. — М., 1996.
21. Яо Л. М. Экологическое сознание современного российского общества: теоретико-методологические подходы. — М., 2004.

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются понятие, сущность, структура и функции такого сложного феномена, как экологическая культура. Экологическая культура как экологическая деятельность обычно характеризуется в качестве интегративного понятия, охватывающего различные виды человеческой деятельности как в материальной, так и в идеальной сферах, связанные с познанием, освоением, преобразованием и сохранением природной среды. Авторами предлагается структурно-компонентный состав экологической культуры. Основной причиной современной актуализации научной разработки проблематики экологической культуры является критическая степень обострения социоприродных противоречий общего комплекса взаимодействия общества и природы,

когда антропогенные воздействия на окружающую природную среду привели человечество на грань экологической катастрофы, которую можно избежать только при условии смены традиционных ориентиров социокультурного развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Экологическая культура; функция; система; социокультурное развитие; структурно-компонентный состав экологической культуры.

ANNOTATION

In this article the definition, essence, structure and functions of such phenomenon as ecological culture is analyzed. Ecological culture as ecological activity is usually characterized as integrated definition, which encloses different types of human activity in material and ideal spheres, connected with cognition, perception, assimilation, reformation and preservation of environment. The structural-component composition of ecological culture is offered by authors. The main reason of contemporary actualization of scientific elaboration of ecological culture issue appears to be the critical degree of worsening of socio-natural contradictions in general complex of interactions between the society and the nature. The anthropogenic influence to environment has lead the humans to the border of ecological catastrophe, which can be avoid only if we change the traditional orientations of socio-cultural development.

KEY WORDS

Ecological culture; function; system; socio-cultural development; structural-component composition of ecological culture.

БАРБАКОВА Клара Григорьевна — доктор философских наук, профессор, директор НИИ исследования общества Тюменского государственного нефтегазового университета, действительный член Международной академии наук высшей школы, Международной академии информатизации, г. Тюмень, МАНСУРОВ Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, заместитель директора, заведующий сектором социологии профессий и профессиональных групп, сектором оперативных и прикладных исследований Института социологии РАН, действительный член Российской академии социальных наук и Международной академии информатизации, член Советов национальных ассоциаций Международной и Европейской социологических ассоциаций, президент Российского общества социологов, г. Москва

Интеллигенция: статус, функции и роль в обществе

Политическая власть, какие бы нравственные ценности ни провозглашала, не может следовать им, ибо действия её представляют реализацию ценностей определённой социальной группы, которая привела субъекта власти к власти. Даже при развитой демократии народ следует за наиболее значимыми для него группами или личностями. Зарождающаяся же демократия отягощена привязанностями к прошлому или полным анархическим отрицанием его, что не может не отразиться на формировании групповых интересов, на их приоритетности в процессе выбора субъекта власти. Стремящиеся к политической власти определённые группы или их представи-

тели, сориентированные на интересы выдвигающих их групп, вынуждены при получении власти эти интересы реализовывать, подавляя в той или иной мере оппозиционные им группировки.

Может ли какая-либо политическая власть в своей деятельности ставить во главу угла общечеловеческие ценности? История свидетельствует, что пока этого не удавалось сделать ни одной социальной группе, пришедшей к власти. Не потому ли реализацию гуманистических принципов: человек — цель, а не средство для другого, человечество связывает или с царством Божиим на небе, или с утопическими представлениями о царстве справедливости на земле? Невозможность реализации гуманистических идеалов во всей полноте приводит к концепции «меньшего зла», концепции достаточно опасной из-за субъективности трактовки степени зла. А судьи кто? Кто может в обществе решить вопрос об уровне управления с точки зрения общечеловеческих принципов, а также начать поиск реальных возможностей осуществления этих принципов в жизнедеятельности настоящих и будущих поколений? Может быть, интеллигенция? Какая? И вообще, что такое интеллигенция?

Пятнадцать лет тому назад мы сделали попытку ответить на эти вопросы, рассматривая проблемы взаимодействия власти и интеллигенции в книге «Интеллигенция и власть»¹, определяя границы содержания категорий: интеллигенция, интеллигенты, интеллектуалы. Сейчас многое из книги требует переосмысления не только в связи с трансформацией исторического процесса развития советского и российского общества, но и в связи с определённой переоценкой ценностей, которая происходит, по крайней мере, должна происходить, у человека с приобретением жизненного опыта, с получением новой информации, при анализе постоянно изменяющейся общественной практики. У нас до сих пор не было принято отрицать собственное мнение, высказанное где-то, когда-то. Догматизм, насаждаемый в общественном сознании, прочно внедрялся в сознание индивидуальное, принуждая отстаивать то, во что сам человек переставал верить. Страх оказаться в роли отказавшегося от собственных принципов часто сдерживал и сдерживает до сих пор многих обществоведов от критического отношения к своему образу мыслей и образу жизни. Покаяние, столь распространённое как абстрактное действие для всех, не стало нормой для личностного поведения. Даже многие из тех, кого мы относим к интеллигенции, не встали на

¹ Барбакова К. Г., Мансуров В. А. Интеллигенция и власть. — М. : Институт социологии АН СССР, 1991.

этот путь очищения. «Чувство собственной виновности», столь присущее изначально русской интеллигенции, порой начало переходить в необходимость поиска виновности другого.

Отдавая себе отчёт в нравственной ущербности такого подхода, мы попытаемся переосмыслить, с точки зрения сегодняшнего дня, и свои собственные суждения о взаимодействии интеллигенции и власти.

Новая цивилизация, порождающая новое мышление, с одной стороны, и являющаяся его результатом, с другой, напишет над своими воротами слова великого Данте: «Здесь нужно, чтобы мысль была чиста, здесь страх не должен подавать совета!».

Субъектом осознания этого единства новой цивилизации и нового мышления должна стать интеллигенция. В этом её современное предназначение, в этом её историческая миссия, к реализации которой она подходит не с нуля. Что объединяет или должно объединить людей: страх перед Апокалипсисом? общая беда пассажиров тонущего корабля? или наличие общечеловеческих ценностей, общечеловеческих интересов? В состоянии ли сегодня интеллигенция перевести идеи общечеловеческих ценностей из области мечтаний в науку и, превратив их в фундаментальные принципы нового мышления, тем самым обусловить переход к новой цивилизации?

Что роднит, объединяет людей, что отличает человека от животного?

«Сознательная жизнедеятельность непосредственно отличает человека от животной жизнедеятельности, — отвечает на эти вопросы К. Маркс. — Именно лишь в силу этого он есть родовое существо»¹. Самоутверждение человека как родового существа происходит в практическом созидании предметного мира. При этом неизменным атрибутом подлинно человеческой деятельности является свобода, в основе которой лежит, как правило, объединение в одном лице производителя и собственника. Отделение результата труда от производителя, присвоение его другим приводит к отчуждённому труду, к развитию его подневольного характера. Тогда существование отделяется от родовой сущности человека.

Таковыми примерами изобилует история человечества до сих пор. Новая цивилизация должна преодолеть раздвоение существования и родовой сущности человека. «Человеческая сущность природы, — пи-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М. : Госполитиздат, 1956. — С. 865.

шет К. Маркс, — существует только для общественного человека, ибо только в обществе природа является для человека звеном, связывающим человека с человеком, бытием его для другого и бытием другого для него»¹. Таким образом, человеческое существование в такой степени реализует родовую сущность, в какой другой человек выступает для него целью, а не средством. Именно с принципом гуманизации К. Маркс связывал становление коммунистического общества.²

Модель коммунизма, просматриваемая в работах К. Маркса, базировалась на поступательном движении общества и личности, на общей гуманистической направленности развития мировой цивилизации. Практика социалистического строительства в Советском Союзе не соответствовала этой модели, устранив человека как субъекта и цель общественного развития, насильственно внедряя общественные отношения в духе казарменного, командно-административного коммунизма, что формировало ущербность в массовом мышлении, доминантой которого стал страх. Оно явилось как бы антиподом гуманистического мышления, присущего ранее незначительному меньшинству общества, осуществившего связь времён от революционных идеалов прошлого к современности. Хранительницей общечеловеческих ценностей стала та часть общества, которая смогла, несмотря на репрессии и феодально-абсолютистские порядки, несмотря на распространение застойных явлений в политике, экономике и культуре, сохранить сущность своей личности как своё самое высокое духовное достояние. И. Берлин, раскрывая уникальный феномен истории — рождение русской интеллигенции, писал: «Интеллигенция — русское слово, оно придумано в XIX веке и обрело с тех пор общемировое значение. Сам же феномен со всеми его историческими, в полном смысле слова — революционными последствиями, по-моему, представляет собой наиболее значительный и ни с чьим другим не сравнимый вклад России в социальную динамику. Не следует путать интеллигенцию с интеллектуалами. Принадлежащие к первой считают, что связаны не просто интересами или идеями; они видят себя посвящёнными в некий орден, как бы пастырями в миру, назначенными нести особое понимание жизни, своего рода новое Евангелие»³. Появление этой интеллигенции обусловили три

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М.: Госполитиздат, 1956. — С. 590.

² Там же. — С. 587.

³ Берлин И. Рождение русской интеллигенции // История свободы. Россия. — М.: Новое лит. обозрение, 2001. — С. 9.

фактора, характеризующие российскую ситуацию конца XVIII — первой половины XIX веков: **во-первых**, гнетущая, лишённая воображения власть, которая стремилась прежде всего удержать своих подданных в подчинении и отвергала всякие попытки перемен, хотя некоторые здравомыслящие представители верхов не могли не понимать, что реформа, например крепостной системы, образования в стране, судебных порядков, является не только желательной, но становится неизбежной; **во-вторых**, условия жизни российского населения и более всего угнетённого экономически обездоленного крестьянства, слишком слабого и неорганизованного, чтобы эффективными действиями отстаивать свои права; и, **в-третьих**, появление очень тонкой прослойки образованного меньшинства, которые, наблюдая социальную активность в Европе, пока лишь мечтали о формировании протестных групп, способных активно выступить с новыми идеями. Чтобы понять зарождающуюся российскую интеллигенцию, которая сформировалась как определённая группа единомышленников, надо представить себе людей, со страстью выступающих против жестокого царского режима, понимающих, насколько они одиноки в этом безжалостном мире, где, с одной стороны, жестокая власть самодуров, а с другой — абсолютно непросвещённая масса задавленных и неорганизованных крестьян. И тем не менее они были проникнуты романтическим чувством, что призваны исполнить миссию, которая превосходит эгоистические цели материального достатка, что, имея более высокое образование, чем их угнетённые собратья, они обязаны помочь им обрести хоть какую-то свободу, что этот их прямой долг связывает российское общество воедино, долг, которого требует от них история во имя будущего России.¹

В России XIX в. ещё немногочисленная зарождающаяся интеллигенция поставила перед собой задачу реализации своих идей в действительность. Произнесённое слово должно было воплощаться в дело, где бы оно ни произносилось: в узком кругу единомышленников, в статьях или книгах. И. Берлин подчёркивает, что такое единство слова и дела представляло собой российскую специфику. С «французской» точки зрения, частная жизнь художника касалась публики не больше, чем частная жизнь рабочего. Например, при покупке стола никто не интересуется, с какими намерениями столяр его делал, и

¹ Берлин И. Рождение русской интеллигенции // История свободы. Россия. — М.: Новое лит. обозрение, 2001. — С. 18–23.

покупателю совсем не важно, как он относится к людям или к собственной жене и детям. Подобный подход отвергался русскими публицистами, учёными той эпохи. Их кредо заключалось в том, что человек неделим. Делать добро, служить истине интеллигенция обязана на любом поприще. «Любой русский писатель чувствует себя выступающим перед публикой, как бы дающим показания на суде, а потому малейший промах с его стороны — обман, лукавство, снисходительность к себе — вырастает в чудовищное преступление... Обращаясь к публике в качестве поэта, романиста, историка или в другой общественной роли, он принимает на себя всю полноту ответственности за то, куда зовёт и ведёт людей. А если в этом его призвание, тогда он связан своего рода Гиппократовой клятвой служить истине и ни на йоту не отклоняться от неё, без остатка посвятив себя избранной цели».¹ Данный подход И. Берлин называл русским, сущностью которого были моральные принципы и высокая ответственность перед собой и перед обществом.

Поэтому, как писал ещё К. Мангейм, в трансформационных процессах общества решающим моментом становится способность мыслящих сил так творить знание и волю, чтобы преобразовать историю.² Мыслящие силы — интеллигенция — выдвигаются на первый план в современной динамике мирового сообщества через выполнение ещё одной своей функции — воспитательной, функции субъекта нравственного преобразования человека, и, следовательно, формирования общества, способного обеспечить сохранение человечества, а не его уничтожение.

Сможет ли выполнить эту роль сегодня российская интеллигенция, зависит во многом от того, станет ли её мышление свободным от страха, воплотит ли общечеловеческие ценности.

На этапе «перестройки» в середине 80-х годов XX в., осмысливая результаты работы XIX Всесоюзной конференции КПСС, Е. Яковлев писал о том, что «в стране свершилась нравственная революция. Да, впереди множество непочатых дел, мы лишь на первых ступенях перестройки, но нравственная революция произошла. Страх, покорность, демагогия, жизнь с закрытыми глазами, как игра в кошки-мышки, — люди освобождаются от всего этого. Человек меняет кожу»³.

¹ Берлин И. Рождение русской интеллигенции // История свободы. Россия. — С. 25–26.

² Mannheim, Karl. Mensch und Gesellschaft im Zeitalter des Umbaus. — Leiden, 1935, S. D3.

³ Яковлев Е. Четыре дня. Как это было // Обратного хода нет. — М.: Политиздат, 1989. — С. 22.

Вероятно, нельзя полностью согласиться с таким безапелляционным утверждением. Для одних нравственная революция началась, других она вообще не коснулась. Некоторые стали критиковать многое потому, что им разрешили это сверху. Исчез не страх, а доминанта мышления. Стали более привычными высказывания против тех или иных форм развития общественной жизни и её различных сторон. Более того, некоторые начали критиковать даже то, что ещё вчера хвалили, чтобы прослыть сторонниками перестройки. Но такая флюгерная позиция так же далека от нового мышления, как и видимость совести от её сущности.

Интеллигентность как показатель нравственной зрелости личности отражается в способности действовать на благо обществу, человеку, человечеству, действовать во имя реализации общечеловеческих ценностей не по внешнему велению — из боязни кому-то не угодить, а по велению совести. Но не все так действуют и не потому, что не хотят, а потому, что не могут.

Для интеллигенции часто основным регулятором мышления и поведения выступает не страх определённых санкций власти по отношению к ней, а иллюзорное понимание своего ролевого предназначения. В настоящее время нет ни одной сферы общественной жизни, в которой интеллигенция не играла бы заметной роли в силу специфики своей функции. Приступая к выполнению той или иной роли, интеллигенция, по крайней мере её значительная часть, принимает в качестве личностных ценности, как бы присущие этой роли. Так, управленческая интеллигенция, став частью бюрократического аппарата, начинает руководствоваться принципами функционера определённой системы. Одновременно она теряет качество интеллигентности, ибо происходит смена нравственных постулатов. Общечеловеческая, гуманистическая направленность мышления (даже если она и существовала у данного субъекта) уступает место функционально подчинённой морали. Естественно, что осмысление такой метаморфозы унижает личность в собственных глазах, мешает её самоутверждению. И тогда включаются защитные механизмы, определяющие понимание именно данной клановой, функциональной морали в качестве адепта общечеловеческой. А, следовательно, всё, что не совпадает с ценностями этой морали, провозглашается негуманным, человеконенавистническим, нарушающим устои общества и человечества. История трансформации нравственных принципов партийно-функциональной интеллигенции при переходе статуса партий, подготавливающих революцию, в ранг партий правящих наглядно демонстрирует регулярность такой метаморфозы.

Речь здесь идёт не о лицемерах, приспособленцах, скрывающих свои истинные мысли под маской заданных функционально слов и действий, не о явных конформистах, меняющих направленность мышления и поведения в зависимости от требований руководящих лиц.

Было бы гораздо проще сделать интеллигенцию интеллигентной, если бы только безнравственностью или глупостью отдельных людей обуславливалась деформация её нравственных ценностей и именно низкой нравственной культурой определялся бы факт боязни сегодня «сметь своё суждение иметь». Тогда было бы просто ответить на вопросы, заданные ещё в 80-х годах прошлого столетия народным артистом СССР М. А. Ульяновым: «Ну, положим, можно понять человека времён культа: боялись за свои головы. Действительно, было страшно, наверное. Можно понять человека времён волюнтаризма: верили без оглядки Хрущёву. Понять бы можно человека времён застоя, когда вообще ни во что не верили, видя вселенскую ложь и воровство. Но сейчас-то чего ждать? Сейчас-то что мешает определиться, когда развязаны руки, раскрыты души? Неужто опять проклятый страх, который сидит в наших генах?»¹.

Но дело в том, что к страху репрессий присоединяется страх недобросовестного выполнения своего ролевого предназначения. И это относится не только к интеллигенции аппарата управления, но и к инженерно-технической, творческой, научной. Так, обществоведческая интеллигенция, связывая свою роль с функцией идеологической, искала и ищет, находила и находит обоснование принимаемым политическим решениям. И не только обоснования, но и методы реализации этих решений. А естественно-научная, творческая, педагогическая, инженерно-техническая интеллигенция разве не делает того же?

Поэтому неверным является тезис, будто бы интеллигенция всегда оппозиционна к власти. Она, как правило, интегрирована с нею. И только её часть, интеллигентная интеллигенция, оппозиционна ко всему антигуманному независимо от того, кто является носителем антигуманизма — власть или её оппозиционеры. Имена Коперника и Маркса, Золя и Пастернака, Сахарова и Энштейна, Михайловского и Чайнова и многих-многих подлинных интеллигентов, для которых приоритет общечеловеческих ценностей был не зависим от ролевого статуса, которые, более того, гуманистические нравственные ценности реализовали в своей профессиональной и общественной деятельности, свидетельствуют о наличии глубоких

¹ Обратного хода нет. — М. : Политиздат, 1989. — С. 29–30.

корней подлинной интеллигентности. Тонкая, но всё же довольно крепкая нить совести как основы единства мыслей, чувств и действий связывает гуманистически ориентированную интеллигенцию современной эпохи с гуманистическими традициями России, с идеалами человечества.

Понимание общественного предназначения интеллигенции, уточнение её определения возможно лишь при помощи детального анализа её места в социальной структуре общества и направленности выполняемых ею функций.

Выявление параметров социальной группы связано с обнаружением её особых функций в системе общественного производства. Ян Щепаньский в качестве основного принципа обособления социальной группы как раз называет объем функций её членов при решении общей задачи группы в целом. «Задачи группы составляют смысл её существования в глазах других групп и общностей, — подчёркивает он. — Именно наличие социально значимой задачи позволяет группе сохранять идентичность составляющих и продолжать жить как единое целое, несмотря на постоянную текучесть состава группы. Социальная группа возникает и существует до тех пор, пока целостная система общественного производства порождает необходимость в функции этой группы»¹.

Капитализм, сняв сословные оковы с производства, стимулировал невиданный до сих пор подъём производительности труда и материального производства в целом. Вместе с тем начинают расширяться и рамки духовного производства. Уничтожив юридическую зависимость производителя, буржуазия пытается компенсировать её отсутствие идеологическим воздействием на сознание масс. А для этого уже недостаточно одного духовенства, нужна немалая армия идеологов, профессиональных демагогов, постоянно убеждающих пролетариат в правомерности и позитивности существующих экономических отношений. С развитием промышленности, внедрением машинного производства необходим более квалифицированный производитель, для воспитания и обучения которого также нужны и работники умственного труда. С появлением в процессе перехода техники на этап машинного производства, тенденции превращения науки в производительную силу спрос на умственный труд возник и в материальном производстве.

Таким образом, капиталистический строй расширяет границы

¹ Щепаньский Ян. Элементарные понятия социологии. — М. : Прогресс, 1969. — С. 129.

духовного производства и применения умственного труда в материальном производстве настолько, что функции его уже не могут выполняться только за счёт интеллектуальной части господствующего класса. Более того, функции умственного труда становятся настолько общественно необходимыми и общезначимыми, что создаются массовые профессии умственного труда, обладатели которых могут существовать именно благодаря своей профессии. Возникает определённая социальная группа людей, профессионально занимающихся производством и воспроизведением духовных продуктов, знаний, организационно-управленческим трудом во всех сферах производства, для которых эта деятельность служит единственным источником существования, — интеллигенция.

В процессе развития современного буржуазного общества принцип богатства начинает тесно взаимодействовать с принципом успеха. Меняется состав интеллигенции, она становится более многочисленной, пролетаризуется. Причиной этого К. Мангейм называет растущую демократизацию общества и образования — это пролетаризация интеллигенции. На рынке рабочих рук интеллигенции появляется больше людей, чем соответствующая потребность общества в её интеллектуальной функции.¹ К. Мангейм связывает развитие интеллигенции только с духовным производством, его классификация отрядов интеллигенции (или, как пишет он, элиты) включает политическую интеллигенцию, организаторов, научную и художественно-религиозную. Эти отряды или группы интеллигенции во всех областях культурной жизни, по мнению К. Мангейма, выполняют функцию «воссоздания духовных сил для внутреннего и внешнего управления коллективами на основе традиций и творческой инициативы. Если эти маленькие группы разрушить или уничтожить их правильную селекцию, то уменьшаются основные общественные условия становления и сохранения культуры»². На этом основании делается вывод о том, что растущая демократизация общества не способствует росту культуры, что, хотя перепроизводство интеллигенции отнюдь не означает обесценения духовных профессий, а скорее обесценения духа в общественном мнении в целом, перепроизводство интеллектуалов снижает ценность интеллектуалов и духовности вообще.³

¹ Mannheim K. *Mensch und Gesellschaft im Zeitalter des Umbaus*. — Leiden, 1935, S. 76.

² Ibid. S. 63.

³ Ibid. S. 70.

В прошлом мы критически относились к данному выводу К. Мангейма. Но практика исторического процесса показывает растущую девальвацию труда интеллигенции, фактически способствующую утрате своей сущности частью интеллигенции.

Единство экономической сущности своей и пролетариата не всегда осознаётся, а вот зависимость от интересов буржуазии сегодня, как это было и в прошлом, часто воспринимается интеллигенцией как объективное совпадение этих интересов, побуждая к отстаиванию последних и борьбе в их защиту против пролетариата. Это как раз и приводит часть интеллигенции в число активных сторонников власти буржуазии. Она не поднимается против капитализма не только потому, что не понимает своей антикапиталистической сущности, но и потому, что надеется на получение всех моральных и материальных благ в рамках буржуазного общества. Речь идёт в основном о той части интеллигенции, которую правомернее было бы называть специалистами и к которой прежде всего следует отнести инженерно-техническую интеллигенцию.

Дж. Гэлбрейт, Д. Белл, К. Керр, Е. Куруч и другие рассматривают интеллигенцию как носителя рационального начала в обществе и связывают её функцию с возрастающей ролью научно-технической революции. Им противостоит другая группа социологов — Р. Арон, П. А. Баран, Ж. Бенда, А. Гелла, Э. Фромм, В. Краус, которые хотят видеть в интеллигенции внеклассовую группу, сводя её функции к задачам нравственного, гуманистического преобразования общества.

Повысив роль теоретического знания, сделав науку решающим фактором производства, научно-техническая революция, подчёркивает Д. Белл, отделила власть в производстве от собственности. Теперь богатство само по себе, без технической компетентности не может управлять производством.¹ Власть переходит к новому классу людей, обладающих знаниями, поэтому будущее общество — не капиталистическое и не социалистическое: «наука растворила капитализм». Какие существенные признаки позволяют оптимально очертить контуры интеллигенции с целью полного изучения процесса становления, всестороннего функционирования и тенденций развития всех её отрядов? Прежде всего, это профессиональное производство, воспроизводство и распространение духовных продуктов (включая управленческую и исполнительную деятельность); во-вто-

¹ Bell, Daniel. 1975 [1973]. *Die nachindustrielle Gesellschaft*. — Frankfurt: Campus.

рых, профессиональное выполнение организационно-управленческих функций в духовном и материальном производстве, сферах обслуживания и управления (в отличие от непрофессионального выполнения этих функций, т. е. на общественных началах); и, наконец, в-третьих, профессиональные занятия в сфере духовного производства, профессиональное выполнение организационно-управленческих функций должны выступать единственным или во всяком случае основным источником существования.

Эти признаки включают в себя основные социально-классовые критерии типологии соотношения представителей тех или иных социальных групп, так как, представляя собой взаимодействие структурного и функционального подходов, отграничивают специфическое место интеллигенции в исторически сложившейся целостной системе производства, определяют её роль в общественной организации труда, отношение к средствам производства и распределению общественного богатства. Таким образом, предложенные индикаторы понятия «интеллигенция» органически связаны с высшим уровнем социологических знаний, т. е. с общесоциологической теорией, а также и с эмпирическим уровнем социологических знаний, ибо выступают основанием для выделения конкретных отрядов интеллигенции внутри всего социального слоя. Классификацию элементов этой системы, следовательно, можно проводить по двум срезам — вертикальному и горизонтальному. Вертикальный срез предполагает разделение интеллигенции по занимаемому месту в исторически сложившейся системе общественного производства или по сферам деятельности. И тогда интеллигенция делится на такие большие отряды, как: интеллигенция духовного производства, материального производства, сферы управления обществом и сферы обслуживания. По горизонтальному срезу в качестве признака отнесения к интеллигенции принимается выполняемая функция в целостной системе общественного производства и в организации труда. При данной классификации отрядами интеллигенции являются, в зависимости от ролевого предназначения, учёные, художники, писатели, артисты, инженерно-технические работники, преподаватели, врачи и т. д.¹

¹ Здесь не стоит задача дать полный перечень всех отрядов интеллигенции, важно было раскрыть способ их классификации (Ковальчук А. С., Наумова Т. В. Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. М., 1978).

Имеющиеся в литературе определения многих отрядов интеллигенции, базирующиеся на конкретных исследованиях, подтверждают эвристичность такого подхода к классификации отрядов интеллигенции, выдвигают необходимость формулирования социологического определения интеллигенции, признаки которого совпали бы с операциональными определениями тех или иных отрядов интеллигенции.

«В существующих условиях на его (интеллигента) долю выпала великая ответственность, великая привилегия — спасти от забвения традицию гуманизма, разума, прогресса, составляющую самое драгоценное наследие всей истории человечества»¹, — развивается эта мысль американским социологом П. А. Бараном. Итак, вновь в западной социологии звучит, казалось бы, ушедшая в прошлое идея нравственного преобразования общества как основы социально-политического мира, выдвигается субъект выполнения этой функции — интеллигенция. (Может быть, пришла пора зазвучать этой идее и в российской социологии?) Обоснование данной роли интеллигенции даёт Раймон Арон в работе «Опиум интеллигенции». Он пишет, что интеллигенция никогда не имеет юридического определения, у неё очень редко есть чёткие границы. Всякий привилегированный класс поощряет, пусть даже помимо своей воли, выдвижение наиболее одарённых.² Основная функция интеллигенции — критическая. Это является следствием её маргинального положения. Р. Арон различает три типа критической направленности деятельности интеллигенции: критику техническую, когда происходит мысленная подмена субъекта производственной, вернее, административной, деятельности; критику идеологическую или историческую, которая «ополчается против общества, существующего во имя общества грядущего»; и близкую к ней по духу критику моральную. Чаще всего распространяется именно моральная критика, т. е. противопоставление тому, что есть, того, что должно быть с позиций нравственных принципов.³

Н. Моисеев, подчёркивая роль интеллигенции в динамике развития общества, пишет о том, что «цивилизация и её составляющие — нравственность, культура, законы (юридические нормы) обеспечивают преемственность поколений, преемственность поведения и

¹ Baran, P. A. The commitment of the intellectual. — «Monthly Review», N. Y., 1961. Vol. 13, N 1, p. 18.

² Aron R. L. Opium des intellectuals. — Paris, Caiman-Levy, 1955, p. 219.

³ Ibid., p. 221.

образа мышления людей... Цивилизация никогда не бывает безликой, у неё всегда глубокие национальные исторические корни — в языке, культуре, религии, нравственных принципах»¹. Носителем русской культуры нравственных принципов была интеллигенция, при этом Н. Моисеев предупреждает: нетождественны люди умственного труда, служители культуры и интеллигенция. Интеллигент представляет собой человека ищущего, не замыкающегося в рамках своей узкой профессии, размышляющего о судьбе общества, своего народа с позиций общечеловеческих ценностей. «Исчезновение интеллигенции или исключение её из духовной жизни общества — это трагедия для нации... Восстановления интеллигенции требует поколений. Развитие интеллигенции, её становление — процесс, качественно отличный от подготовки квалифицированного рабочего, инженера или физика-ядерщика... есть ещё одна особенность интеллигенции, которая порой раздражает государственных деятелей. Это её тенденция к интернационализму... Интеллигент от природы наделён способностью думать о вопросах общечеловеческих... Резко возросла роль интеллектуального начала в судьбах человечества, а следовательно, и роль интеллигенции... Но самое главное, что поняла, как я надеюсь, интеллигенция конца нынешнего столетия, — ничего и никогда нельзя уничтожить до самого основания; только постепенная и очень осторожная эволюция способна уберечь самое прекрасное и самое хрупкое произведение человеческого гения — цивилизацию и культуру, а значит, и надежду на «человеческое существование».²

В этих процессах действительно велика роль интеллигенции. Но эффективность выполнения ею такой функции, функции постепенного преобразования на гуманистической основе сознания личности и структуры общественных отношений, зависит не только от осмысления ею особой значимости данной роли, не только от наличия определённых способностей, необходимых для выполнения неимоверно сложной функциональной задачи, но и от имеющихся в той или иной стране возможностей реализации этой функции интеллигенции. Условия формирования указанных возможностей в значительной степени зависят от сложившихся взаимоотношений власти и интеллигенции, выступающих основой их осуществления.

¹ Моисеев Н. Государство. Народ. Интеллигенция // Лит. газета. — 1994. — 15 октября.

² Там же.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Барбакова К. Г., Мансуров В. А. Интеллигенция и власть. — М. : Институт социологии АН СССР, 1991.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М. : Госполитиздат, 1956.
3. Берлин И. Рождение русской интеллигенции // История свободы. Россия. — М. : Новое лит. обозрение, 2001.
4. Mannheim, Karl. Mensch und Gesellschaft im Zeitalter des Umbaus. — Leiden, 1935, S. D3.
5. Яковлев Е. Четыре дня. Как это было // Обратного хода нет. — М. : Политиздат, 1989.
6. Обратного хода нет. — М. : Политиздат, 1989.
7. Щепанский Ян. Элементарные понятия социологии. — М. : Прогресс, 1969.
8. Bell, Daniel. 1975 [1973]. Die nachindustrielle Gesellschaft. — Frankfurt: Campus.
9. Ковальчук А. С., Наумова Т. В. Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. — М., 1978.
10. Baran, P. A. The commitment of the intellectual. — «Monthly Review», N. Y., 1961. Vol. 13, N 1, p. 18.
11. Aron R. L. Opium des intellectuals. — Paris, Caiman-Levy, 1955.
12. Моисеев Н. Государство. Народ. Интеллигенция // Лит. газета. — 1994. — 15 октября.

АННОТАЦИЯ

Политическая власть, какие бы нравственные ценности ни провозглашала, не может следовать им, ибо действия её представляют реализацию ценностей определённой социальной группы, которая привела субъекта власти к власти. Даже при развитой демократии народ следует за наиболее значимыми для него группами или личностями. Зарождающаяся же демократия отягощена привязанностями к прошлому или полным анархическим отрицанием его, что не может не отразиться на формировании групповых интересов, на их приоритетности в процессе выбора субъекта власти. Стремящиеся к политической власти определённые группы или их представители, сориентированные на интересы выдвигающих их групп, вынуждены при получении власти эти интересы реализовывать, подавляя в той или иной мере оппозиционные им группировки.

Невозможность реализации гуманистических идеалов во всей полноте приводит к концепции «меньшего зла», концепции, до-

статочной опасной из-за субъективности трактовки степени зла. Субъектом осознания единства новой цивилизации и нового мышления должна стать интеллигенция. В этом её современное предназначение, в этом её историческая миссия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Интеллигенция; власть; статус; социальные функции; социальная роль; социальная структура; социальные и профессиональные группы; нравственные ценности.

ANNOTATION

Political elites cannot follow the ideals of moral values even if they proclaim it, because the actions of political elites represent the following of the values of a certain social group which assisted their climbing to power. Even in the developed democracies people follow those groups and people which are significant for them. Infant democracies are overburden with the people's affection towards the past or with their complete anarchic denial of the past, which lay impact on the formation of the group interests, their priorities in the process of choosing of the power subjects. Those groups and subjects who climb to power are guided by the interests of the groups which elect them and have to realize them when they come to power, repressing those groups which are in opposition to these interests. Reaching humanistic ideals to the full is impossible for the political elites and they often have to choose the lesser of two evils, which is a rather dangerous concept, as a result of a subjective interpretation of evil. Intelligentsia has to become a subject aware of the unity of a new civilization and of a new type of thinking. This is its modern destination and a historic mission.

KEY WORD

Intelligentsia; power; status; social functions; social role; social structure; social and professional groups; moral values.

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

*ДУРНОВЦЕВ Валерий Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии современного образования
Международного независимого эколого-политологического университета, г. Москва*

Зарубежная Россия: «русская честь и русская речь»

Русское зарубежье — поразительный культурно-исторический феномен XX века. Навалившаяся на страну «двойная беда» (Р. Ю. Виппер) — первая мировая война и революции (Февральская и Октябрьская) — положила начало «русскому исходу» 20-х годов. Потом были новые волны эмиграции — 40-е, 70-е годы...

Можно сколько угодно объяснять произошедшее в минувшем столетии субъективными и объективными причинами, внешними и внутренними обстоятельствами, социально-экономическими и идейно-политическими мотивами, самозабвенно увлекаться поисками исторических альтернатив, восстанавливать едва ли не по минутам ход исторического движения, определять роль и место каждого из персонажей разыгравшейся драмы и не в последнюю очередь, наконец, совершенно справедливо напоминать не только об исторической ответственности старой и новой власти, но и народа за всё случившееся, очевидно одно: масштаб и последствия войн и революций в России трудно сопоставимы с другими национальными, государственными катастрофами, на которые так богата человеческая цивилизация. Великий и трагический опыт строительства на принципиально ином, чем когда бы то ни было, экономическом и политическом фундаменте в конечном итоге обернулся великим разочарованием. И привёл к новым «великим потрясениям».

Среди тех, кто добровольно или вынужденно покинул Россию, были деятели науки и просвещения. Видные политики, писатели, поэты, офицеры. Наконец, а лучше сказать, прежде всего, тысячи и тысячи тех, кого принято относить к простым людям, но кто на деле

был бесценным главным человеческим капиталом нации. Не следует забывать и о том, что большая часть русского рассеяния была представлена молодыми людьми, детьми. Россию покидали русские семьи. Нечего и говорить: выбор у них далеко не всегда был продуманным и взвешенным. Если старшее поколение, как правило, осознанно уезжая из страны, сохраняло о ней свою память, то перспективы сохранения связи с родиной поколений, следовавших за ними, были достаточно туманны.

Как известно, отечественные читатели с опозданием и некоторым удивлением обнаружили, что за пределами «первого в мире социалистического государства», в необъятном мировом цивилизационном пространстве XX в., существуют не отдельные семьи соотечественников, не одинокие островки русской науки и культуры, но поистине — другая Россия. Что в этой «другой» России жили и живут миллионы соотечественников, свято сохраняющие и передающие из поколения в поколение память о прошлом, деятельно работающие в созданных ими или задолго до них ассоциациях, обществах, клубах, выпускающие многочисленные газеты и журналы, имеющие своих «властителей дум», свои домашние музеи, библиотеки и коллекции.

Справедливости ради заметим, что открытие, а затем и освоение другой России, русского зарубежного мира, культурного в первую очередь, конечно, не напоминало встречи с *terra incognita*; советский/российский читатель, как правило, не имел возможности прочесть «Другие берега» Владимира Набокова, но хорошо знал «Тёмные аллеи» Ивана Бунина. Доступны были музыка Сергея Рахманинова и Игоря Стравинского, исполнительское искусство Фёдора Шаляпина, живопись Константина Коровина и Василия Кандинского. При желании можно было приобщиться к театру Михаила Чехова или балету Михаила Фокина, получить представление об экономической теории Василия Леонтьева или трудах физика Ильи Пригожина, проследить за шахматным творчеством Александра Алёхина.

Что касается богословской литературы, философской и социологической мысли, то спецхраны приоткрывали свои двери далеко не каждому, даже специалисту. Само собой разумеется, о массовом приобщении к культуре русской эмиграции говорить не приходилось. Но если о роли и месте отдельных выдающихся представителей науки и культуры русского зарубежья в мире было более или менее известно, то, например, повседневная жизнь рассеявшихся по миру в результате мировых войн и революций соотечественников оставалась в лучшем случае неизвестной, а в худшем — предельно и даже беспредельно искажённой.

И, конечно же, по слишком понятным причинам за семью печатями находилась на исторической родине наука русской истории за рубежом. Причём не только в тех её разделах, которые касались истории XX столетия, войн и революций, что ещё можно как-то объяснить, но даже древности, описание и объяснение которой как будто не покушались на фундаментальные основы «марксистской теории общественного развития».

Но это только на первый взгляд. Любая версия отечественной истории, начиная едва ли не с генезиса государственности, так или иначе представляла собой альтернативу официальной историографии и уже по одной этой причине вызывала подозрение. Впрочем, в таком же положении находилась на родине и наука русской истории XVIII — начала XX вв. Достаточно упомянуть о знаменитой «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Последовательные монархические убеждения «нашего первого русского историка и последнего летописца» (А. С. Пушкин) исключали доступ к нему отечественного читателя.

Естественно, что в то время само имя русского историка-эмигранта или юриста, философа, писателя, писавшего на темы истории, коли и упоминалось в научной литературе, то преимущественно, если не исключительно, в социально-политическом либо классовом контексте. П. Н. Милюков, автор выдающихся «Очерков истории русской культуры», с точки зрения официальной историографии, был прежде всего лидером партии кадетов. Как и А. А. Кизеветтер — не столько блестящим исследователем посадской общины в России XVIII в., сколько членом ЦК той же партии. Историк и экономист П. Б. Струве был идеологом либерального движения и министром при правительстве Врангеля, а не автором замечательных историко-экономических очерков. И. И. Фондаминский (Бунаков), напечатывавший в «Современных записках» серию широко известных в эмигрантской среде исторических очерков «Пути России», был в первую очередь комиссаром Временного правительства и членом разогнанного Учредительного собрания.

Русская зарубежная историческая наука возвратилась из невольного изгнания на родину, нашла своего вдумчивого и благодарного читателя. Это возвращение совпало с освобождением национальной историографии от десятилетия сковывавших её развитие пут догматической методологии и консервативной идеологии. Мощный поток книг и статей русских историков всех волн эмиграции, преимущественно первой, обрушился после слома казавшейся несокрушимой плотины на не слишком искушённого читателя. Одновременно

началось массовое переиздание трудов учёных-историков XVIII — начала XX вв. На этом буйном празднике отечественной историографии нашлось место не только трудам Н. И. Костомарова или Н. П. Павлова-Сильванского, но и «Русской истории» Д. И. Иловайского, не только фундаментальным трудам Г. В. Вернадского, но и случайным, наспех подготовленным статьям эмигрантских публицистов в русской зарубежной периодической печати, чьё понятное неприятие большевистской власти нередко сопровождалось судом над всей русской историей.

О планомерном, целенаправленном, строго научном комментированном переиздании в современной России трудов русских зарубежных историков говорить пока рано. Но отдадим должное предвзвешенной работе в этом направлении, которая, в конечном итоге, изменила и обогатила национальное историческое познание и самосознание. Не претендуя на исчерпывающий обзор, напомним наиболее важные и впечатляющие результаты деятельности в этом направлении историков, издательств, научно-исторических журналов. Увидели свет первые библиографии трудов деятелей русского зарубежья, в которых представлена и историческая наука эмиграции. Восстановлена хроникальная картина её научно-исторической жизни.¹

Для реконструкции перипетий развития русской исторической науки за рубежом исключительное значение приобрели публикации мемуарного наследия учёных-историков. Биографии отдельных историков появились в справочных и энциклопедических изданиях.²

Историки науки, сосредоточив внимание на личности и судьбе учёных, в известном смысле персонифицируя историографический процесс, наряду с созданием научных биографий крупных русских и советских историков не обошли вниманием и русскую историческую науку за рубежом. Немало ценных работ, в том числе монографических, посвящено Г. В. Вернадскому, М. М. Карповичу, М. Т. Флоринскому, П. Н. Милюкову, Н. И. Ульянову, В. А. Мякотину, С. П. Мельгу-

¹ Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920 — 1940. Франция. — М., Париж, 1995 — 1997. — Т. I–IV; Историческая наука российской эмиграции 20 — 30-х гг. XX века (хроника). — М., 1998.

² Политические деятели России 1917 : биографический словарь. — М., 1993; Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Первая треть XX в. : энциклопедический биографический словарь. — М., 1997; Русское зарубежье: Хроника научной культурной и общественной жизни. — М., Париж, 1993 — 1997. — Т. 1–4.

нову.¹ Активно изучается евразийское наследие.² Исследуется деятельность русских учёных-историков, осевших после войн и революций в Чехословакии, Франции, Китае, Югославии, Германии, США.

Изучается деятельность отдельных научных организаций и обществ, созданных за рубежом. И хотя фундаментальные исследования под девизом «Русская историческая наука в изгнании» (как тут не вспомнить о труде Н. Струве по истории русской литературы за рубежом!) пока не написаны, подготовительные материалы с тщанием собираются и изучаются историками русского зарубежья, в том числе в последние два десятилетия в России.

Для одних исследователей, оставшихся в России или оказавшихся за пределами родины, была очевидна бесперспективность локального, изолированного от остального мира изучения национального прошлого. «Думаю, что если отбросить манеру трактовать историю России исключительно как историю русского племени и подойти к ней с всемирно-исторической точки зрения, многие явления этой истории станут понятными и самая история Русского государства предстанет перед нами в совершенно ином виде», — писал М. И. Ростовцев. Многие серьёзные историки «старой школы», работающие в сложных условиях наступления на них молодой и настроенной чрезвычайно агрессивно марксистской историографии, стремились к тому, чтобы «лихолетье не порвало традицию той исследовательской школы, в которой они все воспитались». Один из них, Д. М. Петрушевский, замечал в известных «Очерках из экономической культуры Западной Европы», что в отношении изучения основ феодального строя «много поучительного могла бы дать и русская история, в особенности своим Московским периодом, создавшим самое подлинное феодальное государство, несравненно более упрощённого ти-

¹ Болховитинов Н. Н. Русские учёные-эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление русистики в США. — М., 2005; Вандалковская М. Г. П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер: история и политика. — М., 1992; Думова Н. Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П. Н. Милюкова. — М., 1993. — Ч. 1; Емельянов Ю. Н. С. П. Мельгунов: в России и эмиграции. — М., 1998.

² Омельченко Н. А. Общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности. — СПб., 1996; Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». — М., 1997; Антощенко А. В. «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). — Петрозаводск, 2003.

па, чем его западные параллели, но от этого ещё более откровенно обнажающее публично-правовое существо и социальную структуру феодального государства как такового».

Однако в русской историографии существовала и другая традиция. А. А. Кизеветтер так писал о тех, кто придерживался принципа локального изучения русского прошлого. «Беда только в том, что эта сторона московской государственности мало интересуется русских историков, не склонных трактовать свой материал в терминах общеевропейской исторической науки и ревниво оберегающих традиционную изолированность и обособленность своей территории».

Но и те, кто разделял всемирно-исторический взгляд на русское прошлое и в связи с этим естественно задавался вопросом об общем и особенном в развитии России и других ведущих стран Европы, приходили нередко к противоположным выводам. Одни были твёрдо убеждены, что «принадлежность России к европейской культуре вовсе не может лишать её национального своеобразия, как не лишаются такого своеобразия ни Англия, ни Германия, ни Франция и т. д. С другой стороны, наличие таких своеобразий отнюдь не противоречит наличности общечеловеческих культурных начал». Другие решительно выдвигали иную точку зрения и пытались вставить Русское государство «в контекст истории восточных деспотических теократий, считая как бы уже совершенно очевидным и доказательством не требующим, что сблизить строй этого государства с явлениями западноевропейской государственной культуры нет никакой возможности».

В частности, это были адепты евразийской доктрины, противопоставляющей романо-германской культуре равносильную ей культуру, которая потенциально может отразить политические поползновения «романо-германцев» и свести к минимуму преобладание их влияния, — культуру Евразии.

Каждый из представителей зарубежной русской историографии, конечно же, имел «лица не общее выражение». Различен был масштаб их научных дарований и профессиональных навыков. Среди них были авторитетные лидеры и кадетской партии, и партии народных социалистов, и представители меньшевистского лагеря. Разнообразной была и проблематика творческих интересов. Но в своих научных занятиях над сюжетами русской истории все они, много страдавшие и много пережившие, задавались вопросом, который чётко сформулировал П. Б. Струве: «Русская революция есть великая историческая проблема, я бы сказал, почти загадка. В самом деле, народ, который создал огромное и могущественное государство и при

посредстве этого государства великую, богатую и многостороннюю культуру, объятый каким-то наваждением, в кратчайшее время разрушил сам это великое государство ради преходящих выгод и призрачных благ.. Чем же объясняется эта историческая загадка, которую многие предвидели или, вернее, предчувствовали? Этот сложный вопрос может быть разъяснён только обращением к истории: подобная катастрофа не может не корениться глубоко в историческом развитии всего русского народа и его власти».

Естественен вопрос: сохраняется ли сейчас строго научное значение работ историков-эмигрантов, подготовленных не в самых благоприятных условиях развития науки и только что переживших сильнейшую духовную драму. Ведь и то, и другое наложило сильнейший отпечаток на исторические взгляды. Ответ на него не может быть однозначным хотя бы потому, что вопрос лежит в той же плоскости, что, скажем, и вопрос о значении наследия «Горных вершин» русской историографии — Н. М. Карамзина, С. М. Соловьёва и В. О. Ключевского для современной науки и её новейших направлений. Конечно, в исторической науке второй половины XX — начала XXI вв. произошли кардинальные изменения по сравнению с предшествующим периодом, в первую очередь методологического характера.

Но легко убедиться и в том, что вопросы, традиционно составлявшие предмет особого внимания русских историков, продолжают волновать отечественную науку и общественность. Может быть, не в последнюю очередь и потому, что Россия в который раз по-прежнему стоит перед выбором пути и, в который раз, обращается к своей истории как к спасительному средству разрешения её великих сомнений.

История для миллионов русских за пределами Отечества заключалась прежде всего в русской истории. Они думали, говорили и писали по-русски, что было главным качеством и свойством их «русскости» независимо от этнического происхождения. Социально-политические события конца 1917 — начала 1918 гг. переживались ими по большей части катастрофически. «России — конец», — вслед за И. Буниным к этому горькому заключению приходило большинство русских эмигрантов. З. Гиппиус казалось, что масштабы гибели России таковы, что «из всего, что погибло в России, уцелел лишь русский язык». «У нас сохранилось только два достояния: *русская честь* и *русская речь*»¹, — вторил ей Д. П. Голицын-Муравлин.

¹Голицын-Муравлин Д. П. В защиту русского языка // Двуглавый орёл. — 1922. — Вып. 23. — С. 37.

Речь шла ни много ни мало о последнем якорю спасения России — русском языке. Первые и непосредственные наблюдения показали, что с ним происходит нечто такое, что, казалось бы, угрожает самим основам русской культуры. Повсеместными в работах о русском языке стали заключения о его «засорении», «порче» и, в конце концов, «гибели».

Деятели зарубежной русской культуры приходилось бороться за язык в двух направлениях — жёстко критиковать и беспощадно высмеивать распространение советских «новых словечек», первенцев «новояза», и выступать ревнителями чистоты русского языка в беженской среде, оказавшейся весьма подверженной включению в русскую речь иностранных слов и выражений, к тому же весьма вольноприноровленных к нормам родного языка. Русский язык был и базовым элементом национального самосознания, его сбережение стало важнейшим условием будущего возрождения России.

Участники то затихавших, то вновь вспыхивавших дискуссий хорошо понимали, что предмет их обсуждения лишь отчасти связан с филологией. Академические филологические занятия — вещь, конечно, важная и полезная, рассуждали многие представители русской эмиграции, ревностные защитники русского языка из числа любителей. Но речь-то идёт о несравненно более важном — о перспективах сохранения национальной идентичности, «русскости».

Эмиграция горячо верила в скорое возвращение на родину, она представляла себя в роли спасителей страны после большевистского над ней поругания. Кому как не русскому рассеянию выпало великое призвание в ближайшем будущем соединить звенья русской культуры? И в первую очередь эту миссию должно было осуществить молодое поколение русских эмигрантов.

О «языке революционной эпохи», о «языке революции и революции в языке» писали и в Советской России.¹ И здесь дело отнюдь не сводилось к филологии, хотя исследователи из числа «старых специалистов» получили уникальную возможность непосредственного наблюдения могучего воздействия революции на лексику языка. Многое можно прочесть между строк в статьях и книгах о судьбе русского языка в революционной России. Например, о том, что другого

¹ Баранников А. Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы. 1. Влияние войны и революции на развитие русского языка : учён. зап. Самарского ун-та, вып. 2. — Самара, 1919; Винокур Г. Культура языка. — М., 1925; Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917 — 1926). — М., 1928 и др.

и не следовало ожидать «в стране с притупленным личным починком, жизнь которой искони в значительной степени определяется начальством».¹

Опыты учёного решения вопроса о «новых словечках и старых словах» вскоре были свёрнуты. А вопрос о культуре письма и речи остался. И был весьма злободневным в течение всего времени, отведённого историей советской власти. Его не обошёл вниманием даже тот, кто стал во главе рождавшегося в страшной гражданской войне государства. Одно дело, опираясь на силу народной массы и мастерски ею оперируя, сломать и в самом деле изрядно дискредитировавшие себя институты временной власти, и совершенно другое — наблюдать, как эта самая масса безотчётно начинает разрушать «инструмент» идеологического воздействия и порабощения. И в дальнейшем нельзя не отметить внимание к судьбе русского языка советских литераторов и учёных, а результаты их наблюдений, конечно же, были в поле зрения русских филологов за границей.

Проблема языка в условиях революции стала занимать и зарубежных исследователей, тем более что она оказалась в общем типичной в условиях прежних радикальных социально-политических изменений в других странах, в частности напоминала судьбу языка в эпоху Французской революции. Можно привести множество примеров молитвенного отношения к языку и тех, кто занял выдающееся место в русской литературе (В. В. Набоков), и тех, кто, может быть, однажды осмелился на выражение своих чувств публично: «<Русский> язык что сверкающая риза на помутневшем лице иконы, что тавро на взлохмаченной шерсти кровного коня, язык — симфония, язык — иерихонская труба, язык — гром и молния, язык — колыбельная песнь! Язык такой молитвы, какой ещё люди не молились; такого вдохновения, какого люди ещё не знали»².

Но языковая культура нуждалась в защите. Повод начать борьбу за язык представился очень скоро: в Советской России случилась орфографическая реформа. Её провели большевики, и только по этой причине многие в беженской среде, непримиримо относившиеся ко всем без исключения новшествам новой власти, оценили её как последний, завершающий удар по России.

История введения новой орфографии хорошо известна. Напом-

¹ Горнфельд А. Г. Новые словечки и старые слова. Цит. по: Русский язык в зарубежной России. — М., 2007. — С. 428.

² «В краю чужом...». Зарубежная Россия и Пушкин. — М. : Русский мир, 1998. — С. 187.

ним только, что дискуссии о целесообразности реформирования орфографии велись задолго до революции и даже появления большевизма. Защитников старого правописания было немало. Были и сторонники. Многие отнеслись к новой орфографии нейтрально, обнаружили в ней известные достоинства, выступили против проявлений крайнего пуризма. Так или иначе, предложения реформы были одобрены авторитетной Академией наук.

Но введено было новое, «советское правописание» большевистским декретом, а это обстоятельство существенно меняло дело. И хотя противники «мануилицы» (по имени министра народного просвещения А. А. Мануйлова (Мануйлова), приложившего руку в июне 1917 г. к реформе), отрицали защиту ими прежнего правописания по политическим мотивам, у многих в русском рассеянии не было сомнений: орфографическая реформа — это очередное «злостное изобретение большевизма».

Не иначе как «проклятым правописанием» не называл новую орфографию И. А. Бунин. В «Окаянных днях» он писал: «По приказу самого Архангела Михаила никогда не приму большевистского правописания. Уж хотя бы по одному тому, что никогда человеческая рука не писала ничего подобного тому, что пишется теперь по этому правописанию». Писатель отказывался читать даже интересующие его журналы, если они были напечатаны с применением «заборной» орфографии. «*Ни один народ не позволял себе такой низости к своему языку*», — вырвалось однажды у И. А. Бунина.

Принципиальным противником новой орфографии был И. А. Ильин: «Революционное кривописание погубило... драгоценную языковую работу целых поколений: оно сделало всё возможное, чтобы напустить в русский язык как можно больше бессмыслицы и недоразумений. И русский народ не может и не должен мириться со вторжением этого варварского упрощения»¹.

В 30-е годы книжная культура эмиграции постепенно отказывается от буквы «ять». В 1931 г. М. И. Цветаева восторженно пишет о детских книжках в Советской России, книгах дошкольного возраста, тоненьких тетрабочках в 15-30 страниц («русская дошкольная книга — лучшая в мире»), и неожиданно заключает: «А с новой орфографией советую примириться, ибо: буква для человека, а не человек для буквы. Особенно если этот человек — ребёнок». Впрочем, в сре-

¹ Ильин И. А. О русском правописании. Цит. по: Русский язык в зарубежной России. — М.: Русский мир, 2007. — Т. IV. — С. 57.

де эмиграции оценка новой орфографии не была однозначно отрицательной с первых дней её проведения.

Постоянное, напряжённо-эмоциональное, не ослабевающее со годами внимание проявляли деятели русской эмиграции к состоянию русского языка в «Совдепии». Среди них, напомним, было немало патриотически настроенных любителей. Позиция учёных-филологов была, естественно, профессиональной. Они обратили внимание на то, что изменения в языке, во-первых, не стоит связывать исключительно с большевиками и большевистской властью («большевики не вчера родились»), а во-вторых, судьба русского языка в условиях социально-политического катаклизма легко вводится в мировой культурно-исторический контекст.

В целом же разброс в характеристиках языковых изменений был велик. Атмосферу, царящую в 20-е годы, передал один из первых и непосредственных свидетелей изменений в языке А. Г. Горнфельд: «Среди прочих современных споров о нашем бытии и благоустройении его с новой силой вспыхнули споры о чистоте и правильности языка. Столетие отделяет нас от Шишкова; за это столетие изуродованный карамзинскими новшествами и откровенностью натуральной школы, вторжением иностранщины и простонародной грубости, русский язык дал лучшее создание русского творчества, русскую литературу; мы прониклись убеждением, что «такой язык не может не быть дан великому народу». Но сетования и обличения, пререкания и нападки продолжают. Пуристы то яростно негодуют, то презрительно фыркают; улица, которая ниже их негодования, ежедневно выбрасывает в обиход новые словечки; новаторы, которые выше их презрения, то нарочито кривляются, то глубокомысленно сочиняют небывалые речения. В этом кривлянии много противного, в этом сочинительстве мало внутренней необходимости, но противны и националистическое обличение неизбежных и нужных инородных стихий в языке, и неподвижность мысли, отрицающей новое только потому, что оно новое, и барское презрение к вульгарному языку черни; отвратительна филологическая демагогия, а также педантично-безвкусны бестолковые попытки «обрусить» русский язык»¹.

Особенно болезненно эмигранты переживали лавинообразный поток переименований и сокращений. Многочисленные примеры, приводившиеся в русской зарубежной печати, могли смутить самого лояльного к новшествам читателя. На первом месте в скорбном перечне языковых потерь была утрата имени Россия. Этот факт стал

¹ Ильин И. А. О русском правописании. — С. 426.

ошеломляющим для миллионов русских людей. Его болезненно восприняли писатели, учёные, общественные и политические деятели, решительно расходящиеся друг с другом в пристрастиях и художественных вкусах. У философа Б. П. Вышеславцева вырвалось в «Парадоксах коммунизма» (1926): «Русская поэзия, русская музыка, русский язык отказываются вмещать марксизм. Как тут быть?».

Деятели русской культуры за рубежом решительно выступили против гонения большевиков на Церковь. Оно отрицательно сказалося не только на нравственном состоянии народа, но и на образований и культуре, в том числе культуре языковой (А. Л. Бем, Вяч. И. Иванов). Обмирщение языка, «секуляризация правописания», защищавшиеся П. Н. Сакулиным, вызывали у них резкий протест. В то же время многие зарубежные деятели русской культуры отчётливо понимали, что реально существующие проблемы бытования русского языка на родине не могут заслонить очевидного — язык живёт и развивается, потому что сохраняется его живой источник — русский народ. Россия продолжает говорить по-русски. Ни «казённые слова-погремушки», «ни тарабарское наречие», на котором говорят и пишут представители власти, не в силах уничтожить выдающиеся природные свойства и качества языка. Русская классика по-прежнему окружена читательской любовью и привязанностью. Наконец, в Советской России появляются произведения писателей, продолжающие и развивающие великие традиции отечественной литературы. Перспективы же литературного процесса за пределами родины туманны.

Впрочем, были и иные мнения: эмигранты-литераторы представляют «наследственную культуру», а те, кто остался в Советской России, «бессознательно пользуются языком». Предметом особой заботы русского зарубежья была судьба русского языка в связи с пребыванием его в иноязычной среде. К «большевицкой порче языка» присоединилась «порча эмигрантская» (Е. В. Спекторский). Ключевым в спорах о судьбе русских эмигрантов, особенно подрастающего поколения, стало слово «денационализация».

«Группа по борьбе с денационализацией русской молодёжи» призвала спасти русских детей от пресловутой «денационализации» и предложила развёрнутую программу деятельности, включавшую, в частности, издание русских учебников и пособий, географических карт России, картин русских художников.

С этими и аналогичными им предложениями трудно было не согласиться. Но выслушаем и другую сторону, аргументы которой воз-

вращают нас к стержневой проблеме русской общественной мысли. «Денационализация — вот неуклюжее иностранное слово, овладевшее русскими умами. При первом соприкосновении с иностранной почвой страх денационализации заставил многих отказаться от знакомства с чужой культурой во имя спасения своей. Отгородиться, обособиться, сосредоточиться в своём кругу, упрямо отворачиваясь от соблазнов иностранной жизни, казалось многим патриотической обязанностью. Как будто грибоедовское пожелание заимствовать у китайцев «премудрое у них незнание иноземцев» нежданно осуществилось именно тогда, когда русские очутились в центре европейской культуры... Отгороженность от чужой жизни, замкнутость в собственном кругу создают опасность некоей провинциальной психологии: вместо сопоставления с происходящим у других, масштабы строятся лишь по тому, что делается у себя, — и, естественно, многое преувеличивается, а многое недооценивается...

На самом деле никакой непримиримости между русским национальным самосознанием и принятием европейской жизни нет. Чтобы хранить и развивать русский язык, нет надобности отказываться от знания языков иностранных. Чтобы ценить русскую культуру, нет основания пренебрегать культурой европейской. Напротив, чем внимательнее, чем полнее будем мы вглядываться в окружающую нас жизнь, чем больше будет у нас с ней внутренних связей и чем старательнее будем мы изучать культурные ценности приютивших нас стран, тем вернее и плодотворнее становится наше служение культуре русской. Нерушимость мыслей о России не исключает внимания к той стране, где мы находимся».¹

Что и говорить, многое разъединяло русскую интеллигенцию на чужбине. Но в одном она была всё же единодушна: в тревоге за судьбу тех, кто заменит старое поколение, когда придёт время выполнения эмиграцией исторической миссии в свободной от большевиков России. Борьба за русский язык в школе объединяла и тех, кто панически боялся денационализации, и тех, кто был уверен, что забота о чистоте русского языка не исключает освоения великого наследия европейской культуры, к чему всегда стремились пытливые русские умы. Исключительную роль в защите и пропаганде русского языка сыграли педагогические журналы «Русская школа за рубежом» (1923 — 1929, Прага), «Русская школа (1934 — 1940, Прага), «Бюллетень Религиозно-педагогического кабинета» (1928 — 1956, Париж). Пе-

¹ Ильин И. А. О русском правописании. — С. 185–186.

дагогические журналы издавались в Берлине, Варшаве, Харбине, Риге, Шанхае, Сан-Франциско и других городах.¹ В этой связи нельзя не вспомнить добрым словом подвижническую деятельность русских педагогов, стремившихся сохранить православную христианскую традицию в образовании и воспитании детей.

После второй мировой войны полемика о русском языке обретает второе дыхание. С одной стороны, это связано с существенным количественным ростом русской эмиграции; представители новой волны, по мнению «старых» эмигрантов, прожив многие годы в Советском Союзе, говорят «по-советски». Критика «советского языка» достаточно политизирована. Эмигранты «второй волны» говорят на языке, отражающем «духовную нищету большевизма». «Советский язык» представляет явную угрозу для «эмигрантского», правильного русского языка. От «советизированного языка» остаётся один шаг до «советизированных мыслей».²

«Борьба за русский язык» вступает в следующий этап. Появляются новые организации, например, «Союз для защиты чистоты русского языка» во Франции, который издаёт журнал «Русская речь». В 1955 г. увидело свет капитальное исследование о русском языке в СССР. Л. Гендлин вспоминает, что на даче К. Чуковского он впервые увидел эту работу. «Умная и цельная книга, — сказал К. И., он разрешил её посмотреть. — Вот что надо издавать и переиздавать в первую очередь». На столике с закладками лежала книга Андрея и Татьяны Фесенко «Русский язык при советах».

С 90-х годов минувшего столетия в отечественной науке ведутся активные и плодотворные лингвистические исследования, посвящённые формам существования русского языка за рубежом (Н. И. Голубевой-Монаткиной, Л. М. Грановской, Н. А. Кожевниковой и др.).³ Изучение русского эмигрантского языка, в первую очередь безупречного и чистого языка выдающихся русских писателей, оказавшихся в изгнании, лишней раз подтверждает жизнеспособность великой русской культуры, её непреходящее значение в мировом цивилизационном развитии. И, конечно же, позволяет оптимистически взглянуть в её будущее.

¹ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920 — 1970). — Париж, 1971; 2-е доп. изд. — 1973.

² Голубева-Монаткина Н. И. Русская эмигрантская речь в Канаде конца XX века. Тексты и комментарии. — УРСС, 2004.

³ Русский язык зарубежья / под ред. Е. В. Красильниковой. — М., 2001.

Но насколько злободневным является напоминание современникам о давних спорах о русском языке, о борьбе за русский язык, которую неустанно, насколько хватало сил, вели деятели русской культуры в рассеянии, в чём-то, возможно, ошибаясь, по человеческим, политическим ли мотивам, будучи настроенными пуристически или, напротив, полагаясь на великую жизненную силу русского языка, который переживёт всё чуждое его природе и строю и выйдет из испытаний ещё более могучим и свободным? Безусловно, злободневно, так как нынешняя языковая ситуация, наша сегодняшняя разговорная и письменная речь обращают нас к опыту тех, кто в несравненно более сложных условиях защищал своё национальное достояние.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни. 1920 — 1940. Франция. — М., Париж, 1995 — 1997. — Т. I–IV.
2. Историческая наука российской эмиграции 20 — 30-х гг. XX века (хроника). — М., 1998.
3. Политические деятели России 1917 : биографический словарь. — М., 1993.
4. Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Первая треть XX в. : энциклопедический биографический словарь. — М., 1997.
5. Русское зарубежье: Хроника научной культурной и общественной жизни. — М., Париж, 1993 — 1997. — Т. 1–4.
6. Болховитинов Н. Н. Русские учёные-эмигранты (Г. В. Вернадский, М. М. Карпович, М. Т. Флоринский) и становление русистики в США. — М., 2005.
7. Вандалковская М. Г. П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер: история и политика. — М., 1992.
8. Думова Н. Г. Либерал в России: трагедия несовместимости. Исторический портрет П. Н. Милюкова. — М., 1993. — Ч. 1.
9. Емельянов Ю. Н. С. П. Мельгунов: в России и эмиграции. — М., 1998.
10. Омельченко Н. А. Общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности. — СПб., 1996.
11. Вандалковская М. Г. Историческая наука российской эмиграции: «евразийский соблазн». — М., 1997.
12. Антощенко А. В. «Евразия» или «Святая Русь»? (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). — Петрозаводск, 2003.
13. Голицын-Муравлин Д. П. В защиту русского языка // Двуглавый орёл. — 1922. — Вып. 23.

14. Баранников А. Из наблюдений над развитием русского языка в последние годы. 1. Влияние войны и революции на развитие русского языка: учён. зап. Самарского ун-та, вып. 2. — Самара, 1919.
15. Винокур Г. Культура языка. — М., 1925.
16. Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917 — 1926). — М., 1928.
17. Горнфельд А. Г. Новые словечки и старые слова. Цит. по: Русский язык в зарубежной России. — М., 2007.
18. Ильин И. А. О русском правописании. Цит. по: Русский язык в зарубежной России. — М., 2007.
19. Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920 — 1970). — Париж, 1971; 2-е доп. изд. — 1973.
20. Русский язык зарубежья / под ред. Е. В. Красильниковой. — М., 2001.

АННОТАЦИЯ

В статье содержится общий анализ культурно-исторического феномена — русского зарубежья. Особое внимание уделяется науке русской истории в «рассеянии», которая во многих отношениях оказалась альтернативой официальной советской историографии. Подводятся предварительные итоги научного освоения современными российскими исследователями деятельности русских историков-эмигрантов, развития проблематики их исследований. Рассматривается деятельность ряда научных организаций и общественных объединений, созданных за рубежом. Обсуждается проблема защиты русского языка русскими учёными и писателями, эмигрировавшими из России после революции 1917 г. Отмечено, что деятелям зарубежной русской культуры приходилось бороться за язык в двух направлениях — жёстко критиковать и беспощадно высмеивать распространение советских «новых словечек», первенцев «новояза», и выступать ревнителями чистоты русского языка в беженской среде, оказавшейся весьма подверженной включению в русскую речь иностранных слов и выражений, к тому же весьма вольно приноровленным к нормам родного языка. Русский язык был и базовым элементом национального самосознания, его сбережение стало важнейшим условием будущего возрождения России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

История России; историография; российская эмиграция; русский язык; русская культура.

ANNOTATION

In this article the analysis of such cultural and historical phenomenon as Russian foreign world is presented. The special attention is paid to the science of Russian history «in dispersion», which in many respects has appeared to be the alternative to official Soviet historiography. The preliminary conclusions of scientific assimilation of Russian historians-emigrants activity and the development of research problems by modern Russian scientists are presented. The author considers the activity of scientific and social organizations which were appeared abroad. The problem of security of Russian language by Russian scientists and the writers who have emigrated from Russia after 1917 is discussed. It is marked that Russian scientists abroad had to fight for the language in two directions –to criticize hardly and to deride grimly the expansion of Soviet «new words», the new-borns of «new language» and also to be the ardent supporter of pure Russian language in the refugee environment. This environment was very influenced by inclusion into Russian speech of foreign words and expressions which were freely discussed. Russian language was the basic element of national self-consciousness and its preservation became the important condition of future renaissance of Russia.

KEY WORDS

History of Russia; a historiography; the Russian emigration; Russian language; Russian culture.

МАРАР Ольга Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Связи с общественностью и педагогика» Воронежского государственного технического университета, г. Воронеж

Русский мир: причины выезда русской артистической эмиграции первой волны

Нет нужды говорить о том, что эмиграция — это прежде всего кардинальная ломка динамических стереотипов, мучительно-тяжёлая и зачастую горестно-болезненная. Поэтому в каждом конкретном случае причины выезда сложны и не могут быть сведены к какому-то одному фактору, сколь бы важным он на первый взгляд ни казался. Здесь скорее можно говорить о синтезе политического, социального, экономического, профессионального и морально-психологического компонентов.

Сразу же после Октябрьской революции 1917 г. правящим классом в России стал пролетариат, который не располагал достаточным количеством специалистов для дальнейшего развития науки и техники. В. И. Ленин, считая, что формирование советского общества, его крепость и сила находятся в прямой зависимости от повышения культурного уровня населения, поставил перед партией новую задачу и разработал программу культурной революции в стране. Она включала в себя следующие пункты: национализация всех форм собственности; ликвидация неграмотности и создание народной интеллигенции; идеологическая пропаганда; создание социалистической культуры. Рассмотрим основные моменты культурной революции и то, как они отразились на жизни творческой интеллигенции.

Октябрьская революция одной из задач ставила вопрос о перераспределении частной собственности. Декретом от 6 декабря 1917 г. отменялось право на частную собственность на все без исключения земельные участки, на городские строения. Всё объявля-

лось достоянием народа.¹ Вместе с собственностью банкиров и фабрикантов под конфискационную статью попадало и имущество научной и творческой интеллигенции. Начавшийся произвол властей угнетал людей, зарабатывавших на жизнь своим талантом и творчеством. Например, у С. В. Рахманинова крестьяне отобрали имение, на которое он потратил заработанные за всю жизнь деньги.

Согласно одному из первых распоряжений В. И. Ленина были приняты меры по охране культурных ценностей как национального достояния. Декретом от 5 октября 1918 г. была учреждена Коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины, которую возглавили видные деятели искусства Москвы и Петербурга (художники П. П. Кончаловский, В. М. Васнецов, И. Э. Грабарь, В. Е. Маковский, К. А. Коровин и другие во главе с Е. В. Орановским). Они понимали, что необходимо сохранить ценнейшие коллекции национализированных музеев, картинных галерей, имевших историческое значение и представляющих огромную материальную ценность для России. Но, помимо коллекций музеев, частных театров, киностудий, под конфискационную статью попадали также частные коллекции и семейные архивы.²

Для реализации идей культурной революции не менее важной задачей считалась борьба с неграмотностью. Перед партией вставала проблема подготовки специалистов умственного труда из среды рабочих и крестьян. Необходимость привлечения буржуазной интеллигенции диктовалась размахом культурного строительства: по всей стране открывались многочисленные вузы, техникумы, народные консерватории. Академия художеств, Московская и Петроградская консерватории со всем своим имуществом переходили в ведение Наркомпроса. Первая конституция 1918 г. давала право на бесплатное образование во всех вузах страны, в том числе и художественных.³

¹ Декреты Советской власти. — М., 1957. — Т. 1. — С. 132.

² Декреты Советской власти. — М., 1964. — Т. 3. — С. 399. 29. 07. 1919 г. вышел Декрет об отмене права частной собственности на архивы русских писателей, композиторов, художников, учёных, хранящиеся в библиотеках и музеях (Культурная жизнь в СССР. М., 1975. С. 148). 19. 03. 1919 г. Наркомпрос Моссовета опубликовал постановление о национализации кинопредприятий Скобелевского комитета, попытавшегося объявить себя независимым от органов советской власти (Там же. С. 42).

³ Декреты Советской власти. — М., 1959. — Т. 2. — С. 94; Т. 3. — С. 11; Культурная жизнь в СССР. — С. 83.

Основным и наиболее эффективным методом привлечения интеллигенции В. И. Ленин считал метод «социалистического перевоспитания», согласно которому им были сформулированы основные принципы отношения диктатуры пролетариата к буржуазной интеллигенции: привлечение к строительству нового общества через участие интеллигенции в общественных организациях. Повсеместно создавались различные массовые профессиональные союзы, практиковались участие интеллигенции в съездах, конференциях, семинарах, собраниях, диспутах, контроль за её деятельностью, перевоспитание в духе социализма.

Поставленная В. И. Лениным задача создания новой народной рабоче-крестьянской интеллигенции была выполнена. Уже в 1921 г. состоялся первый выпуск нового поколения студентов МГУ. Рабоче-крестьянская интеллигенция смело вытесняла старые кадры. Таким образом, к 1922 г. прежняя интеллигенция ощутила свою ненужность; руководство страны могло позволить желающим выехать из России.

Центральное место в культурной революции отводилось идеологии. Партия считала, что объединить огромную многонациональную страну можно только на основе коммунистического мировоззрения. В решении VIII съезда РКП(б) подчёркивалось, что все участники культурного фронта, в том числе и деятели искусства, должны способствовать выработке марксистского мировоззрения.¹ Советское руководство использовало все формы пропаганды и агитации для укрепления веры в победу социализма: печать, кинематограф, театр, концерты, выставки; всячески способствовало появлению совершенно новых культурных учреждений, таких как рабочие клубы, избы-читальни, самодеятельные театры, агитпоезда, художественные кружки, смотры художественной самодеятельности. Уже к началу 1921 г. страна имела 17 профсоюзов, а при них — 1471 культотдел; 2 тыс. клубов; 7 тыс. народных домов; армия культпросветработников насчитывала около 450 тыс. человек.²

В этом грандиозном проекте формирования нового человека правительство отводило ведущую роль театру с новым названием «рабоче-крестьянский», а точнее, театральному действию как массовому проявлению революционных чувств. Эмоционально насыщенное, доступное широчайшим народным массам искусство театра выходило на передний край идеологической борьбы, обретало особую актуальность и невиданные ранее масштабы. В большинстве

¹ КПСС во главе культурной революции в СССР. — М., 1972. — С. 155.

² Там же. — С. 103.

своём это были любители, стремившиеся создать свои театральные теории и собственный пролетарский театр. В 1919 г. ТЕО (театральным отделом) Наркомпроса было разработано руководство для «создания нового театра». К этой работе привлекались научные и творческие силы с целью подготовки новых кадров актёров, режиссёров, драматургов. Самодеятельные кружки уже через несколько месяцев получали статус профессиональных театров, а самодеятельное театральное движение принимало массовый характер. Только в октябре 1918 г. было открыто 20 театров на предприятиях Москвы, а в декабре Революционный совет республики издал приказ об организации 60-ти самодеятельных красноармейских театров (по одному при каждой армии и 15 студий в крупных центрах).¹ В инструкции Политуправления Армии подчёркивалось, что целью фронтовых и театральных кружков является «политическое, культурное и эстетическое воспитание красноармейцев, направленное к выработке коммунистического воспитания».²

Количество рабочих, красноармейских и крестьянских театральных кружков исчислялось тысячами. Несмотря на тяжёлое положение республики, в ноябре 1919 г. состоялся первый съезд рабоче-крестьянского театра.³ В 1920 г. было зарегистрировано около 3 тыс. различных театральных кружков.⁴ Развитие художественной самодеятельности рассматривалось как значимый элемент удовлетворения культурных запросов рабочих и крестьян, как важнейшее средство усиления идейного руководства через тщательную разработку идеологически выдержанного репертуара. Ведущим жанром новой драматургии была агитпьеса или, другими словами, политобозрение. Эти пьесы создавались самодеятельными авторами и являлись обычно откликом на «злобу дня», предназначались только для данного кружка и только для одного представления.

Преимущественное внимание к просветительной и агитационной функции искусства отодвигало на задний план интерес к проблемам чисто эстетическим. И поэтому говорить о художественных поисках театра, индивидуального творческого облика того или иного коллектива не приходится. На первый план выдвигались не подлинные культурные ценности, а «польза для революции». Искусство понималось

¹ Культурная жизнь в СССР. — С. 86, 165.

² История советского драматического театра : в 6 т. — М. : Наука, 1966. — Т. 1. — С. 78.

³ Марков П. А. О театре : соч. в 4 т. — М., 1974. — Т. 1. — С. 434.

⁴ КПСС во главе культурной революции в СССР. — С. 158.

не как художественное познание мира, выражение нравственного идеала художника, средство общения людей, а исключительно как дело, полезное для революции, для решения сиюминутных злободневных задач. Появились идеи, согласно которым формы и выразительные средства опер, ораторий, симфоний устарели. Художественную литературу должны были заменить лозунги, репортаж, «агитка». Живописное полотно заменялось плакатом. Повсеместное развитие получил агитационный сценический плакат. При этом дело доходило до крайностей. Стремление «приземлить» искусство, попытки игнорировать его особую природу и функцию в человеческой жизни, растворив в «полезных делах» повседневности, — всё это мотивировалось великими социальными идеями новой эпохи.

С мая 1918 г. за событиями, происходящими в стране, в том числе в области пластического искусства, музыки, живописи, театра, наблюдал Народный комиссариат Государственного контроля. Идея «упорядоченной мирной армии» воплотилась в грандиозных массовых театрализованных зрелищах, разыгрываемых на площадях, где перед многочисленной толпой в обобщённых образах выявлялись смысл великого переворота, революционное самосознание масс, дерзость и решительность. Участие в массовом представлении способствовало осознанию своей принадлежности к классу-победителю, его коллективной мощи. Революция вызвала к жизни ещё одно интереснейшее явление народного театра — массовое театральное зрелище, сопровождавшееся революционными песнями.

На смену классическому театру, рождённому поколениями российской дооктябрьской интеллигенции и составлявшему смысл их жизни, пришёл театр нового типа, не знавший классического репертуара и отрицавший все предшествующие достижения и школы. Князь Н. С. Трубецкой писал в начале 20-х годов: «Мы были свидетелями того, как внезапно рухнуло то, что мы называли русской культурой. Многих из нас поразила та быстрота и легкость, с которой это свершилось, и многие задумались над причинами этого явления»¹.

Пережить происходящее и свыкнуться с мыслью, что рухнет искусство, созданные театральные традиции, было невыносимо, так как театральное дело было высоко развито и очень почитаемо в России. Театральный критик Энге ностальгически вспоминала: «Москва действительно была театральным, наитеатральнейшим городом в мире. И не по количеству театров. «Театральной» Москва была по роли театра в жизни Москвы. Все москвичи были театрами. Актёр

¹ Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. — М., 1992. — С. 4.

был не только желанным, а и почётным гостем в московских домах... Это был наивный, может быть, лучше сказать, бесхитростный детский романтизм. Театр нас окружил бесконечной сказкой. Со сцены мы её переносили в жизнь»¹. Артистов всегда отличало внимание к личности, к внутреннему миру человека; этим искусством владели и лучшие актёры русской провинции, где интерес к театру был просто головокружительным. Журнал «Театр и искусство» писал в 1916 г. о том, что «в Воронеже спектакли шли постоянно с аншлагами, и поднимался вопрос о постройке нового театра вместимостью на 3000 человек»².

Если с потерей имущества, голодом, решениями новой власти можно было как-то смириться, то потеря возможности самовыражения для творческой личности равнялась смерти. Поэтому профессиональный фактор для актёра, музыканта, режиссёра, композитора, конечно, являлся решающим. Эмиграция становилась единственной возможностью сохранить себя в искусстве. Именно значимость профессионального фактора заставляет нас обратить особое внимание на характеристику положения профессиональных театров и музыкальных коллективов после Октября.

До революции подавляющее большинство театров существовало на частных коммерческих началах. «Сверху» никто театрами не управлял, и только кассовые сборы определяли долговечность спектакля. В первые дни после Октября в знак протеста против советской власти были прекращены спектакли во многих театрах Москвы и Петербурга (Большом, Александринском, Незлобинском, «Кривое зеркало», «Пассаж» и др.), наблюдались случаи использования театральной сцены для пропаганды контрреволюционных и монархических идей. Уже 8 (21) ноября 1917 г. Совнарком издал Декрет о передаче театров в ведение Народного комиссариата по просвещению. 9 (22) ноября 1917 г. театры возобновили свою работу.³ В августе 1918 г. СНК принял решение о национализации театров, создав тем самым материальную и идеологическую основу для организации целенаправленного влияния на театральное искусство со стороны государственных органов. Общее руководство театральным делом в широком государственном масштабе было возложено на Театральный отдел (ТЕО) Наркомпроса, учреждённый в январе 1918 г.

Главная задача ТЕО заключалась в создании «нового театра»,

¹ РГАЛИ. Ф. 2273. Оп. 1. Д. 187. Л. 19.

² История советского драматического театра. — Т. 1. — С. 110.

³ Там же. — С. 70.

ориентированного на новый общественный строй. В ТЕО входили видные деятели культуры — Н. Е. Эфрос, А. А. Бахрушин, А. Белый и др. Поэт-символист В. Иванов представлял историко-театральную секцию. Театральный критик П. А. Марков вспоминал, что утверждаемая В. Ивановым теория «соборного театра» целиком и полностью противоречила задачам социалистического театра и А. В. Луначарский, возглавлявший ТЕО Наркомпроса, выступал категорически против подобных теорий. Идейный конфликт послужил главной причиной эмиграции В. Иванова.¹

Позже, в 1919 г., Декретом об объединении театрального дела при Наркомпросе был учреждён Центральный театральный комитет (Центротетра). Содержание этого документа позволяет выделить основные направления государственной политики по отношению к театрам: впервые они получили финансовую поддержку в зависимости от «художественных достоинств и общей полезности направления театра»; театр становился общедоступным, т. е. устанавливались фиксированные цены на билеты, которые распространялись среди трудовых коллективов; стремление сделать театр средством идеологического воздействия на массы предопределяло выбор репертуара, контроль за которым осуществляло правление Центротетра.²

Центротетра мог распоряжаться сценическим имуществом любого театра по своему усмотрению. Управляющим бывшего Мариинского театра был назначен инженер И. В. Экскузович. В театр пришёл циркуляр: бывшие Императорские театры имеют большой реквизит, костюмы, декорации, а народ в провинции не имеет этого и живёт во тьме. Предлагалось костюмы и декорации из столицы послать на помощь провинциальным театрам.

Одновременно следует отметить, что в первые годы советской власти вожди Октября, стараясь сплотить вокруг себя всех приверженцев революционной идеи, разрешали некоторую свободу творчества; культурная жизнь отличалась богатством фактов и бурным течением событий, в которых активное участие принимала творческая интеллигенция. Только в Москве в начале 20-х гг. насчитывалось свыше 30-ти литературных обществ; 1918 и 1919 гг. были самыми продуктивными для художников различных направлений. Но, уже начиная с 1920 г., количество выставок стало сокращаться, и тема-

¹ Марков П. А. О театре. — Т. 1. — С. 430.

² Декреты Советской власти. — М., 1973. — Т. 4. — С. 69–73, прил. III.

тика выставок и литературных произведений, как правило, ограничивалась Великой революцией.

В первые годы Октября обострились противоречия между старым и новым, традицией и новаторством, различными идейными направлениями творческой жизни интеллигенции. Представители футуризма, символизма и других новых эстетических течений встретили Октябрь с искренним воодушевлением и желанием отдать своё искусство служению революции. Она воспринималась молодыми авангардистами прежде всего как акт освобождения от сковывающих рамок академически рутинного искусства.

Темы революции и демократических перемен дали творческим исканиям композиторов новое направление. В начале второго десятилетия XX в. русская художественная интеллигенция ещё не утратила связи с недавним прошлым. Классический театр представлял собой неповторимый художественный мир, во главе которого стояли выдающиеся актёры и режиссёры, первооткрыватели театральных методов и форм, которыми до сих пор пользуются режиссёры всего мира. Цитаделью великих традиций, артистического достоинства, высокого творчества были академические театры — Большой, Малый, Художественный в Москве, Александринский, Мариинский в Петрограде. Репертуар русского профессионального театра в ранние годы Октября в большей мере состоял из пьес классического репертуара, который не мог выразить порыва революции и не являлся художественным отражением революционных идей. Он раскрывал зрителю совсем иной мир, нежели тот, который бурлил за стенами театра. Новых пьес, отвечающих высоким требованиям профессиональной сцены, почти не было, а те немногие, которые были, чаще всего противоречили традиционным реалистическим принципам старых театров. Поэтому театры, ориентировавшиеся на «буржуазного» зрителя, постепенно, но неуклонно умирали (среди них театр Незлобина, Московский Драматический и др.).

Освободившееся пространство занимали молодые и «смелые» режиссёры. Знаменем революционного новаторства стали В. Э. Мейерхольд, А. Я. Таиров, Е. Б. Вахтангов. Театральные студии росли, как грибы, и многие из них представляли интерес. В сезон 1918/1919 гг. только в Москве было зарегистрировано 95 различных театральных студий, из них 15 балетных. Молодыми коллективами руководили такие мастера, как В. Сахновский, молодые режиссёры Ф. Каверин, Ю. А. Завадский. Для них социальная революция явилась поводом для революции эстетической. Супрематизм, конструкти-

визм воспринимались как вызов старому «буржуазному» театру. Но впоследствии эмигрировали и многие авангардисты.

Непростой была ситуация и в сфере концертной деятельности. В 1921 г. были созданы первые государственные концертные организации — филармонии. Постепенно к 1922 г. все наиболее ценные в художественном отношении коллективы были объявлены государственными и взяты на госбюджет. Так как государственные коллективы в отличие от «свободных» имели некоторые привилегии при организации концертов и гастролей, наступила пора расцвета, своеобразного театрального ренессанса.

Однако новые распоряжения следовали одно за другим: через год многие коллективы были сняты с госбюджета и переведены на самофинансирование, стали облагаться различными налогами.¹ Затем вышло постановление о сокращении штатов «белых воротничков», под которое попадали и артисты хора или оркестра, поскольку они тоже числились в разряде служащих. Кипение жизни стало сменяться периодами мёртвого штиля и соответствовавшего им разочарования, что было достаточно типично для определённой части творческой интеллигенции в начале НЭПа.

В первые годы своего существования новое правительство рассматривало академическую концертную деятельность как одну из форм просветительной и агитационной работы. Стараясь привлечь лучших представителей интеллигенции на сторону революции, через А. В. Луначарского правительство делало все возможное, чтобы заинтересовать их благородством поставленных задач. С сентября 1919 г. концерты стали бесплатными, приглашения распространялись через профсоюзные комитеты и политпросветы. За реализацией билетов внимательно наблюдали партийные органы. Но все эти нововведения на практике обернулись полной отрешённостью музыкантов от публики, от уровня её подготовки, от её интересов.

Приход в театр нового массового зрителя менял ситуацию — теперь это были преимущественно солдаты, матросы, рабочие. Со временем стало очевидным, что старый классический театр мало волнует рабочих. В. И. Немирович-Данченко отмечал, что подавляющее большинство зрителей военного времени интересовалось преиму-

¹ Декрет ВЦИК от 22. 06. 1922 г. «Об установлении местного налога с публичных зрелищ и увеселений» гласил: «От уплаты налога освобождаются зрители представлений, имеющих агитационно-пропагандистское, политико-просветительское значение, а также посетители музеев, академических театров и цирков, списки которых утверждены Наркомпросом и Наркомфином» (Культурная жизнь в СССР. С. 350).

щественно спектаклями типа кабаре, лёгкими комедиями, отдавая предпочтение сюжетам вульгарного содержания.¹

В первые годы классический театр ещё отчаянно боролся за свою независимость от «навязываемого руководства». В начале 1919 г. руководитель Малого театра А. И. Южин отмечал, что власть может вмешиваться лишь в театральное хозяйство, поскольку она будет оказывать материальную помощь. Возложив на себя обязанность финансирования театров, партия тем самым сделала их материально зависимыми от неё: чтобы получить разрешение на постановку, надо было доказывать значимость спектакля.

Идеи культурной гегемонии, диктатуры «пролетарского» направления в искусстве в 20-х гг. утверждали две организации: РАПМ² и Пролеткульт. В деятельности РАПМа проявлялись основные механизмы руководства культурной жизнью и контроля за художественным творчеством; ассоциация стремилась стать основным представителем верховной власти в сфере культуры. Именно рапмовцы вульгаризировали до предела ключевой тезис об искусстве как важном государственном деле, об использовании художественного творчества прежде всего как орудия политической (классовой) борьбы, средства воздействия на психологию масс со стороны партийного государственного аппарата.

Не меньшие удары по старым академическим театральным традициям наносил Пролеткульт.³ В 1919 г. Мариинский и Александрин-

¹ Марков П. А. О театре. — Т. 1. — С. 461.

² Российская ассоциация пролетарских музыкантов (РАПМ) была основана в 1923 г. по инициативе музыкантов-коммунистов, ставивших целью создание массового революционного музыкального репертуара, борьбу с влияниями буржуазной идеологии в творчестве композиторов. Ценные явления классической музыки объявлялись идейно чуждыми пролетариату. Впервые критерием оценки музыкального искусства становится критерий классовый, идеологический. Массовая песня рассматривалась как основное звено в творчестве композиторов, поэтому крупные музыкальные формы отвергались. В 1932 г. все организации (РАПМ, АСМ, ВАПМ) были упрощены и созданы Союзы — композиторов, художников и т. д. (Музыкальная энциклопедия. Т. 4. С. 714; Шахнозарова Н. История советской музыки как эстетико-идеологический парадокс // Музыкальная академия. 1992. № 4. С. 71).

³ Конфорти. В борьбе за социалистическое искусство в Болгарии // Искусство революции призванное. — М., 1972. — С. 59. ; КПСС и рост духовной культуры советского рабочего класса (1917 — 1980). — Томск, 1982. — С. 31. ; БСЭ. 3-е изд. — Т. 21. — С. 74.

ский театры в Петербурге, Малый и Художественный в Москве стали подвергаться хлётским демагогическим нападкам сторонников Пролеткульта: их упрекали в приверженности к классике и буржуазным традициям, требовали закрытия. В одной из резолюций всероссийской конференции Пролеткульта говорилось о том, что следует развивать «строго классовое пролетарское искусство».

Рассмотренные документы более чем убедительно показывают, как руководство страны планомерно и целенаправленно вело политику подчинения академических театров. В 1918 г. произошла национализация театров, далее последовало подчинение их Совнаркому, в 1919 г. реализовалась зависимость театров от Центротeatра. В начале 1919 г. был создан единый орган — Всероссийский профессиональный союз работников искусства (Всерабис), в состав которого вошли все существующие к этому времени союзы (музыкантов, актёров, киноработников, артистов цирка, служащих сцены). Всерабис принимал участие в управлении всех учреждений культуры. В мае 1920 г. по постановлению Московского комитета РКП(б) коммунисты, работавшие в области искусства, были обязаны войти во фракцию Всерабиса и вести работу по коммунистическому воспитанию.

В конце 1920 г. вышло постановление ЦК РКП(б) о Главполитпросвете, занимавшем главенствующее положение во всей работе Наркомпроса; функции Центротeatра приостанавливались, разрабатывалась единая государственная театральная коммунистическая политика. С 1 августа 1921 г. в государственных театрах вводилось единоначалие; упразднялось коллегиальное правление и театр возглавлял директор, назначаемый партией.¹ С 1923 г. в советском театре начала действовать политическая цензура — Главрепертком, его возглавлял А. Р. Орлинский.² 09. 02. 1923 г. Совнарком утвердил положение о Репертуарном комитете при Главном управлении по делам литературы и искусства (Главлит), согласно которому комитет давал разрешение на постановку драматических, музыкальных и кинематографических произведений, контролировал репертуар всех зрелищных предприятий.³ Таким образом, над театрами устанавливался абсолютно централизованный партийно-государственный контроль. За период с 1923 по 1925 гг. Главрепертком Главполит-

¹ Культурная жизнь в СССР. — С. 286.

² Афанасьев Н. В безумстве гибельной свободы // Театр. — 1992. — № 5. — С. 3.

³ Культурная жизнь в СССР. — С. 404. ; КПСС во главе культурной революции в СССР. — С. 157.

просвета не допустил к постановке 16,8% представленных пьес.¹ Неудобные спектакли снимались с репертуара за «безыдейность». 10 марта 1923 г. утверждением устава Всероссийского литературно-драматического общества имени Островского занималось НКВД.²

Нападки на «буржуазные» театры шли не только в идеологическом направлении, но и в финансовом. Ещё в августе 1921 г. Моссовет издал постановление о предоставлении государственных субсидий только 16-ти театрам Москвы, остальные сдавались в аренду под контролем Советской власти.³ В целом субсидии гостеатров сократились на 350 млн. рублей в год.⁴ Если на содержание академических театров денег не хватало, то на театры «революции» средств, видимо, было достаточно: 13. 11. 1921 г. открывается новая 3-я студия МХТ под руководством Е. Б. Вахтангова, 19. 02. 1922 г. — «Театр актёра» в Москве возглавили В. Э. Мейерхольд и Н. Попов, 29. 02. 1922 г. В. Мейерхольд возглавил и Театр революционной сатиры. В этом же году были открыты Театр юного зрителя и Театр «Романеск», который возглавил В. М. Бебутов.⁵

В конце 1921 г. идеологическое давление на профессиональные театры было усилено. В ноябре прошёл диспут «Нужен ли Большой театр?», где докладчиками выступили В. Э. Мейерхольд и В. М. Бебутов; 8 ноября того же года Комиссия ВЦИК приняла решение о закрытии Большого театра как не представляющего художественной ценности с сохранением оркестра театра как самостоятельной организации. Правда, в марте 1922 г. занавес Большого театра вновь был поднят, а 2 апреля 1923 г. Большой театр был передан в руки В. Э. Мейерхольда.

Аналогичная ситуация сложилась и в области музыки. «Свободная» музыкальная мысль также не укладывалась в рамки партийного диктата. В период НЭПа активизировались контакты с новым искусством Запада, и молодые композиторы (И. Стравинский, Д. Шостакович и др.) обратились к новым джазовым ритмам, получившим широкое мировое признание в начале 20-х гг. Распространение в массовом быту легкожанровой эстрады критиковалось и квалифицировалось как вредительство, «попытка классового врага внести

¹ КПСС и рост духовной культуры советского рабочего класса (1917 — 1980). — С. 80.

² Культурная жизнь в СССР. — С. 411.

³ Там же. — С. 288.

⁴ Там же. — С. 320; Ленин В. И. ПСС. — Т. 54. — С. 110, 593–594.

⁵ Культурная жизнь в СССР. — С. 330, 331, 351, 379.

разложение таким хитрым и скрытым способом». Причинами живучести «музыкального дурмана» объявлялись наличие в стране остатков капиталистических элементов, а также буржуазное и мелкобуржуазное влияние на пролетариат.

Не каждый художник, в конечном счёте, мог согласиться с тем, чтобы его творчество становилось только средством информации и сиюминутного отклика. Запрет на свободу вероисповедания, обвинение в мистицизме, поиск места в новом социальном строе заставляли творческую личность по-другому оценивать сложившуюся ситуацию в стране. Русская интеллигенция не была готова к отказу от своих убеждений, не могла в одночасье потерять своё «Я» и мыслить «категориями толпы» или отказаться от мыслей вообще. Творческая интеллигенция, осмысливая события общественной жизни, разделилась на принявших революцию и отвергнувших её. Одни, ставя перед собой единственную цель — выжить, постепенно приспособлялись к «дозволенному», ограничивая свою творческую свободу и попадая в зависимость от массового вкуса, от указаний свыше. Нельзя исключать и фактор личных интересов. Климат 20-х гг. способствовал стремлению к самоутверждению, проявлению художественного честолюбия, а зачастую — карьеризма. Другие, сохраняя свою нравственную независимость, покидали Россию, чтобы оставить за собой право знать, что творится в современной музыкальной культуре мира, а также продолжать быть частью этого мирового процесса, сохраняя преемственные связи с далёким и ближайшим прошлым искусства, не отворачиваясь и от его новых исканий, чтобы иметь право, оставаясь самим собой, не порывать связи с аудиторией, тяготеющей к музыке серьёзных и сложных жанров, обладающей тонкой культурой вкуса, способной оценить творческие искания и находки.

Наряду с вышеизложенным нельзя не учитывать также и морально-психологического фактора. «Буржуй» становится самым презираемым словом. Хлёсткие слова В. Маяковского: «*Ешь ананасы, рябчиков жуй, / День твой последний приходит, буржуй*» — отражали настроение народных масс. Старая интеллигенция приравнивалась к буржуазному классу идеологических врагов.

С 1 июня 1922 г. вступил в действие новый Уголовный кодекс РСФСР, предусматривавший высылку по суду за пропаганду или агитацию «в направлении помощи международной буржуазии». 13. 08. 1922 г. Особая комиссия ГПУ под председательством И. С. Уншлихта рассмотрела «Списки антисоветской интеллигенции городов Моск-

вы, Петрограда и Украины в количестве 217 человек, подлежащих высылке за границу». После 21 августа аналогичные списки с решением о высылке рассматривались почти ежедневно.¹

Таким образом, можно выделить следующие причины эмиграции творческой интеллигенции. Русская интеллигенция вообще и сценаристическая интеллигенция в частности в большинстве своём покидала родину не из-за революций — Февральской или Октябрьской, а из-за того режима, который установился в стране к моменту окончания гражданской войны; она находилась под подозрением и не хотела мириться с этим. Насаждение в стране психологии военного лагеря, осаждённой крепости, со всех сторон окружённой противником, способствовало зачислению в разряд врагов всех, кто жил «старомодными представлениями» о вечных истинах, общечеловеческих идеалах. До революции русский театр был частновладельческим и действовал в системе свободного предпринимательства и конкуренции. С революционными преобразованиями в России творческая элита попадала в материальную и моральную зависимость от новой власти. Люди бежали от голода, холода, разрухи, потери минимального комфорта городской жизни. Но не только невзгоды были причиной эмиграции деятелей искусства. Несмотря на сложности гражданской войны, на все материальные неурядицы, многие представители творческой интеллигенции мирились с этим, считая, что в послереволюционных условиях они могут в наибольшей степени выразить себя, свои новаторские поиски. Потом оказалось, что их новаторство должно было проходить в жёстко определённых формах, что диктатура пролетариата означает отказ от творческой свободы и запрограммированность действий и высказываний. Театр как массовое зрелище, призванное влиять на толпу, должен был напрямую соответствовать большевистским указаниям. Ограничение творческой свободы шло по пути государственного вмешательства в культурную жизнь. Протест против этого и выразила своей эмиграцией часть деятелей российского искусства, покинувшая Родину.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. КПСС во главе культурной революции в СССР. — М., 1972.
2. Луначарский А. В. : соч. в 8 т. — М. : Художественная литература, 1964. — Т. 3.

¹ Доронченков А. И. Российская эмиграция «первой волны» о национальных проблемах покинутого отечества. — СПб., 1997. — С. 78.

3. Соколов Б. Мятаж или искание. — Прага, 1921.
4. Культурная жизнь в СССР. Хроника 1917 — 1927 гг. — М., 1975.
5. История советского драматического театра : в 6 т. — М., 1966. — Т. 1 (1917 — 1920).
6. Марков П. А. О театре : соч. в 4 т. — М., 1974. — Т. 1.
7. Житомирский Д. Фантом классового искусства // Музыкальная жизнь. — 1993. — № 11–12.
8. Луначарский А. В. Русское советское искусство // Об искусстве : в 2 т. — М., 1982. — Т. 2. Русское советское искусство.
9. Из истории строительства советской культуры: 1917 — 1918. — М., 1964.
10. Анненков Ю. П. Дневник моих встреч // Театр. — 1993. — № 8.
11. Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов / под ред. Л. В. Пономарёва. — М. : РАН, Институт всеобщей истории, 1992.
12. Декреты Советской власти. — М., 1973. — Т. 4.
13. Нестьев И. Из истории русского музыкального авангарда // Советская музыка. — 1991. — № 1.
14. Дуков Е. Как мы Швецию опередили, но не догнали // Музыкальная академия. — 1992. — № 1.
15. Шаляпин Ф. И. Маска и душа // Новый мир. — 1988. — № 6.
16. Шаляпин Ф. И. Страницы из моей жизни. — Л., 1990.
17. Миклашевский К. М. «За революционным фронтом я плетусь в обозе 2-го разряда. . . ». Из писем к деятелям театра (1914 — 1941) // Минувшее. — М., 1996. — № 20.
18. Иезуитов Н. Конец красоте // Пролетарская литература. — 1931. — № 4.
19. Известия ВЦИК. — 1920. — 4 июня.
20. Афанасьев Н. В безумстве гибельной свободы // Театр. — 1992. — № 5.
21. КПСС во главе культурной революции в СССР. — М., 1972.
22. КПСС и рост духовной культуры советского рабочего класса (1917 — 1980). — Томск, 1982.
23. Ленин В. И. ПСС. — Т. 54.
24. Громов В. Михаил Чехов. — М., 1970.
25. Морозов А. Трагедия художника. — М., 1971.
26. Александров В. На чужих берегах. — М., 1987.
27. Адамович Г. Вклад русской эмиграции в мировую культуру. — Париж, 1961.

АННОТАЦИЯ

Статья описывает события, связанные с периодом Октябрьской революции 1917 г., и раскрывает политические, экономические, морально-психологические причины выезда российской артистической интеллигенции из России с подробным изложением причин, связанных с артистической профессиональной деятельностью. Автор, рассматривая программу «культурной революции», разработанную В. И. Лениным, анализирует процесс становления различных форм социалистического искусства. Ведущая роль в формировании нового мировоззрения отводилась рабоче-крестьянскому театру, отрицавшему все предшествующие достижения и обострявшему противоречия между традицией и новаторством. Усиливающийся контроль в репертуарной политике, ограничивающий творческую свободу, вынудил значительную часть деятелей российского искусства покинуть Родину.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Эмиграция; причины выезда; российская артистическая интеллигенция.

ANNOTATION

The article describes the events connected with the Great October Revolution period in Russia, 1917 and considers political, economic and moral-psychological reasons for leaving the country of the Russian artistic intelligentsia. The article presents the detailed analysis of the causes, related with the artistic professional activity. The author describes the program of «cultural revolution» elaborated by V. I. Lenin and analyses the process of formation of different forms of socialist arts. The leading role belongs to the theater of workers and farmers, which denies all previous achievements and increases the contradictions between tradition and innovation. The growing control in the repertoire policy limits the creative freedom and obliges the significant part of Russian intelligentsia to leave the country.

KEY WORDS

Emigration; reasons of emigration; Russian artistic intelligentsia.

ИССЛЕДОВАНИЯ МОСКОВСКОГО ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ПРОГРАММ

*МАМОНОВА Ольга Николаевна, кандидат социологических наук, главный научный сотрудник отдела социологии Аналитического центра социально-культурных проблем и культурной политики Московского института социально-культурных программ,
МЕКАЕВА Юлия Юрьевна, аспирантка Института социально-политических исследований РАН, заведующая отделом социологии Аналитического центра социально-культурных проблем и культурной политики Московского института социально-культурных программ*

Доступность культурно-досуговых учреждений города Москвы для людей с ограниченными физическими возможностями

До недавнего времени в общественном сознании доминировала концепция «полезности» человека для общества, а люди с ограниченными возможностями, тем более инвалиды, в социальном плане считались бесперспективными.

В настоящее время существует принципиально новое понимание и решение этой проблемы: человек с ограниченными возможностями здоровья является не только пассивным объектом, нуждающимся в помощи и заботе, но и становится активным субъектом окружающего социума.

Безусловно, основой социального развития и благополучия данной категории лиц является комплексная реабилитация, цель кото-

рой — восстановление социального статуса инвалидов, его социальная адаптация, социализация и интеграция.

Сейчас всё большее признание приобретает подход, в соответствии с которым проблемы инвалидов следует рассматривать в аспекте восстановления нарушенных связей индивидуума и социума, удовлетворения потребностей в социальном развитии личности, интеграции инвалидов в общество. При этом политика в области взаимоотношений государства и инвалидов должна согласовываться с общепризнанными принципами и нормами международного права. Среди них особое место принадлежит Конвенции ООН «О правах инвалидов», принятой Генеральной Ассамблеей 13 декабря 2006 г., которая была подписана Россией 23 сентября 2008 г. Для международного сообщества и российских граждан это означает, что наша страна признаёт необходимость такого общества, где социальные гарантии для всех граждан одинаковы.¹ Немаловажным фактором является и то, что 2009 г. был объявлен Правительством Москвы Годом равных возможностей.

Полноценная жизнедеятельность подавляющего большинства инвалидов невозможна без предоставления им различных видов помощи и услуг, соответствующих их социальным потребностям, в том числе в сфере реабилитационных и социальных услуг, вспомогательных средств и приспособлений, материальной и иной поддержки. Адекватное и своевременное удовлетворение индивидуальных потребностей инвалидов призвано обеспечить компенсацию имеющихся у них ограничений жизнедеятельности. Оно предполагает создание им равных с другими категориями населения возможностей в социально-бытовой, профессиональной, общественно-политической, культурной и иных сферах. Средства культуры и искусства позволяют как нельзя лучше выстраивать определённые модели, которые становятся эталонами для решения различных проблем социализации личности.

Так, по данным Департамента социальной защиты населения, в Москве на 1 декабря 2008 г. насчитывалось около 1,184344 млн. инвалидов, из них 231501 — трудоспособного возраста, 25675 — детей-инвалидов. Среди взрослого населения: инвалидов по слуху — 5039, по зрению — 14942, с психическими расстройствами — 26516, в результате ДЦП — 1557, с повреждением опорно-двигательного аппарата — 22126. Среди детей: инвалидов по слуху — 1099, по зрению —

¹ Социокультурная реабилитация инвалидов : метод. реком. — М., 2002. — С. 19.

802, с психическими расстройствами — 4935, в результате ДЦП — 3303, с повреждением опорно-двигательного аппарата — 1736.

Московским институтом социально-культурных программ в IV квартале 2008 г. было проведено исследование, посвящённое доступности культурно-досуговых учреждений московского мегаполиса для людей с ограниченными физическими возможностями. Данное исследование проводилось по репрезентативной выборке методом анкетного опроса москвичей с ограниченными физическими возможностями всех округов столицы. Главной целью исследования являлось выявление обеспечения людей с ограниченными физическими возможностями услугами культурного профиля. В ходе исследования ставились следующие задачи: выявить участие инвалидов в культурной жизни столицы; определить основные предпочитаемые виды времяпрепровождения и места проведения досуга лиц с ограниченными физическими возможностями; выяснить основополагающие факторы, которыми руководствуются респонденты при выборе определённой деятельности на досуге; определить, насколько обеспечены районы и округа проживания респондентов культурно-досуговыми учреждениями, в которых ведётся систематическая работа с людьми, имеющими ограниченные физические возможности; выявить, насколько часто анкетированные посещают такие специализированные учреждения; узнать мнение москвичей с ограниченными физическими возможностями о ситуации с организацией культурного досуга для инвалидов; выяснить основные причины, препятствующие получению москвичами с ограниченными физическими возможностями услуг культурного профиля; узнать мнение респондентов об основных проблемах в сфере культурно-досугового обслуживания людей с ограниченными физическими возможностями; а также определить меры, которые могли бы способствовать улучшению культурного досуга таких москвичей.

При анализе и описании полученных данных были использованы дополнительные материалы, легшие в основу выводов и рекомендаций, в том числе: Комплексная целевая программа «Культура Москвы (2008 — 2010 гг.)», Комплексная целевая программа «Социальная интеграция инвалидов и других лиц с ограничениями жизнедеятельности города Москвы» на 2007 — 2009 гг., статистические данные о количестве и категориях инвалидов в Москве, предоставленные Департаментом социальной защиты населения города Москвы. Дополнительная информация о состоянии и работе объектов культурного профиля была получена из Интернета, в частности с сайтов административных округов Москвы.

В опросе приняли участие 523 человека, из них 60,2% респондентов — женщины, 39,8% — мужчины. Среди них 14,7% — это молодые люди от 14 до 24 лет и 12,6% — от 25 до 29 лет. Каждый пятый опрошенный (20,1%) — в возрасте 30 — 39 лет, а каждый шестой (16,1%) — 40 — 49 лет. Треть респондентов (33,7%) — люди пожилого возраста и пенсионеры (старше 50 лет).

Среди москвичей, опрошенных в ходе исследования, 24,9% мужчин и 24,5% женщин имеют начальное, неоконченное среднее или среднее полное образование. Среди респондентов со средним специальным или профессиональным образованием 43,9% мужчин и 30,8% женщин. Каждый шестой москвич/москвичка, принявшие участие в опросе, отметили наличие неоконченного высшего образования (10,1% мужчин и 19% женщин). 26,9% респондентов мужского пола по сравнению с 22,9% респондентов-женщин имеют высшее образование, среди них у 0,6% есть степень кандидата или доктора наук (1,1% мужчин и 0,3% женщин). Примечательно, что это исключительно молодые люди в возрасте 25 — 39 лет.

Подавляющая часть опрошенных (63,3%) имеет степень ограничения в трудовой деятельности, 17,8% её не имеют. Каждый седьмой респондент отказался отвечать на данный вопрос. С точки зрения возраста, ведущей группой с ограничениями в трудовой деятельности является группа молодых людей 25 — 29 лет (71,2%) и людей трудоспособного возраста 30 — 49 лет (69,3%), что не может не вызывать серьёзной тревоги о состоянии социально-демографических процессов в современной России. Среди пенсионеров и пожилых людей в возрасте старше 60 лет также велика доля респондентов с ограничениями в трудовой деятельности (67,7%). Немного лучше обстоит дело с молодёжью: 42,9% участников опроса от 14 до 24 лет уже имеют ограничения в трудовой деятельности.

Среди основных причин получения респондентами инвалидности были названы следующие: общее заболевание (34,2%); инвалид с детства (26,0%); инвалид в результате несчастного случая или производственной травмы (11,7%); инвалид в результате профессионального заболевания (4,4%). Каждый пятый опрошенный москвич отказался отвечать на данный вопрос.

Ведущими группами респондентов, имеющих ограничения в трудовой деятельности, являются группы «Инвалид в результате профессионального заболевания» (91,3%), «Инвалид в результате несчастного случая или производственной травмы» (82,0%) и «Инвалид

с детства» (80,9%). Среди участников опроса 65,9% имеют степень ограничения трудовой деятельности в связи с общим заболеванием.

Подавляющее большинство опрошенных москвичей крайне низко оценили своё материальное положение (76,7%): лишь 48% из них отметили, что денег им хватает на продукты и одежду, тогда как у 23,3% респондентов хватает средств только на еду, а 5,4% опрошенных отметили, что средств не хватает даже на еду. Каждый десятый затруднился ответить на поставленный вопрос. 9% опрошенных москвичей могут позволить себе купить большинство товаров длительного пользования, кроме автомашины, и лишь 3,1% полагают, что могут ни в чем себе не отказывать.

Как показали результаты исследования, только третья часть опрошенных респондентов (38%) считает себя полноценными участниками культурной жизни столицы, 43% анкетированных не причисляют себя к данной категории, 17,8% затруднились с ответом.

Среди причин того, что люди с ограниченными возможностями не считают себя полноценными участниками культурной жизни московского мегаполиса, главной является та, что учреждения культуры не приспособлены для посещения их инвалидами (40,6%); следующей по значимости была отмечена нехватка денежных средств (36,1%); немаловажным барьером, препятствующим посещению учреждений культурного профиля, являются также территориальное расположение этих объектов вдалеке от дома (30,1%), неприспособленность транспорта для перевозки людей с ограниченными возможностями и как следствие невозможность использования такого транспорта (27,9%), а кроме того, недостаточное количество проводимых мероприятий для людей с ограничениями здоровья в учреждениях их района или округа проживания (27,9%).

В связи с тем, что большинству опрошенных недоступно посещение учреждений культуры, они чаще всего проводят свой досуг, общаясь с друзьями, знакомыми, родственниками — 50,1%, смотрят различные телепередачи и кинофильмы — 53,2, читают — 44,7, занимаются домашними делами — 37,5, слушают музыку — 33,1 и посвящают себя творчеству — 18,8%, спортом же занимаются лишь 9,7% респондентов.

При выборе определённой деятельности на досуге участвовавшие в анкетировании руководствуются прежде всего следующими основополагающими факторами: необходимостью заботиться о своём здоровье — 43,5%, желанием интересно провести время с семьёй, друзьями, знакомыми — 40,2, желанием отдохнуть и развлечься, а также поднять настроение — 37,0 и потребностью приобрести но-

вые знания — 30,2%. Для четвертой части респондентов (24,6%) при выборе деятельности на досуге важнее уйти от всех забот и просто забыться. Не менее значимым также является желание приобщиться к искусству или получить эстетическое наслаждение от общения с природой — 23,4 и 16,4% соответственно.

Учитывая вышеперечисленные факторы, которыми опрошенные руководствуются при выборе деятельности на досуге, они отметили, что своё свободное время хотели бы посвятить также занятиям спортом, в том числе лечебной физкультурой и плаванием, активному отдыху, прогулкам на природе, посещению театров, кинотеатров, музеев, выставок, концертов, занятиям рукоделием (шить, вышивать, вязать), путешествиям, поездкам на экскурсии, учёбе, повышению своих знаний.

В связи с этим, по мнению большинства респондентов, в сфере культурно-досуговой реабилитации людей с ограниченными физическими возможностями городским властям следует решить ряд проблем, возникающих как на городском, так и на районном либо окружном уровне.

Прежде всего это:

- физическая доступность объектов культуры для лиц с ограничениями здоровья — оснащение таких учреждений всеми необходимыми техническими средствами, позволяющими беспрепятственное посещение их инвалидами;
- решение проблемы транспорта и приспособление городской среды под нужды инвалидов;
- обеспечение инвалидов средствами индивидуального пользования, облегчающими им передвижение (коляски, палки и т. д.);
- создание большего числа специализированных реабилитационных учреждений для инвалидов различных категорий;
- финансовая доступность культурно-досуговых учреждений и проводящихся в них мероприятий;
- увеличение информативности о культурных мероприятиях, проводящихся для лиц с ограниченными физическими возможностями;
- повышение внимания со стороны властей к проблемам и нуждам инвалидов;
- повышение такого же внимания к ним от сотрудников учреждений культуры.

Около половины опрошенных (44,7%) отметило, что в районе или в административном округе их проживания есть культурно-досуговые учреждения, где ведётся работа с людьми, имеющими ограничения жизнедеятельности. Треть опрошенных (35,6%) затруднилась

определить наличие таких учреждений, а 18% ответили, что подобных объектов культуры в их районе/округе нет.

Что касается частоты посещения специализированных учреждений культуры московского мегаполиса, в которых ведётся работа с инвалидами, то около четверти опрошенных (26,9%) бывает в них раз в неделю, 23,9% респондентов — раз в месяц, каждый шестой, участвующий в опросе, — раз в две недели. 41,9% респондентов отмечают, что в учреждениях культуры, которые они посещают, существует специальное оборудование для людей с ограниченными физическими возможностями, помогающее им лучше раскрыть свои творческие способности, однако его недостаточно, 17,1% опрошенных вполне устраивает количество и качество этого оборудования, каждый седьмой ответил, что данное специализированное оборудование не используется в должной мере, а шестая часть опрошенных затруднилась определить наличие такого оборудования.

Для трети респондентов (35,2%) наличие специализированного культурно-досугового учреждения в непосредственной близости от места жительства достаточно важно, так как это даёт им ощущение полноты жизни и душевного комфорта. Поэтому больше половины опрошенных (59,6%) предпочла бы посещать такие учреждения, если бы они располагались рядом с домом, и 31,8% — если бы они находились в районе проживания. Каждый четвёртый считает, что такие учреждения дают им возможность для творческого самовыражения, позволяют удовлетворить потребность в общении, а также найти товарищей по интересам. Для 19,5% респондентов наличие этих учреждений не очень важно, но иногда благодаря мероприятиям, проводимым в них, они чувствуют себя лучше.

Около половины (43,8%) участвовавших в опросе респондентов отмечает, что им известно о существовании специализированных культурно-досуговых учреждений в других районах или округах Москвы, каждый третий (29,4%) не владеет такой информацией, и четвертая часть (26,4%) анкетированных затруднилась ответить.

Что касается в целом ситуации с организацией культурного досуга людей с ограниченными физическими возможностями в Москве, то, по мнению половины (52,9%) респондентов, таким людям, стремящимся приобщиться к культурной жизни столицы, уделяется недостаточно внимания, практически каждый пятый считает, что ситуация в этой сфере удовлетворительная, и только лишь каждый пятнадцатый отметил, что людям с ограничениями здоровья уделяется внимания в сфере культуры достаточно, а 18,2% затруднились с ответом. Половина опрошенных (50,9%) не смогла определить,

улучшилась ли ситуация в сфере культурно-досугового обслуживания людей с ограниченными физическими возможностями за последние 4-5 лет, однако около трети респондентов (34,8%) твёрдо считает, что улучшение в данной сфере произошло, однако каждый девятый (11,1%) отметил, что улучшения нет.

Как уже говорилось выше, несмотря на существующие проблемы со здоровьем, москвичи с ограниченными физическими возможностями и инвалиды стараются активно проводить свой досуг. По мнению большинства опрошенных, им более всего не хватает студий компьютерной графики (42,6%), а также музыкальных студий и кружков хорового пения (40,7%). Чуть менее трети респондентов ощущает нехватку в литературных объединениях (31,6%) и танцевальных студиях (29,7%). Кроме того, 28,7% полагают, что необходимо создать в Москве больше кружков и изобразительных студий для лиц с ограниченными возможностями. Каждый десятый опрошенный отметил, что хотел бы видеть больше разнообразных студий, среди которых спортивные, в том числе бассейны и центры оздоровления, студии макраме, кройки и шитья, исторические кружки, художественные и дизайнерские студии, театральные, специализированные для лиц со снижением интеллекта, для лиц с ослабленным зрением и незрячих, где можно было бы читать по методу Брайля (причём отмечается нехватка таких книг), и т. д.

По мнению респондентов, только фундаментальные изменения в социальной политике Москвы, касающиеся инвалидов, могли бы улучшить культурный досуг москвичей с ограниченными физическими возможностями. В связи с этим респондентами были перечислены следующие меры:

1. Только комплексное решение проблемы на городском уровне, изменение всей инфраструктуры города, строительство специальных дорожек, пандусов, появление специализированного транспорта, магазинов, поликлиник и кафе со специальными низкими съездами / специальными приспособлениями — 67,7%;
2. Увеличение числа досуговых учреждений, ориентированных на работу с людьми, имеющими ограниченные физические возможности, во всех районах столицы — 54,6% ;
3. Выделение специального транспорта для посещения театров, концертов, филармоний, выставок и т. д. — 47,4%;
4. Снижение цен на билеты в учреждения культуры — 43,6%;
5. Создание специальных помещений для отдыха людей с ограниченными возможностями в театрах, библиотеках, кинотеатрах и др. — 31,7%;

6. Увеличение материальных стимулов для специалистов по работе с людьми с ограниченными возможностями — 27,6%;

7. Обустройство парков, досуговых и культурных учреждений с учётом особенностей людей с ограничением физических возможностей — 24,7%;

8. Активизация работы специалистов по вовлечению людей с ограниченными возможностями в культурную жизнь столицы — 24,3%;

9. Повышение квалификации сотрудников досуговых и культурных учреждений — 17,0%;

10. Разработка специализированных культурных программ для людей с ограниченными физическими возможностями — 13,9%.

Кроме того, респонденты отмечают необходимость повышения уровня информированности инвалидов и лиц с ограниченными физическими возможностями, а также помощь в организации встреч и проводов на мероприятие.

Чуть более трети респондентов оценило удовлетворительно деятельность работников культурно-досуговых учреждений по вовлечению москвичей с ограниченными физическими возможностями в культурную жизнь столицы (38% опрошенных). Практически каждый пятый отметил, что деятельность работников культурно-досуговых учреждений носит недостаточный характер, и сообщил о неудовлетворительных результатах данных мероприятий (23,3%). Лишь 3,3% москвичей высоко оценивают уровень работы сотрудников столичных культурно-досуговых учреждений, а каждый третий респондент затруднился дать оценку их деятельности (34,0%). Вопрос сотрудничества посетителей и представителей культурно-досуговых учреждений на предмет позитивных изменений и учёта замечаний, касающихся работы этих учреждений, поставил в тупик большую часть опрошенных: 56,6% из них затруднились с ответом. По мнению только лишь 18,0% опрошенных москвичей и 24,1% москвичек, работники культурно-досуговых учреждений столицы учитывают их предложения, направленные на повышение качества культурного досуга инвалидов и лиц с ограниченными физическими возможностями.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Социокультурная реабилитация инвалидов : метод. рекомендации. — М., 2002.
2. Коммуникативно-деятельностный подход в социально-культурной интеграции инвалидов. — М. : МГУКИМ, 2005.

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты эмпирического исследования, проведённого Московским институтом социально-культурных программ в 2008 г. и посвящённого доступности культурно-досуговых учреждений московского мегаполиса для людей с ограниченными физическими возможностями. Исследование проводилось по репрезентативной выборке методом анкетного опроса москвичей с ограниченными физическими возможностями всех округов столицы. Главной целью исследования было выявление обеспечения людей с ограниченными физическими возможностями услугами культурного профиля.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Культурно-досуговые учреждения; люди с ограниченными физическими возможностями; инвалиды; доступность учреждений; социальная интеграция.

ANNOTATION

In this article the results of empirical research conducted by Moscow Institute of Social and Cultural Programs in 2008 and devoted to the issue of accessibility of Moscow cultural institutions and leisure centers for the people with limited physical capacities are presented. The research was conducted on the representative random using the method of survey of Muscovites with limited physical capacities in all regions (okrug) of Moscow. The main aim of the investigation was the revelation of providing of people with limited physical capacities by the cultural services.

KEY WORDS

Cultural institutions and leisure centers; people with limited physical capacities; disabled people; accessibility of institutions; social integration.

АСПЕКТЫ

БАЖЕНОВА Ольга Семёновна, старший преподаватель Наро-Фоминского филиала Российского государственного социального университета, аспирант кафедры социальной антропологии, г. Москва

Проблема реализации этнической идентичности

Норвежский этнолог Ф. Барт рассматривает этническую группу как особый тип организации. Главным её признаком является приписывание этнической идентичности, которое основывается на критериях происхождения и приверженности определённым ценностям. Другими словами, её становление происходит на основе коллективной идентичности в результате того, что члены группы формируют некий набор отличительных маркеров для различия культуры данной группы и культуры других. На этой основе происходит определение границ этнической группы. Причём набор отличительных маркеров включает только те различия, которые сами люди считают значимыми. Они касаются как фундаментальных ценностных ориентаций, так и воспринимаемых знаков. Таким образом, этническая идентичность демонстрируется посредством этнической символики: особой одежды, танцев, ритуалов, образцов поведения и особых моральных ценностей. Поэтому этничность чаще всего и определяется через общие культурные характеристики, отличающие группу от других. «Этничность — это свойство, принадлежащее тем, кто признаётся членом данного общества, обладающего общими культурными чертами, в том числе общими предками и общей историей; это свойство, проявляющееся в результате взаимодействия с членами более широкого общества, имеющего другие культурные черты».¹

О том, что принадлежность человека к народу определяется не

¹ Riggs F. W. Ethnicity, Nationalism, Race, Minority: a Semantic / Onomantic Exercise // International Sociology, 1991, Vol. 6, N 3, 281–306.

биологической наследственностью, а сознательным его приобщением к культурным ценностям и традициям, которые характерны для того или иного народа, писал ещё Г. Г. Шпет: «Человек, действительно, сам духовно определяет себя, относит себя к данному народу, он может даже «переменить» народ, войти в состав и дух другого народа, однако опять не «произвольно», а путём долгого и упорного труда пересоздания детерминирующего духовного уклада»¹.

Для современного мира характерен процесс широких культурных контактов. Взаимодействие между людьми разных культур с неизбежностью порождает уменьшение различий. В процессе идентификации происходит изменение этнических границ, этнодифференцирующих признаков. Другими словами, в определённый исторический момент одни признаки воспринимаются как этнодифференцирующие, изменение же социальной ситуации может вести к актуализации других этнодифференцирующих признаков. Кроме того, поскольку сохранность этнической группы зависит от устойчивости её границ, то изменившиеся обстоятельства, которые препятствуют успешной реализации этнической идентичности, могут привести к её смене.

В процессе межкультурного взаимодействия взаимовлияния чаще всего не являются равнозначными, так как происходят при доминировании культуры какого-либо этноса. Кроме того, неравномерные темпы социального развития различных народов привели к так называемому явлению «исторического запаздывания», когда на сцену мировой истории начали вступать наряду с уже сложившимися государственными образованиями народы, не имеющие развитой формы политической организации. Это вызвало включение их в состав государственных образований других народов. Данный ход исторического процесса, проявившийся в новое время, позволил учёным сделать вывод о том, что дальнейшее развитие таких этносов связано с их ассоциированным развитием с каким-то другим крупным этносом, сформировавшим сильное государство. При этом ассоциированный этнос не утрачивает своих этнокультурных самобытных черт, но оказывается втянутым в орбиту социально-экономического и политического развития государства другого этноса и выступает частью его населения.²

¹ Шпет Г. Г. Психология социального бытия. — М., Воронеж, 1996. — С. 371.

² Арутюнов С. А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. — М., 1989. — С. 29.

В ситуации бикультурализма социализация представителей ассоциированного этноса имеет противоречивый характер. С одной стороны, появляется возможность осуществлять социальную мобильность и самореализовываться за пределами традиционного общества, с другой — успешная социализация зачастую означает достижение определённых преимуществ ценой частичной или полной утраты традиционной этнокультурной идентичности. В связи с этим этническая идентичность, предполагающая в том числе языковую компетенцию, а также комплекс жизнестилевых практик — от предпочтений досуга до стиля в одежде (которые и утрачиваются в первую очередь), — в новых условиях обнаруживает несовпадение по целому ряду практик.

Изучая положение этнических меньшинств в США, проблемы их взаимодействий с доминирующими группами, американский исследователь Э. Стоунквист вводит понятие маргинальности. Наиболее важной чертой маргинального человека, по мнению Стоунквиста, является гибридность — будь то расовая или культурная.¹

Американский исследователь отмечает возможные способы, линии поведения маргинального человека. В частности, он выделяет следующие способы:

1. Маргинал может успешно интегрироваться в новую социокультурную среду и усвоить престижные социальные роли, но при этом ассимилироваться с господствующей культурой;

2. Он может влачить существование вечного изгоя, люмпена и т. п., разуверившегося в своих возможностях и перспективах;

3. Он может стать ярким националистом, стремящимся либо сохранить традиционную культуру, либо её основательно модернизировать.²

Выводы и положения своей концепции Э. Стоунквист применил к исследованию социокультурных и этнокультурных процессов в модернизирующихся традиционных обществах. Перспективой данных процессов, по его мнению, станет медленная адаптация традиционной личности к существованию в обеих культурах. При этом такая личность уже не будет испытывать противоречивость, расщеплённость внутреннего мира.

¹ Стоунквист Э. В. Маргинальный человек. Исследование личности и культурного конфликта // Современная зарубежная этнопсихология. — М., 1979. — С. 99–100.

² Там же.

Российские учёные на основе изучения народов Сибири также пришли к выводу, что маргинальная ситуация не всегда ведёт к душевному кризису. Этому способствуют следующие условия:

1. Если маргинальный индивид приспособлен к своему существованию на грани двух культур с детства;

2. Если он разделяет существование и адаптацию с большим числом индивидов в своей первичной группе;

3. Если годы раннего детства, юность и зрелый возраст прошли в обстановке участия его в общественной деятельности, в которой были заняты другие подобные ему маргинальные индивиды.¹

В связи с этим переосмысливается понятие этнокультурной маргинальности и вводится понятие «объективной этнокультурной маргинальности»², которое характеризуется объективной двойственностью внешних атрибутов этнокультуры (языка, традиций, стереотипов поведения) и отсутствием кризиса этнической идентичности.

В этой ситуации возникает необходимость исследования изменений, происходящих в этнической идентичности, пределов устойчивости этнических границ. Особую значимость приобретает сохранность последних, а значит, и необходимость структурирования такого взаимодействия, которое обеспечивало бы постоянные культурные различия, что является условием сохранности этнических групп.

В основе межкультурного взаимодействия и паритетного сосуществования культур, по мнению А. И. Куропятник³, должен лежать методологический потенциал мультикультурализма, принципы которого — признание, недискриминация, равноправие и толерантность.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Riggs F. W. Ethnicity, Nationalism, Race, Minority: a Semantic / Onomantic Exercise // International Sociology, 1991, Vol. 6, N 3, 281–306.

¹ Бухаева Р. В. Особенности этнокультурной маргинальности западных бурят в условиях модернизации в инонациональной среде : автореф. дисс. канд. социол. наук. — Иркутск, 2002.

² Мулдашева А. Б. Роль этнопсихологической двойственности в межнациональных отношениях : автореф. дисс. канд. психол. наук. — М., 1991.

³ Куропятник А. И. Общество и сообщество: модели развития современных этносоциальных и культурных процессов // Социальная политика и социология. — 2004. — № 4.

2. Шпет Г. Г. Психология социального бытия. — М., Воронеж, 1996. — С. 371.
3. Арутюнов С. А. Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. — М., 1989. — С. 29.
4. Стоунквист Э. В. Маргинальный человек. Исследование личности и культурного конфликта // Современная зарубежная этнопсихология. — М., 1979. — С. 99–100.
5. Бухаева Р. В. Особенности этнокультурной маргинальности западных бурят в условиях модернизации в инонациональной среде : автореф. дисс. канд. социол. наук. — Иркутск, 2002.
6. Мулдашева А. Б. Роль этнопсихологической двойственности в межнациональных отношениях : автореф. дисс. канд. психол. наук. — М., 1991.
7. Куропятник А. И. Общество и сообщество: модели развития современных этносоциальных и культурных процессов // Социальная политика и социология. — 2004. — № 4.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме этнической идентичности. Отмечается решающая роль этнической идентичности для самовыделения группы и для выделения её другими, а также для деятельности людей в этнической сфере. Кроме того, рассматриваются весьма актуальные для современности вопросы, связанные с этнокультурными процессами в модернизирующихся традиционных обществах. Подчёркивается, что в этой ситуации актуализируется вопрос об этнодифференцирующих признаках. Кроме того, отмечается противоречивый характер социализации личности в условиях бикультурализма. Делается вывод, что расширение межкультурного взаимодействия остро ставит вопрос сохранности этнических границ, что достижимо в результате структурирования такого взаимодействия, которое обеспечивало бы постоянные культурные различия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Этническая идентичность; межкультурное взаимодействие; этнокультурная маргинальность.

ANNOTATION

The article is devoted to the problem of ethnic identity. The decisive role of ethnic identity for self attributing and attributing by others and for activities in ethnic sphere is marked. Besides such actual for

contemporary world problems as ethnic and cultural processes in tried modernization traditional societies are considered. The actualization of the question about diacritics marked off one culture from others is emphasized. The contradictory character of the human socialization under bicultural circumstances is noted. The author grounds the conclusion about growing the problem of safety ethnic boundaries due to cultural interaction extending. This problem only may be solved by drawing up such kind of interaction, which would guarantee permanent cultural diversity.

KEY WORDS

Ethnic identity; intercultural interaction; ethnic cultural marginality.

*ВОЛКОВА Марина Александровна,
аспирантка кафедры истории
отечественного искусства исторического
факультета МГУ имени М. В. Ломоносова,
г. Москва*

Коронационные портреты Екатерины II

Коронационный портрет — это изображение монарха в коронационном одеянии с регалиями, как правило, помещавшееся в государственных учреждениях, а также на триумфальных вратах, воздвигаемых по случаю коронации и других торжеств. Этот тип портрета рождается в XVIII в. в условиях становления империи. 22 октября 1721 г. Пётр I принимает титул императора. 7 мая 1724 г. совершается первая российская императорская коронация, организованная по европейскому образцу, — Пётр I коронует свою супругу Екатерину Алексеевну, Екатерину I. С этого момента в России начинает складываться традиция коронационного портрета, в которой используются правила, выработанные в западноевропейской живописи, и собственный опыт царского изображения.

Тип коронационного портрета определяется к середине XVIII в., времени правления Екатерины II. Тем интереснее рассмотреть несколько наиболее показательных портретов этой императрицы. Они создавались виднейшими мастерами своего времени и описаны в литературе, освещающей их творчество, в частности в монографиях И. М. Сахаровой¹ и Т. В. Алексеевой² и в сводных работах по истории русского искусства этого периода, например, у Т. В. Яблонской³ и А. А. Карева⁴.

¹ Сахарова И. М. Алексей Петрович Антропов. 1716 — 1795. — М., 1974.

² Алексеева Т. В. Владимир Лукич Боровиковский и русская культура на рубеже XVIII — XIX веков. — М., 1975.

³ Яблонская Т. В. Классификация портретного жанра в России XVIII века (К проблеме национальной специфики) : канд. дисс. — М., 1978.

⁴ Карев А. А. Классицизм в русской живописи. — М., 2003.

Классическим воплощением типа можно считать коронационный портрет Екатерины II работы Стефано Торелли (не ранее 1763 г., ГТГ). Императрица изображена при всех регалиях в коронационном одеянии. По правую руку от неё золочёный резной столик, покрытый драгоценной синей парчой с золотой бахромой и кистями, на котором на алой бархатной подушке с золотой вышивкой помещены три царских венца: шапки Казанская, Астраханская и шапка из Большого наряда царя Михаила Фёдоровича. Эти древние венцы по мере расширения титула императорской особы получали дополнительную смысловую нагрузку. Астраханская шапка стала именоваться короной царства Астраханского, Казанская — Казанского, а шапка из Большого наряда стала короной Сибирской. Таким образом, они соответствовали составляющим титула императрицы. К тому же этими средствами подтверждалась легитимность пребывания на престоле новой императрицы, что ей, пришедшей к власти в ходе переворота, было особенно необходимо. Изображение древних венцов в коронационном портрете включало её в существующую отечественную традицию власти. Екатерина становилась как бы новым звеном, продолжающим этот ряд. К числу традиционных царских регалий принадлежит и скипетр царя Михаила Фёдоровича из того же Большого наряда. Ещё один идеологический ход. Используя эти символы власти, Екатерина как бы наглядно показывала свою связь со всей предшествующей традицией правления династии Романовых, начиная с её первого представителя на российском престоле — Михаила Фёдоровича Романова. Возможна также ещё одна трактовка этих атрибутов. Избрание Михаила Фёдоровича на царство явилось долгожданным событием, с которым связывали надежды на наступление мира и покоя после затянувшегося смутного времени. Он устраивал всех и был наиболее удачным кандидатом. Так что Михаил Фёдорович вполне мог стать для Екатерины одним из ориентиров в царской традиции. При помощи таких аллюзий ненавязчиво показывалось, что новое царствование так же, как и то, древнее, станет долгожданным моментом отдохновения и процветания по сравнению с предшествующими «смутными» правлениями, а новая монархиня так же всем угодна и всеми любима, как и её средневековый предшественник.

На эскизе к портрету (около 1766 г., Саратовский художественный музей имени А. Н. Радищева) столик с венцами отсутствует. Эскиз вообще выполнен значительно свободнее. В нём больше про-

странства и динамики. Императрица показана как бы в лёгком шаге в несколько даже резком развороте. Её поза напоминает фигуру танца. Надо думать, когда эскиз проходил высочайшее одобрение, эти «вольности» были существенно подредактированы. Пространство сузилось, заполнилось дополнительными атрибутами. Фигура приобрела большую застылость, уподобилась столпу. Императрица предстала перед взором восхищённого зрителя этакой сверкающей пирамидой. Некоторая игривость эскиза отступила перед идолоподобностью законченного изображения.

Действительно, эскиз был слишком новаторским для традиции коронационного портрета, он в принципе не мог быть воплощён в жизнь полностью. Даже решение интерьера, в который помещена фигура императрицы, претерпело изменения в сторону большей традиционности. Античная колонна в глубине пространства эскиза заставляет предположить пребывание в некоем храме. Тогда как в окончательном варианте декорация пробарочного толка: картуши в стенном украшении, характерная витая колонна, могут быть восприняты как отсылка к предшествующей традиции барокко. Наступательное, победительное, торжественное, даже с некоторым оттенком помпезности, оно наполняет пространство этого портрета. Императрица же как будто явлена зрителю в ситуации предстояния. Весь её образ дышит спокойствием и уверенной силой, так как она есть монархиня, способная вести свой народ по пути процветания и благоденствия без колебаний и сомнений. Неслучайно в официальной литературе, обращённой к императрице, отмечается, что задача её — «неусыпное попечение» и «радостное чувство», «радость императрицы — радость для подданных», а также, что это бремя правления должно нести с соответствующим трудолюбием.¹

Эти аспекты образа Екатерины на полотне Торелли восходят к традиционной смысловой символике коронационного портрета. Однако есть и некоторое новшество. Так, императрица изображена с лёгкой улыбкой на устах, что выпадает из интонации торжественного величия без тени волнения и эмоции, которому отвечали портреты предшествующих монархов. Вместе с тем в работе отражаются и новые веяния, связанные с установкой на «просвещённый абсолютизм», которая стала одной из основных отличии-

¹ Штелин Я. Я. Описание аллегорической иллюминации, представленной во всерадостный день коронации Ея Императорскаго Величества Екатерины Вторья... в Москве перед университетским домом 1762 году, сентября ... дня.

тельных черт государственной идеологии её царствования. Абсолютизм есть государственный режим, при котором «вся полнота законодательной, исполнительной, военной, административной и судебной власти сосредотачивалась в полномочиях неограниченного и наследственного монарха»¹. «Просвещённый» же «абсолютизм» есть «союз между абсолютистским государством и рационалистическим просвещением», при котором «государство создаётся в результате общественного договора, следствием чего является взаимодействие... монарха и подданных»², безграничная власть которого — главное средство создания общества всеобщего благоденствия. Он человек просвещённый, мудрый, действующий сообразно точным знаниям о состоянии дел в стране, сложившихся в ней норм, существующих объективных процессах, он правит в соответствии с законами.³ Так утверждала Екатерина в своём «Наказе» 1767 г. Нетрудно проследить истоки этих идей. Екатерина была большой поклонницей сочинения Монтескье «О духе законов», называя его «молитвенником для монархов со здравым смыслом»⁴. Эта «просвещённая» идеология не могла не сказаться на репрезентации монархини, создающей её официальный образ. Так, Екатерина на портрете Торелли своей монументальной застылой величием в русле традиции коронационного изображения должна вызывать страх и трепет, священное благоговение. Она есть нечто неземное и выпренное. Но лёгкая полуулыбка на монарших устах привносит новый оттенок звучания этому портрету. Оказывается, что императрица не просто нечто отвлечённое и пугающее, а «просвещённый монарх», снизошедший до своих подданных, милостиво улыбающийся им.⁵ Созданию этого впечатления способствует также об-

¹ Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещённый абсолютизм в России. — М., 1993. — С. 14.

² Каменский А. Б. «Под сению Екатерины...». Вторая половина XVIII века. — СПб., 1992. — С. 352.

³ Там же. — С. 167.

⁴ Однако она не заходила слишком далеко. В том же «Наказе» подчёркивается божественное происхождение царской власти и говорится, что для такой большой страны, как Россия, самодержавие есть единственный возможный тип правления.

⁵ К тому же в контексте придворной культуры того времени это может быть трактовано как «хороший манир», т. е. выражение хорошего и приятного поведения.

щее высветление колорита и разнообразие цветовых оттенков, характерное для екатерининских портретов. Должна создаваться «обстановка вселенского ликования»¹ в связи с явлением императрицы.

С этого портрета была сделана копия художником А. П. Антроповым (1766 г., ГРМ). В каталоге ГРМ она именуется «копией-вариантом»². Эта работа представляется, несмотря на её копийный характер, в достаточной мере своеобразной и интересной, что делает её достойной рассмотрения. Художник несколько изменяет композицию, решение интерьера и сам образ монархини. Он выдвигает стол с древними венцами на передний план ближе к зрителю. Императрица находится за ними как бы под их защитой и покровительством. Скипетр в её правой руке простирается над древними венцами, словно бы указывая на то, что новое царствование безоговорочно апеллирует к традиции. Вполне можно предположить своеобразную цепочку смысловых отсылок: от древнейших венцов через венец и скипетр XVII в., венец первого из династии Романовых, затем через державу предшественницы Елизаветы I, наконец, к восхитительной короне, выполненной специально для новой императрицы. В портрет вводится изображение такого дополнительного атрибута, как императорский трон, на него широкими ломаными складками ниспадает коронационная мантия. Полог, охранительная сень, помещается теперь уже не над столом с венцами, а непосредственно над императрицей. Число колонн удваивается, они обвиты царственным лавром, сам интерьер стремится к большей классичности за счёт парных пилястр. Пространство делается более плоскостным. Создаётся впечатление, что оно стремится к эффекту обратной перспективы. Композиция максимально уравновешена. Фигура императрицы становится плотнее, короче, разворот почти абсолютно скрыт, она кажется фронтальной и чётко фиксирует центр. Иными словами, антроповское изображение более традиционно. Русский мастер, беря в качестве отправной точки работу иностранного художника, откровеннее опирается на заложенную в типе парсунную основу, делает изображение нагляднее, проще³ и доступнее.

¹ Карев А. А. Классицизм в русской живописи. — М., 2003. — С. 130.

² Государственный Русский музей. Каталог. Живопись. XVIII век. — СПб., 1998. — С. 48.

³ Так, И. М. Сахарова считает, что «копия получилась менее изысканной». Сахарова И. М. Алексей Петрович Антропов. 1716 — 1795. — М., 1974. — С. 125.

Как известно, Антропов в качестве живописца принимал участие в подготовке коронационных мероприятий. Им было написано согласно источникам восемь портретов императрицы для четырёх триумфальных ворот.¹ Указывается также, что Антропову в этой работе помогал в качестве подмастерья Д. Г. Левицкий². Эти портреты не сохранились. Сохранился весьма внятный эскиз портрета Екатерины II (1762 г., ГТГ), который мог послужить, как предполагают в каталоге ГТГ, для исполнения одного из этих портретов.³ Эскиз был сделан для коронационного портрета. Присутствуют все надлежащие атрибуты, включая коронационное платье. Мы снова видим уже хорошо знакомый нам полог-сень, парные колонны и пилястры интерьера, характерную ступеньку, отделяющую фигуру императрицы от переднего плана, императорский трон. Коронационные регалии положены на подушку на специальном столике, покрытом тёмной бархатной с золотой оторочкой тканью. На голове императрицы малая императорская корона. Следует отметить, что большая корона на подушке — это ещё елизаветинская регалия.⁴ Екатерина положила правую руку на державу, при этом лёгким движением пальцев сжимает в ней же скипетр. Опора на державу символизирует, как и в предыдущих случаях опоры на корону, верховную власть монархини над империей. Держава изображается такого же размера, как и корона, — смысловая значимость атрибута предопределила его существенную роль в композиции.

Итак, при Екатерине II происходит некоторое изменение в идеологической программе, акцент делается не столько на «автоматической» императорской богоизбранности, сколько на личных качествах императрицы и её заслугах перед Отечеством. Симптоматично, что императрица изображается с милостивой улыбкой на устах в отличие от своих предшественниц, лица которых сохраняли величественную застылость. Её улыбка — как бы желание показать, что она не тиран, а просвещённый монарх. В то же время екатерининская эпоха — пик самодержавной идеи и соответственно коронационного портрета, когда выкристаллизовываются все его формальные признаки.

¹ Екатерина Великая и Москва : каталог выставки. — М., 1997. — С. 41.

² Там же.

³ Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Живопись XVIII века. — М., 1998. — С. 40.

⁴ Она не сохранилась. Собственно екатерининская корона, выполненная Иеремией Позье, к этому времени ещё не была готова.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеева Т. В. Владимир Лукич Боровиковский и русская культура на рубеже XVIII — XIX веков. — М., 1975.
2. Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Живопись XVIII века. — М., 1998.
3. Государственный Русский музей. Каталог. Живопись. XVIII век. — СПб., 1998.
4. Екатерина Великая и Москва : каталог выставки. — М., 1997.
5. Каменский А. Б. «Под сению Екатерины...». Вторая половина XVIII века. — СПб., 1992.
6. Карев А. А. Классицизм в русской живописи. — М., 2003.
7. Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины Второй: Просвещённый абсолютизм в России. — М., 1993.
8. Сахарова И. М. Алексей Петрович Антропов. 1716 — 1795. — М., 1974.
9. Яблонская Т. В. Классификация портретного жанра в России XVIII века (К проблеме национальной специфики) : канд. дисс. — М., 1978.

АННОТАЦИЯ

Статья «Коронационные портреты Екатерины II» посвящена изучению ряда портретов российской императрицы Екатерины Великой. Вкратце рассказывается об истории типа коронационного портрета, а также о нескольких наиболее характерных изображениях императрицы, в частности о портрете работы художника Стефано Торелли. Анализируются художественный строй и символическое содержание этих изображений. Говорится о влиянии государственных и политических идей, просвещённого абсолютизма. Особое внимание уделяется роли атрибута (коронационных регалий). В итоге делаются выводы об идеологической и художественной программе коронационных портретов Екатерины II и коронационного портрета как типа в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Коронационный портрет; императорская власть; образ монарха; регалии; барокко.

ANNOTATION

The article «Crowning portraits of Catherine the Great» is devoted to the study of some portraits of this Russian empress. The history of the crowning portrait's type is analyzed in short. Some significant

representations (especially the picture of the painter Stefano Torelli) are observed. The artistical composition and the symbolic content are examined. There is some words about state and political ideas, in particular the absolutism. The role of the attribute (regalia) is paid special attention to. As the result there are conclusions about ideological and artistic program of Catherine the Great's crowning portraits and about the crowning portrait as a type in general.

KEY WORDS

The crowning portrait; the imperial power; the image of monarch; regalia; the baroque.

СО СТОЛА СОЦИОЛОГА

КЛИМЕНОК Наталья Анатольевна, кандидат социологических наук, специалист технического отдела Московского представительства ХОХТИФ АГ, г. Москва

Социальная реклама в регионе: понятие, проблематика, перспективы

Социальная реклама, относительно новое явление в российском обществе, в последнее время привлекает всё большее внимание исследователей по ряду причин. Она стала неотъемлемой частью рекламной коммуникации, однако такое определение до сих пор является предметом дискуссий. Ещё более важным вопросом, относящимся к сфере социальной рекламы, стало обсуждение предмета социального рекламирования. Определение круга проблем, актуальных для общества на сегодняшний день, — сложнейшая задача, решение которой необходимо для обеспечения эффективности социальной рекламы.

В этом контексте аккумуляция представлений будущих государственных служащих и работников других сфер, потенциально имеющих отношение к созданию и распространению социальной рекламы, необходима для достижения указанной цели, в связи с чем было проведено социологическое исследование среди студентов гуманитарных специальностей вузов г. Пензы. Оно касается понимания сути социальной рекламы и круга задач, которые должны быть решены средствами социальной рекламы. Исследовательская задача состояла в выяснении и уточнении представлений респондентов о сущности и задачах такой рекламы.

В социологическом опросе приняли участие 200 респондентов — студентов различных факультетов и вузов г. Пензы, объединённых по профильной направленности: факультет социологии и социальной работы (ПГПУ); факультет экономики и менеджмента (ПГПУ); факультет государственной службы и управления (ПГУ); факультет экпсихологии и филологии (МНЭПУ); юридический факультет (МОСУ). Выборочная совокупность исследования составила пример-

но 10% от генеральной совокупности. Таким образом, данные опроса репрезентативны в качестве пилотажного исследования.

В опросе приняли участие 77,5% женщин и 22,5% мужчин. Подавляющее большинство респондентов — молодые люди в возрасте 17 — 22 лет (92% респондентов). Анализ результатов исследования проводился как в целом по массиву, так и с коррелирующей по социально-демографическим характеристикам респондентов (полу и возрасту).

Большинство опрошенных (78%) понимает под социальной рекламой привлечение внимания к социально значимым проблемам. Каждый четвёртый респондент считает, что это реклама без упоминания рекламодателя или его продукта, 26% — вспоминают видеоролик «Позвоните родителям», 14,5% — относят к социальной рекламе государственных институтов, а 8% — указывают всё вышеназванное.

Половина опрошенных полагает, что в настоящее время социальная реклама представлена достаточно слабо, а рекламные кампании носят эпизодический характер. Ещё 19% думают, что социальная реклама присутствует в СМИ и других источниках информации в совершенно недостаточном объёме. Каждый десятый респондент предложил увеличить объём социальной рекламы, и ещё 11% отметили, что социальной рекламы в СМИ достаточно. Тем не менее 6% опрошенных указали, что социальная реклама им никогда не встречалась.

Большая часть респондентов (61%) называет ту рекламу, которую они видели, «актуальной», и ещё 24% относят её «скорее к актуальной, чем к неактуальной». Примечательно, что, несмотря на высокую оценку социальной рекламы с точки зрения затрагиваемых ею проблем, однозначно эффективной её считают только 4,5% опрошенных и ещё 14% предполагают, что сегодняшняя социальная реклама «скорее эффективна, чем неэффективна». При этом качество такой рекламы респонденты оценили следующим образом: 42% назвали её «качественной» или «скорее качественной» и примерно такое же их число оценило качество рекламы негативно или скорее негативно.

Из полученных данных следует, что респонденты в целом готовы идентифицировать суть и задачи социальной рекламы, однако имеют высокую степень недоверия к эффективности рекламного сообщения социального характера.

Вычленение из целого ряда проблем наиболее острых — необходимое условие для их решения средствами социальной рекламы.

Итак, наибольшее число респондентов (86,5%) считает, что борьба с наркоманией имеет первостепенную важность для социального рекламирования. Почти столько же опрошенных (83,5%) отметило, что социальная реклама должна быть направлена на профилактику и борьбу со СПИДом. Охрана окружающей среды представляется актуальной для 64,5% студентов. По мнению 56,5%, охрана материнства и детства также должна быть объектом социальной рекламы. Интересен тот факт, что формирование положительного образа России в мировом сообществе называют актуальной темой довольно большое количество респондентов — 40,5%.

Ответы мужчин и женщин в процентном отношении варьируются незначительно (разница не более 13%). Наибольшее различие во мнениях отмечается при ответе на вопрос об актуальности пропаганды физической культуры и спорта. 43% мужчин и 22% женщин считают, что эта тема актуальна для социального рекламирования. Участники опроса, помимо ответов на предложенные вопросы анкеты, вносили свои предложения по вопросу основных тем социальной рекламы, например, такие как:

- 1) формирование национальной идеи;
- 2) недопущение межнациональных конфликтов;
- 3) перенаправление энергии людей на позитивные, созидательные цели;
- 4) формирование положительного образа политиков и государственных чиновников;
- 5) пропаганда призыва в армию;
- 6) распространение толерантного отношения к инвалидам, помощь им.

По мнению респондентов, одной из задач социальной рекламы должно стать содействие молодёжи в трудоустройстве, а именно: обеспечение соответствующей информацией. К актуальным темам для социального рекламирования участники опроса также отнесли важность образования, профилактику детской преступности, пропаганду сохранения семьи.

Таким образом, по результатам опроса можно сделать вывод, что уровень осведомлённости респондентов о явлении социальной рекламы довольно высок. Причём участники опроса оказались единодушны в выборе основных тем, которые должны стать объектами социального рекламирования. В первую очередь это борьба с наркоманией, профилактика и борьба со СПИДом, охрана окружающей среды, а также охрана материнства и детства. Несмотря на то, что эффективность социальной рекламы оценить трудно, большинство

респондентов не уверено в том, что сегодня такая реклама эффективна, хотя она и затрагивает актуальные проблемы общества. 78,5% респондентов ответили, что они будут или вероятнее всего будут работать по профессии. А это позволяет сделать вывод, что в случае, если представления нынешних респондентов о социальной рекламе не изменятся, то в соответствии с ними данная реклама будет в том или ином виде реализована.

АННОТАЦИЯ

В статье изложены результаты социологического опроса, проводившегося среди студентов различных факультетов вузов г. Пензы, которые были объединены по профильной направленности. Цель опроса состояла в выяснении и уточнении представлений о сущности и задачах социальной рекламы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Социальная реклама; задачи социальной рекламы; представление о рекламе.

ANNOTATION

In her article the author sets out the results of opinion poll, conducted among the Pensa students of diverse faculties grouped by their directivity. The aim of the pull consisted in the clarification and specification of the essence and tasks of social advertising.

KEY WORDS

Social advertising; tasks of social advertising; concepts; ideas about social advertising.

ЧТО, ГДЕ, КОГДА

II Российский культурологический конгресс¹

В Санкт-Петербурге с 25 по 29 ноября 2008 г. проходила работа II Российского культурологического конгресса (первый конгресс состоялся в августе 2006 г.). Его основными организаторами выступили: Российский институт культурологии и его Санкт-Петербургское отделение, Санкт-Петербургский университет, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербургский университет культуры и искусства, РГГУ и ряд других организаций.

Проблемно-тематическая направленность конгресса нашла отражение в его названии «Культурное разнообразие — от прошлого к будущему». В данной формулировке тема конгресса с международным участием прямо соотнесена со стратегиями ЮНЕСКО в области культурного разнообразия и культурной политики в условиях глобализации. Эти и многие другие вопросы получили пространное раскрытие в выступлениях ведущих культурологов страны на пленарных заседаниях конгресса, главными из которых были доклад доктора искусствоведения, профессора К. Э. Разлогова, докторов философских наук, профессоров: С. Н. Иконниковой, Ю. Н. Солонина, А. Л. Маршака, О. Н. Астафьевой, Г. В. Драча, доктора филологических наук Д. Л. Спивака, В. С. Жидкова, Ю. М. Резника, Е. Н. Шапинской, доктора социологических наук Л. Н. Вдовиченко и других учёных.

Конгресс рассмотрел вопросы сохранения и развития культурного разнообразия в России и регионах мира в контексте происходящих процессов, направленных на снижение опасности рисков и вызовов глобализации и этнокультурного фетишизма. Вместе с тем была показана роль культурологии в междисциплинарном теоретическом

¹ С материалами конгресса можно ознакомиться по изданию: Второй Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурное многообразие от прошлого к будущему»: программа, тезисы сообщений. — СПб. : Эйдос, Астерион, 2008. — С. 560.

осмыслении центральной темы и выявлено, через участие более чем 800 заявленных членов конгресса, уникальное значение культурологического образования в развитии нового мышления и толерантного поведения молодого поколения. Особое место в работе конгресса было отведено научным дискуссиям, «круглым столам» и работам секций. Здесь рассматривались вопросы теоретической культурологии, проблемы современной художественной культуры, методики преподавания культурологии, культурного наследия России, а также культурной политики.

Ниже представляем вашему вниманию вариант доклада доктора философских наук, профессора В. Н. Ксенофонтова, сделанный им на заседании международной секции конгресса «Русский мир».

*КСЕНОФОНТОВ Владимир Николаевич,
доктор философских наук, профессор
кафедры философии Российской академии
государственной службы при Президенте
Российской Федерации, г. Москва*

Русский мир: критерии и особенности реализации

Мировое сообщество вступило в своё поступательное развитие в новое тысячелетие. Человечество, прогнозируя грядущее, внимательно оценивает прошлое, взвешенно исследует настоящее. XXI век, несмотря на сложный и противоречивый процесс глобализации, испытывает, хотя и далеко не однозначное, воздействие на него русского мира, значительную социально-культурную роль в котором играет современная Россия.

Русский мир, на наш взгляд, это эволюционирующий в пространстве и времени исторический и социокультурный феномен со свойственной ему ментальностью, развивающийся в интересах консолидации и прогресса народов (прежде всего славянских), обеспечения гуманизма и демократии в их взаимоотношениях, мирного развития человеческой цивилизации.

В условиях современного состояния и эволюции русского мира можно выделить ряд системообразующих его критериев. Их содержание раскрывает характер и специфику феномена русского мира, места и роли в нём России.

Генетический критерий. Он указывает на то, что образование и развитие русского мира опирается на духовную общность и многовековую историю. В этом аспекте русский мир имеет свой синтезирующий духовный корень, объединяющий три братских народа — русский, украинский, белорусский. Он генетически представлен в православии как важной составляющей их духовной жизни.

Нельзя не обратить внимания на то, что на протяжении отечественной истории религия оказывала нравственно-воспитательное воздействие на людей. Особое значение в этой связи приобретает духовный выбор русского народа, воплощённый через православную веру в идеале «Святая Русь». По своей сущности он представлял нравственный идеал, предполагающий приоритет духовного над материальным. Так, например, И. А. Ильин, пытавшийся осмыслить и систематизировать проблемы духовных основ жизни общества, считал, что построе-

ние такой системы нужно начинать не с коренной ломки социальных условий существования, а с обновления души человека, формирования у него веры, чувства любви к Родине, патриотизма и национальной гордости. «Именно таким, — писал Ильин, — должен быть дух национального воспитания, необходимый русскому... народу. Задача каждого поколения состоит в верной передаче этого духа, и притом в формах возрастающей одухотворенности, национального благородства и международной справедливости»¹.

Религия сыграла важную роль в истории нашего отечества в годы войны с фашистской Германией. Это было связано, во-первых, с тем, что в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. Церковь оказалась вместе с народом, разделила его боль и страдание, поражения и победы. Многие служители Церкви находились непосредственно в действующей армии или в партизанских отрядах и за боевые заслуги были удостоены различных правительственных наград. Важнейшей сферой деятельности Церкви был также сбор денежных средств в фонд Красной Армии. За годы войны на нужды фронта было собрано по приходам более 200 млн. рублей.

Православная церковь в России активизировала за последние годы участие в научных и научно-практических конференциях, на которых рассматривались вопросы культуры, нравственности и религии. Наряду с этим в стране увеличилось количество церквей, воскресных школ и монастырей. В числе переданных Церкви сооружений такие памятники истории и духовной жизни граждан, как Данилов монастырь, Оптиная пустынь, Соловецкий комплекс, Толгский монастырь и др. Восстановлен храм Христа Спасителя в Москве, реставрируются и восстанавливаются прежде разрушенные церковные сооружения, строятся новые церкви.

Наряду с таким явлением в духовной жизни российского общества следует обратить внимание на другой аспект. Он выражается в том, что последние годы наладились тесные контакты между отечественной и зарубежной Православной церковью. Взаимные деловые визиты видных иерархов Русской православной церкви ведут к снятию прежних барьеров и отчуждённости на пути консолидации и единения, нахождения взаимных интересов в духовной жизни народов русского мира.

Сущностный критерий. Он характеризует русский мир как взаимосвязанную систему социокультурного развития, опирающуюся на социальную значимость в духовной жизни художественно-эсте-

¹ Ильин И. А. Путь к очевидности. — М., 1993. — С. 241.

тических и нравственных ценностей, общность традиций и обычаев народа.

Наиболее рельефно эта важная проблема на всех исторических этапах России реализовывалась в таких их доминирующих функциях, как: гносеологическая, онтологическая, аксиологическая.

Гносеологическая функция. Она обеспечивает познание разнообразных поступков, раскрываемых в художественных образах. Исследуя их проявление, искусство помогает познавать исторические и духовные традиции России. Этот процесс невозможен без актуализации взаимодействия нравственного и эстетического сознания, без раскрытия моральных и идейных истоков поступков людей. В этом плане значительный резонанс в общественном сознании в стране вызвали книги и кинофильмы таких известных деятелей искусства, как «Под ливнем пуль» А. Звягинцева, «Несокрушимые» И. Н. Лощина, «12» Н. Михалкова, «Зубр» Д. Гранина, «Остров» П. Лунгина.

Онтологическая функция искусства и литературы. Историческая память народа запечатлела в общественном сознании определённые идеалы. Потребность людей к объединению для совместного преодоления возникающих трудностей и испытаний обусловила консолидирующую роль в общественном сознании нравственных и эстетических идеалов, отождествляемых с высокими принципами гуманизма, патриотизма, духовности и рассматриваемых как универсальное средство решения проблем взаимодействия личности и общества.

Эстетический идеал по своему содержанию выступает как наиболее общее и цельное представление о прекрасном в природе, обществе и человеке, воспринимаемое как цель. Эту мысль в своё время достаточно ярко раскрыл известный писатель К. Паустовский: «Я люблю Мещерский край за то, что он прекрасен, хотя вся прелесть его раскрывается не сразу, а очень медленно, постепенно... И если придётся защищать свою страну, то где-то в глубине сердца я буду знать, что я защищаю и этот клочок земли, научивший меня видеть и понимать прекрасное»¹. Следовательно, эстетический идеал — наиболее концентрированное отражение мировоззрения в сфере эстетического сознания. Ему свойственна художественная образность. Однако это отнюдь не означает, что идеал может проявляться только в конкретно-чувственной форме. Вот почему необходимо иметь в

¹ Паустовский К. Поэтическое излучение. — М. : Молодая гвардия, 1976. — С. 159.

виду, что выразительность образа характерна не только для отдельных видов, но и для всего искусства в целом.

Аксиологическая функция объективирует взаимодействие нравственного и эстетического сознания в формировании духовных ценностей личности. Это обусловлено, во-первых, мировоззренческим характером его героев, моралью, которую они несут в своих поступках. Во-вторых, эта функция определяется философскими, социальными и этическими взглядами самого художника, от которых зависят глубина и ценностная значимость духовно-нравственных обобщений, проникновение в суть образа. Она особенно актуальна в наше время, потому что процессы изменений духовной жизни общества и личности развиваются весьма противоречиво и болезненно. «Тихий Дон» М. Шолохова, «Белорусский вокзал» В. Смирнова, «Русский лес» Л. Леонова, «Ворошиловский стрелок» С. Говорухина, «Сильнее огня» В. Воробьёва, «Любить по-русски» Е. Матвеева — эти и многие другие произведения отечественного искусства и кино стали составной частью духовной жизни нашего общества прежде всего благодаря глубокому проникновению в нравственные проблемы общественных отношений, высокой идейной направленности.

Отражая в художественных образах богатство мыслей и чувств человека, его вдохновенный труд, искусство помогает духовному развитию личности.

Наряду с этим активно распространяются книги, в которых главным героем выступают аморальные типы, насильники. Среди таких книг: «Смерть ради смерти», «Ислам от Багиры», «Кто на очереди к маньяку», «Generation-π», «Дневник московского подонка-2» и др. Вытесняя у молодого неискущённого читателя положительный образ, они пробуждают агрессивность, провоцируют насилие, возводят в доблесть низменные качества.

Пространственно-временной критерий. Он раскрывает процесс исторически противоречивого развития русского мира на различных этапах, а также и его перспективы — ближайшие и отдалённые. В этом плане он может быть представлен, на наш взгляд, в двух смыслах: узком и широком. Узкий смысл связан с таким его основным субъектом, каким выступает Россия. Широкий смысл характеризует носителей русскоязычного населения стран СНГ, а также и дальнего зарубежья, тяготеющих к духовным ценностям русского народа, привлекательности эволюционирующих идей, их перспективности.

Этот критерий реализуется в содержании и специфике русской

идеи, воздействующей на духовный мир личности, поступки и поведение различных объединений людей.

Применительно к современному состоянию российского общества и перспективам его развития русская идея может включать ряд положений. Первым из них выступает *духовность*. Она выражает в значительной степени нравственные начала общественной жизни и моральные законы поведения человека. К ним относятся: уважение свободы личности; восприятие социокультурного наследия; внимательное отношение к вере, языку, традициям и обычаям народов; приоритет справедливости, блага, добра, гуманности и т. д.; терпимость к иной точке зрения, уважение религиозных конфессий, морального выбора личности и др.

Духовное возрождение представляет собой способ единения российского общества посредством воспроизведения нравственных ценностей, исторически пригодных для данной эпохи и имеющих корни в народе. Духовный поиск, став основой общественной деятельности, приведёт к более совершенному жизненному порядку.

Вторым положением является *народовластие*. Оно требует от государства служения народу, исключения его применения в качестве орудия, средства государства. При этом следует заметить, что нарушение законности ставит власть вне закона. Достаточно чётко это положение отразил известный отечественный правовед Б. А. Кистяковский: «Основной принцип правового или конституционного государства состоит... в том, что государственная власть в нём ограничена»¹. Перерастание государства из института, который стоит над народом, в орган народовластия предполагает: укрепление общественного контроля над государственной организацией, осуществляющей публичную власть; развитие самоуправления, выражающееся в соблюдении системы правил, установленных согласием граждан; создание новой политико-организационной структуры, которая расширяет формы движения общества, независимые от государства; превращение политических партий, общественных организаций в составную часть гражданского общества. Народовластие выступит правлением всех граждан, если демократические принципы автономии и самодеятельности регионов будут осуществляться в едином правовом пространстве Российской Федерации.

Третьим положением русской идеи выступает *державность*. Для России как значительного геополитического пространства, объеди-

¹ Кистяковский Б. А. Государство и личность // Власть и право: из истории русской правовой мысли. — Л., 1990. — С. 158.

няющего на своей территории многочисленные народы, она означает: общность границ и единых систем связи, единого энергоснабжения, одинаковой транспортной системы; сохранение социокультурных традиций; равенство всех народов и этнических групп; достойное место в мировой цивилизации. Русский народ, ставший этническим ядром России и ряда других народов, которые веками жили вместе, может сплотить и объединить идея российской державности, проявляющаяся на геополитическом фоне евразийского пространства. Для России характерна открытость. Однако она не должна копировать ни западные, ни восточные модели развития. Державность РФ тесным образом связана с её самостоятельной международной политикой во имя мира. Об этом с надеждой говорил один из известных отечественных философов Н. А. Бердяев: «Что бы ни было с нами, мы неизбежно должны выйти на мировую ширь. Россия — посредник между Востоком и Западом. В ней сливаются два потока всемирной истории, восточный и западный»¹.

Четвёртое положение, выступающее основой русской идеи, — *свобода человека*. В России, с одной стороны, необходима общегосударственная система мер, направленных на создание в стране приоритета личности, с другой — российские граждане должны сами свободно выбирать и нести личную ответственность за свою судьбу. Об этой проблеме как актуальной задаче писал ещё А. И. Герцен: «Свобода лица — величайшее дело; на ней и только на ней может вырасти действительная воля народа. В себе человек должен уважать свою свободу и чтить её не менее как в ближнем, как в целом народе».

Вместе с тем человек сам творит свою судьбу. Только в развитии творческого, инициативного, созидющего начала личности и гражданского общества заключается источник благополучия граждан и процветания России, саморазвития российской цивилизации.

Коммуникативный критерий. Русский язык как сложное социокультурное образование во взаимоотношениях между народами и странами играет значительную коммуникативную роль. При этом он является не только средством развития культуры России, но и прочным звеном духовного общения народов, целостности русского мира.

Русский язык сегодня — четвёртый по распространённости в мире. Он является родным для 288 млн. человек на земле. Десятки миллионов говорящих на русском языке живут сейчас за рубежом, около 180 млн. изучают его. Русский язык служит важным связую-

¹ Бердяев Н. Освальд Шпенглер и «Закат Европы». — М., 1922. — С. 72.

щим звеном между Россией и соотечественниками за границей. Он надёжная гарантия успешного развития гуманитарных и экономических отношений с другими странами и в первую очередь с государствами СНГ.

Русский язык теряет в наше время, к сожалению, свою характерную специфику и роль главного средства межнационального общения россиян, а также тех слоев населения, которые знают его, но живут в странах СНГ и дальнего зарубежья. Следует отметить, что современная ситуация в сфере функционирования русского языка в мире характеризуется негативной тенденцией. Так, если в конце 60-х годов XX в. публиковалось на русском языке более 20% мировой литературы, то теперь только около 3%.

В духовной жизни российского общества наметился процесс разрушения не только его языковой ткани, но и содержательного смысла. В средствах массовой информации нередко пропагандируются выражения типа «удивительная паркетотека», «круглая радость», «квадрат качества», «прикольная тачка», «душевное пиво» и иные бессмыслицы, уродующие русский язык. Между тем о важности русского языка в жизни народов России, её истории говорил в своё время К. Д. Ушинский. В статье «Родное слово» он отмечал: «Пока жив язык народный в устах народа, до тех пор жив и народ. И нет насилия более невыносимого, как то, которое желает отнять у народа наследство, созданное бесчисленными поколениями его отживших предков»¹.

Одна из проблем русского языка в современной духовной ситуации в России состоит также и в том, что СМИ в погоне за избытком информации резко изменяют самобытность русского языка, теряют его красоту и ясность. Такое явление в немалой степени связано с заимствованием слов и выражений из лексикона американского рынка и распространением СМИ, а нередко и их сочетанием с русскими словами. Стали общеупотребительными без каких-либо изменений и обоснованных суждений термины «саммит», «киллер», «супер-радость», «не тормози — сникерсни», «импичмент», «суперстар», «двигай на вечеGreenку», по своей природе чуждые русскому языку.

Однако именно благодаря русскому языку человечество по достоинству оценило высокий художественно-эстетический смысл таких произведений отечественных писателей, как «Руслан и Людмила» А. Пушкина, «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Тёмные аллеи» И. Бунина, «Братья Карамазовы» Ф. Достоевского, «Отцы и дети» И. Тургенева,

¹ Ушинский К. Д. Родное слово // Поэтическая газета. — 2007. — № 5.

«Они сражались за Родину» М. Шолохова, «Русский лес» Л. Леонова, «Солдатами не рождаются» К. Симонова, «Блокада» А. Чаковского.

Сегодня очевидно, что определённая ветвь культуры западной цивилизации, опирающаяся на мощный технический и финансовый базис, на ярко выраженный прагматизм, имеет тенденцию к подавлению отечественной духовной культуры, составляющим компонентом которой является русский язык. И таких реалий нельзя не учитывать. Об опасности забвения и принижения русского языка в культуре России говорил К. Д. Ушинский. Он с тревогой подчёркивал: «Отнимите у народа всё — и он всё может воротить, но отнимите язык — и он никогда более не создаст его; новую родину даже может создать народ, но языка никогда; вымер язык в устах народа — вымер и народ»¹.

В этой связи заметим, что русский язык был и остаётся важным социокультурным феноменом России граждан, живущих за пределами отечества, но знающих и любящих родной язык. О значимости русского языка в духовной жизни человека, его культурном и интеграционном назначении образно и ярко сказал И. С. Тургенев: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык. Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу»².

Русский язык — важное средство национальной культуры в России. А его продвижение — это принципиальный аспект развития культурных связей русского мира.

Таким образом, состояние и развитие русского мира происходит в условиях сложного и противоречивого процесса глобализации. Россия представляет собой не просто огромное евразийское геополитическое пространство. Она — воплощение самобытной российской цивилизации, культуры и трудолюбия населяющих её народов, их богатой и разнообразной духовной жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ильин И. А. Путь к очевидности. — М., 1993.
2. Паустовский К. Поэтическое излучение. — М.: Молодая гвардия, 1976.

¹ Ушинский К. Д. Родное слово // Поэтическая газета. — 2007. — № 5. — С. 1.

² Тургенев И. С. Собр. соч. В 12 т. — М.: Наука, 1956. — Т. 8. — С. 507.

3. Кистьяковский Б. А. Государство и личность // Власть и право: из истории русской правовой мысли. — Л., 1990.
4. Бердяев Н. Освальд Шпенглер и «Закат Европы». — М., 1922.
5. Ушинский К. Д. Родное слово // Поэтическая газета. — 2007. — № 5.
6. Тургенев И. С. Собр. соч. В 12 т. — М. : Наука, 1956. — Т. 8.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается понятие русского мира, даётся характеристика его критериям и раскрываются особенности реализации. Обосновывается специфика генетического критерия русского мира через содержание и характер проявления православия в историческом развитии российского общества. Даётся анализ сущностному критерию русского мира через систему социокультурного развития, общности традиций и обычаев его народов. Исследуется пространственно-временной критерий русского мира как исторически противоречивый процесс его развития и опирающийся на русскую идею. Характеризуются место и роль русского языка в качестве социокультурного феномена коммуникативного критерия русского мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Русский мир; русская идея; генетический критерий; религиозное сознание; сущностный критерий; коммуникативный критерий.

ANNOTATION

In present conditions of state and evolution of the Russian World there are three system forming criteria. Genetic criteria. It indicates that the formation and development of the Russian World is based on spiritual links and long history of peoples and is represented in Russian Orthodox faith as an important component of their spiritual life. Essential criteria. It characterizes the Russian World as an interrelated system of socio-cultural development relying on social importance of art and aesthetical values in the spiritual life and on common traditions and habits. The cultural exchange as one of the channels of international links promotes mutual spiritual enrichment of peoples. Communicative criteria.

KEY WORDS

Russian world; Russia idea; genetic criteria; religious consciousness; essential criteria; communicative criteria.

«Круглый стол» на тему «Культура — московской семье в условиях демократического общества»

20 — 25 января 2009 г. в Центральном выставочном зале «Манеж» проходила выставка «Московская семья — результаты, проблемы, перспективы», во время действия которой 23 января был проведён «круглый стол» на тему «Культура — московской семье в условиях демократического общества».

Тематика докладов «круглого стола»:

1. «Культура и дети»;
2. «Актуальные проблемы воспитания молодёжи средствами культуры»;
3. «Семья и творчество»;
4. «Культурные традиции и преемственность поколений»;
5. «Наука о культуре и культурно-досуговая практика».

Участниками заседания были эксперты-учёные, специалисты в различных сферах общественного развития, деятели культуры, политологи, историки, культурологи — сотрудники институтов РАН и ведущих вузов Москвы, а также специалисты культурно-досуговой сферы города, руководители учреждений, представители общественных организаций, журналисты.

В рамках «круглого стола» прошли встречи с участниками Московского городского фестиваля семейного творчества, посвящённого Году семьи в России. Было организовано выступление семейных коллективов — победителей фестиваля.

Ведущий «круглого стола» — Владимир Кириллович **Сергеев**, директор Московского института социально-культурных программ, доктор социологических наук, действительный член Российской академии социальных наук, Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка РФ, заслуженный работник культуры Российской Федерации, член Союза писателей России.

На заседании «круглого стола» выступили:

Иванов Вилен Николаевич, член-корреспондент РАН, вице-пре-

зидент Российской академии социальных наук, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор. Тема выступления: «*Наука о культуре и культурно-досуговая практика*»;

Ксенофонов Владимир Николаевич, профессор кафедры философии Российской академии государственной службы при Президенте РФ, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук. Тема выступления: «*Актуальные проблемы воспитания подрастающего поколения средствами культуры*»;

Андреев Эдуард Михайлович, главный научный сотрудник ИСПИ РАН, профессор кафедры социологии и политологии ИППК МГУ имени М. В. Ломоносова, действительный член Российской академии социальных наук, Международной педагогической академии, Академии политической науки, доктор философских наук. Тема выступления: «*Наука о культуре и культурно-досуговая практика*»;

Маршак Аркадий Львович, заведующий кафедрой социологии и гуманитарных дисциплин Российской академии предпринимательства, действительный член Российской академии социальных наук, Академии политической науки, Международной академии информатизации, доктор философских наук, профессор. Тема выступления: «*Семейный диалог: реальное состояние и перспективы*»;

Миронов Анатолий Васильевич, главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», член-корреспондент Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ. Тема выступления: «*Проблемы воспитания молодежи средствами культуры*»;

Зеленина Елена Васильевна, старший научный сотрудник кафедры практики печати факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат филологических наук. Тема выступления: «*Воспитание подрастающего поколения через детские и молодежные СМИ*»;

Косиброд Ольга Львовна, старший преподаватель кафедры социально-культурной деятельности Московского гуманитарного педагогического института, кандидат педагогических наук. Тема выступления: «*Хоровое искусство как средство воспитания подрастающего поколения*»;

Мансурова Клара Шарафовна, доцент Военно-инженерной академии РФ, кандидат химических наук, председатель Российского

движения «Родительская забота». Тема выступления: «*Воспитание детей в условиях московской семьи*»;

Лейзгольд Марина Борисовна, художник, искусствовед, руководитель детской изостудии «Экспрессия». Тема выступления: «*Развитие эмоционального интеллекта детей в условиях семейного воспитания на примере работы детской изостудии «Экспрессия»*»;

Кочерина Светлана Вячеславовна, научный сотрудник Московского института социально-культурных программ, драматург, член Союза писателей РФ, член Союза театральных деятелей России. Тема выступления: «*Воспитание детей средствами культуры на примере работы детской студии «Кипарисовый ларец»*»;

Никифорова Елена Николаевна, директор Дома культуры «Смена». Тема выступления: «*Организация семейных клубов и работы с детьми на базе Государственного учреждения культуры «Дом культуры «Смена»*»;

Лютова Нина Константиновна, научный сотрудник Московского института социально-культурных программ. Тема выступления: «*Семья и творчество*».

На страницах журнала будут опубликованы наиболее интересные выступления, прозвучавшие в ходе работы «круглого стола».

В. Г. Донской

КОНФЕРЕНЦИИ, СЕМИНАРЫ, СИМПОЗИУМЫ

6 февраля 2009 г.

Научно-практическая конференция «**Языки культуры: историко-культурный, философско-антропологический и лингвистический аспекты**» — г. Омск, Россия.

Цель конференции — комплексное исследование культурного пространства с различных его аспектов через их сопоставление:

1. Язык и культура: проблемы взаимосвязи и взаимообусловленности;
2. Языки культуры как формы и средства саморефлексии (явленность культуры в языке и языков в культуре; культура как текст; язык, культура и языковая личность);
3. Язык культуры или языки культур: проблема полилога в полиэтничном и полисубкультурном пространстве современного мира в условиях глобализации;
4. Культурная компетентность; социализация и инкультурация как процессы освоения индивидом языков культуры;
5. Слово и текст в культурном сознании эпохи;
6. Философско-антропологические и исторические проблемы культуры: культура и личность, культура и общество;
7. Национальное, региональное и локальное измерение культуры.

Организатор: АНО ВПО «Омский экономический институт».

Контактная информация: 644112, г. Омск-112, пр. Комарова, 13, Омский экономический институт, URL: <http://www.omeconom.ru>, e-mail: kafedra_06@list.ru, nyuka@omeconom.ru

* * *

24 февраля 2009 г.

Всероссийская научно-практическая конференция «**Стратегическое развитие современной России: проблемы и перспективы**» — г. Волгоград, Россия.

Основные направления конференции:

1. Стратегические цели Российской Федерации в глобальном мире;

2. Проблемы разработки стратегии развития России;
3. Позиционирование России в современном мире: политические, экономические и культурные проблемы и перспективы;
4. Национальные интересы России в современном мире;
5. Система национальной безопасности России в современном мире: угрозы, проблемы, перспективы;
6. Защита обороноспособности Российской Федерации как важнейшая задача современности;
7. Система экономической безопасности России в современном мире: угрозы, проблемы, перспективы;
8. Российская экономика в долгосрочной перспективе: технология и механизмы реализации конкурентных преимуществ;
9. Система экологической безопасности России в современном мире: угрозы, проблемы, перспективы;
10. Система продовольственной безопасности России в современном мире: угрозы, проблемы, перспективы;
11. Система политической безопасности России в современном мире: угрозы, проблемы, перспективы;
12. Система защиты долгосрочных интересов России в условиях обострения конкуренции за природные ресурсы;
13. Стратегическое сотрудничество Российской Федерации со странами, регионами и международными организациями: проблемы, перспективы и приоритеты;
14. Система развития социальной сферы жизнедеятельности Российской Федерации как важнейший приоритет национального развития;
15. Потенциал гуманитарного сотрудничества Российской Федерации с мировым сообществом;
16. Совершенствование нормативно-правовой базы по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации;
17. Защита территориальной целостности и региональной интеграции Российской Федерации.

Материалы принимаются до 24 февраля 2009 г. в электронном виде по e-mail: volgnauka@yandex.ru.

Организатор: Центр прикладных научных исследований.

Контактная информация: 400005, г. Волгоград, просп. Ленина, 98, офис 201, тел.: (8-906) 405-63-16.

12 марта 2009 г.

Всероссийская научная конференция «**Фольклор в контексте культуры**» — г. Махачкала, Россия.

В рамках конференции планируется работа по следующим направлениям:

1. Фольклор как социоисторическая реальность и проблемы его изучения;
2. Фольклор и межкультурные коммуникации;
3. Фольклор в контексте культурного диалога «Восток — Запад»;
4. Музыкальный фольклор. Наследие и современность;
5. Музыкальный фольклор и профессиональное музыкальное искусство;
6. Музыкальный фольклор в системе других видов искусства;
7. Современные формы фольклора. Городской фольклор;
8. Региональные проблемы изучения фольклора;
9. Историография российской музыкальной фольклористики;
10. Народные промыслы: традиции и новации;
11. Фольклор и образовательный процесс;
12. Фольклористика в контексте гуманитарных наук;
13. Проблема «фольклор и композитор» в музыкальной культуре;
14. Проблема национального и интернационального в современной музыке.

Организаторы: Дагестанский государственный педагогический университет, Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы ДНЦ РАН.

Контактная информация: тел.: 8-872-262-57-95, 8-963-425-26-40, e-mail: m-medina71@yandex.ru

16 — 18 апреля 2009 г.

Международная конференция «**Питирим Александрович Сорокин и современные проблемы социологии**» — г. Санкт-Петербург, Россия.

На конференции предполагается работа следующих секций:

1. Этапы жизни и творчества П. А. Сорокина. Российский и американский периоды творчества;
2. Место научного наследия П. А. Сорокина в мировой и российской культуре;

3. Интегральная социология П. А. Сорокина и её современное прочтение;

4. П. А. Сорокин — проблемы и перспективы социокультурной динамики цивилизаций;

5. Социальная философия П. А. Сорокина;

6. Социология культуры и морали: современные перспективы;

7. Социология глобальных процессов. Теория конвергенции П. А. Сорокина;

8. Социальная стратификация и проблемы мобильности в современном обществе;

9. Семья и проблемы демографического развития;

10. Социология революции П. А. Сорокина и современные революционные процессы;

11. П. А. Сорокин и проблемы аграрной социологии;

12. Современные проблемы социологии права;

13. Социология в Санкт-Петербургском университете. Проблемы социологического образования и социологической подготовки специалистов;

14. Социологическая публицистика и социология политики;

15. П. А. Сорокин о путях развития России;

16. Международный институт П. Сорокина — Н. Кондратьева: 10 лет деятельности.

Заявки и тезисы докладов принимаются до 5 марта 2009 г.

Организаторы: Санкт-Петербургский государственный университет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики, Социологическое общество имени М. М. Ковалевского, Международный институт П. Сорокина — Н. Кондратьева, Фонд имени Д. С. Лихачёва.

Контактная информация: 191124, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, подъезд 9, факультет социологии, тел.: 274-15-62, e-mail: pavlova@soc.spbpu.ru

16 — 19 апреля 2009 г.

Международная научно-практическая конференция «**Пограничные процессы в литературе и культуре**» — г. Пермь, Россия.

Основные направления конференции:

1. Теоретическое и практическое исследование художественного синтеза в литературе как механизма саморегуляции культуры;

2. Взаимодействие литературы и других видов искусства;
3. Разные аспекты диалога культур и мифопоэтика;
4. Сравнительное изучение региональных и национальных литератур;
5. Трансформация и интеграция жанров;
6. Приватность и повседневность в письмах, дневниках и биографиях писателей и художников;
7. Границы литературного произведения и литературная само-рефлексия;
8. Культурологические границы научного комментирования текстов древних и современных литератур;
9. Универсализм Василия Каменского в контексте мировой культуры.

Для участия в конференции необходимо выслать в адрес оргкомитета заявку и статью для публикации (до 15 марта 2009 г.)

Организаторы: Пермский государственный университет, Пермский краевой музей, Пермская художественная галерея, кафедра мировой литературы и культуры Пермского университета.

Контактная информация: 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, тел.: (8-342) 239-62-90, (8-342) 239-64-46, e-mail: worldlit2009@mail.ru

* * *

12 — 14 мая 2009 г.

Международная научно-практическая конференция **«Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения»** — г. Москва, Россия.

Форум I. Россия и зарубежные славяне: историко-культурные аспекты взаимосвязей.

Форум II. Вопросы языка и литературы в современных исследованиях.

Форум III. Актуальные вопросы изучения православной культуры.

Форум IV. Диалог культур: Россия — Запад — Восток.

Форум V. Филологическое образование в школе и вузе.

Форум VI. Методика преподавания русского языка как иностранного в условиях русскоязычной среды и в зоне её отсутствия.

Организаторы: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Межвузовская ассоциация молодых историков-филологов.

Контактная информация: тел.: (+7-495) 330-87-92 (Иван Сергеевич, Игорь Александрович), e-mail: kmch-forum@rambler.ru

* * *

14 — 16 мая 2009 г.

II Международная научная конференция **«Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик»** — г. Курск, Россия.

Основные направления конференции:

1. Современная парадигма лингвистических исследований: теоретическое и прикладное языкознание в информационном обществе XXI в.;
2. Философия и идеология межкультурного общения XXI в.;
3. Современная коммуникация как лингвокультурный феномен;
4. Формирование лингвокультурной компетентности: проблемы и решения;
5. Язык. Общество. Государство;
6. Современная текстология: форма и содержание (литературо- и языковедческий анализ);
7. Русская литература и русистика зарубежья;
8. Специфика лингвистического образования в вузах разного профиля;
9. Современные технологии в преподавании РКИ: реальность и перспективы;
10. Современная текстология: приёмы и процедуры объективного измерения уровня владения и овладения родным и иностранными языками.

Представление заявок на участие в конференции и текстов докладов — до 1 апреля 2009 г.

Организаторы: Министерство образования и науки РФ, Федеральное агентство по образованию, Российское общество преподавателей русского языка и литературы, Правительство Курской области, Комитет образования и науки Курской области, Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Курский государственный технический университет», кафедра теоретической, прикладной и коммуникативной лингвистики.

Контактная информация: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94, Курский государственный технический университет, кафедра теоретической, прикладной и коммуникативной лингвистики, тел. кафедры: (471-2) 52-38-28, факс: (471-2) 50-81-36, e-mail: kafrus@kstugate.kursk.ru

20 — 22 мая 2009 г.

II Всероссийская научно-практическая конференция **«Социокультурное пространство регионов: традиции и современные тенденции»** — г. Белгород, Россия.

Цель конференции — всестороннее рассмотрение культурного потенциала регионов России в современных условиях:

1. Современная культура в контексте глобализации;
2. Особенности художественной культуры в современном социокультурном пространстве регионов России;
3. Сохранение и развитие традиционной народной культуры регионов: опыт и перспективы развития;
4. Национальный язык как основа сохранения традиционной народной культуры;
5. Вузы культуры и искусства и их роль в развитии регионов;
6. Молодёжь в информационном пространстве регионов;
7. Современное состояние и тенденции развития социально-культурной деятельности в регионах России;
8. Актуальные проблемы музыкального образования в регионах России;
9. Дизайн как эстетическая основа культурной среды регионов;
10. Современная библиотека как социокультурный ресурс регионов.

Для участия в работе конференции необходимо до 5 апреля 2009 г. направить в оргкомитет: заявку на участие в конференции в электронном виде на отдельном файле, где указать Ф. И. О. автора, учёную степень, учёное звание, место работы, должность, контактные телефоны, адрес; и текст доклада в электронном виде (на дискете или отправить по электронной почте).

Организатор: Белгородский государственный институт культуры и искусств (БГИКИ).

Контактная информация: 308033, г. Белгород, ул. Королёва, 7, тел.: (472-2) 55-86-63 (научный отдел), факс: (472-2) 55-98-09, e-mail: sociologia@mail.ru

О. Н. Мамонова

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на монографию

«Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики».

Под ред. А. Б. Гофмана

Своеобразие данной рецензии придаёт то обстоятельство, что монография (Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / под ред. А. Б. Гофмана. — М. : ГОССПЭН, 2008) номинирована и получила 3-ю премию в области общественно-научной литературы «Общественная мысль» в рамках 10-й Ярмарки интеллектуальной литературы «non/fiction».

Авторский коллектив, в число которого входят практикующие социологи культуры Института социологии РАН и ряда высших учебных заведений страны, поставил перед собой задачу проанализировать характер социокультурных трансформаций, переживаемых Россией в настоящее время. Представляя себе всю грандиозность и многоаспектность проблемы, авторы предлагают свой ракурс её рассмотрения.

Тон всему изложению в коллективной монографии задаёт материал двух первых глав профессора А. Б. Гофмана, где подробно анализируются всякого рода традиционалистические идеологии и утопии, свойственные России. При этом автор убедительно показывает, как практически в ходе социальных изменений сегодня соотносятся и традиция, и инновация, причём всё чаще не только применительно к научно-технической сфере, но и в таких областях, как культурное производство, потребление, маркетинг и реклама. Автор ставит вопрос (и даёт на него ответ), как можно оценить социальные изменения в России на рубеже тысячелетий. Для этого он предлагает анализ исторической ретроспективы развития идей модернизации, традиций и инноваций в социологическом знании. Читатель найдёт в ходе этого анализа многочисленные ссылки на труды таких мыслителей, как французские социологи К. Гриньон, Ж.-К. Пассерон, на работы Э. Шилза, К. Юнга, А. Гидденса, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса, а также отечественных исследователей В. Шульгина, Н. Бердяева, В. Ленина, А. Солженицына. Этот перечень имён сопровождается историческими фактами, где делается вывод, что советское время

было очередной попыткой модернизации. Однако эта модернизация, как считает А. Б. Гофман, произошла лишь в отдельных областях, таких как урбанизация, образование, естественные и технические науки, некоторые отрасли промышленности. Но она не коснулась социально-политической, правовой, управленческой, гражданской сред. В этой связи автор делает спорный вывод: «... советский режим был прямым продолжением или воспроизведением царского и в некоторых аспектах был ещё архаичней последнего» (с. 37).

Разделавшись таким образом с советским прошлым и его традициями, тем самым не избежав некоторой политической ангажированности, А. Б. Гофман переходит в заключительной части главы к анализу современного российского традиционализма. Опираясь на социокультурные методы таких учёных, как С. Г. Кирдин, Ю. С. Пивоваров, И. Г. Яковенко и другие, А. Б. Гофман не без основания отмечает, что аргументации этих теоретических подходов нуждаются в серьёзном методологическом обосновании. Этим вопросам посвящена II глава монографии. В ней рассматриваются ведущие теории традиционализма в их социокультурной интерпретации. Тут А. Б. Гофман, верный своему профессиональному призванию, выступает как крупный знаток многочисленных социологических теорий от Ш. Монтескье и Э. Берка, О. Конта и К. Маркса, Г. Спенсера и М. Вебера, школы Э. Дюркгейма до исследований социологов конца XIX — начала XX вв.

Анализ социологических теорий традиций создаёт фундамент для современного социологического знания в области различных сфер общественной деятельности в России. Этому посвящены последующие главы монографии. С опорой на различные социологические исследования ведущих научных центров России в книге подробно раскрывается содержание модернизационных процессов в трудовой культуре российских рабочих (автор А. Л. Темницкий), в управленческой культуре российских предприятий (автор В. А. Крылов). Отдельные главы монографии посвящены экономическому сознанию и поведению городского среднего класса, в том числе на финансовых рынках (авторы С. В. Горюнова, К. А. Храмов). Завершает изложение анализ политической и гражданской культуры и таких её форм, как политическая символика (автор О. С. Грязнова), новое массовое сознание (автор А. Ю. Зудин) и гражданское участие в митингах как политическая практика наших дней (автор О. В. Ковенева).

В заключительной главе рассматриваются практики реализации религиозных и моральных ценностей в традициях современного православия (автор Л. П. Ипатова), мусульманской идентичности в тра-

дициях ислама в России (автор Г. А. Сабирова). Здесь же прослеживается эволюция ценностных ориентаций россиян на примере восприятия некоторых образцов кинопродукции, в частности мультфильмов (автор М. А. Елецкая).

Таково основное содержание рецензируемого труда. Его значимость многогранна. Научная общественность получила серьёзную методологическую разработку по одной из кардинальных проблем современной социологии — места и роли социокультурных традиций в изменениях, происходящих в России в настоящее время. Монография также отвечает на некоторые важные вопросы социально-политической практики, в том числе противоречий социальной жизни, оценки белых пятен в исторической традиции, в трудовой, управленческой культуре, в геополитическом поведении, в политическом и гражданском сознании, в моральных и религиозных ценностях.

Нет сомнения в том, что данная монография будет воспринята с интересом как учёными в области социологии и культурологии, так и практикующими социологами и всеми теми, кто проявляет интерес к модернизационным изменениям в современной России.

А. Л. Маршак, профессор социологии

«Современное русское зарубежье»:

антология в VII т., совместный проект Московского института социально-культурных программ (МИСКП) и Института социально-политических исследований (ИСПИ) РАН. — М. : Серебряные нити, 2005 — 2008.

Появление уникальной серии «Современное русское зарубежье» обусловлено осознанной в последнее время потребностью в духовном, интеллектуальном, творческом взаимодействии россиян с соотечественниками в ближнем и дальнем зарубежье. Идея создания антологии была озвучена мэром Москвы Ю. М. Лужковым в 2003 г. на Международном интеллектуальном форуме соотечественников и в его итоговых документах. Этот проект отвечает и концепции единого русского мира, изложенной в 2001 г. президентом России В. В. Путиным на Конгрессе зарубежных соотечественников. Неотъемлемой задачей антологии является содействие диалогу и взаимному обогащению культур разных народов, укреплению международного авторитета России.

В конце 80-х — начале 90-х годов ряд изданий открыл российскому читателю творческое наследие поэтов, прозаиков, критиков, мыслителей, художников первых трёх волн русской эмиграции. Создатели семитомной антологии «Современное русское зарубежье» поставили перед собой принципиально новую задачу — сделать достоянием единого русского мира достижения соотечественников за последние 15-20 лет, собрать творческие силы русского зарубежья в единое гуманитарное поле.

Первые четыре книги из заявленной серии знакомят широкого читателя с прозой, поэзией, драматургией, публицистикой современной русской диаспоры. Особенно широко представлены в антологии страны ближнего зарубежья. Так, посланцами литературного **Казахстана** выступают писатели Николай Верёвочкин, Владимир Гундарев, Сергей Комов, Валерий Михайлов, Лидия Степанова, Надежда Чернова, Любовь Шашкова и многие другие талантливые прозаики, поэты, драматурги, публицисты. Почитателей литературной **Белоруссии** ждёт встреча с Вадимом Барщевским, Владимиром Глушаковым, Валерием Гришковцом, Светланой Евсеевой, Павлом

Ивановым, Татьяной Лейко, Юрием Шевцовым, Михаилом Шелеховым и другими коллегами по литературному цеху. Мост между Россией и **Украиной** строят Василий Анисимов, Олесь Бузина, Владимир Бушняк, Зинаида Быкова, Марина и Сергей Дяченко, Владимир Казарин. От имени **Эстонии** говорят Владимир Илляшевич, Александр Урис, Юрий Фролов. **Дальнее зарубежье** делегировало на этот символический форум Александра Воронина, Вячеслава Казакевича, Бахыта Кенжеева, Вадима Месяца, Алексея Парщикова, Дину Рубину, Оливию Сканту, Никиту Струве, Алексея Хвостенко, Анастасию Ширинскую, Юрия Юрченко и множество других мастеров современной литературы.

В пятом томе, посвящённом духовно-нравственному наследию русского православного зарубежья, один из разделов представляет собой летопись воссоединения Русской церкви, совершившегося на наших глазах. В настоящее время идёт работа над томами VI и VII — «Философия» и «Русские судьбы».

Ф. Н. Черепанов

НОВОЕ

Информация об изданиях Московского института социально-культурных программ

1. Андреев Э. М., Худяков С. И. **Культура и общество. Культура как фактор консолидации и развития в трансформирующемся обществе** : научное издание. — М. : Серебряные нити, 2007. — 240 с.
2. **Современное русское зарубежье** : антология. — М. : Серебряные нити, 2007. — Т. I. Проза, поэзия ближнего зарубежья. — 608 с.; Т. II. Проза, поэзия. — 592 с.; Т. III. Драматургия. — 496 с.
3. **Современное русское зарубежье** : антология. — М. : Серебряные нити, 2008. — Т. IV. Публицистика. — 480 с.; Т. V. Духовное наследие. — 576 с.
4. Большаков В. И., Худяков С. И. **Объединяющая культура** : научное издание. — М. : Серебряные нити, 2007. — 162 с.
5. Засурский Я. Н., Сергеев В. В. **Актуальные проблемы обеспечения культурно-информационной безопасности населения московского мегаполиса: Комплексное исследование** : научное издание. — М. : Серебряные нити, 2008. — 240 с.
6. Иванов В. Н., Сергеев В. К. **«Русский мир» и социальные реалии** : научное издание. — М. : Серебряные нити, 2008. — 312 с.
7. **Интеграционные процессы в сфере многонациональной культуры Москвы** / науч. рук. иссл. С. И. Худяков : научное издание. — М. : Серебряные нити, 2008. — 102 с.
8. Кублицкая Е. А., Сергеев В. В. **Как живёшь, Москва?** : научное издание. — М. : Серебряные нити, 2008. — 112 с.
9. Ксенофонтов В. Н., Ксенофонтов В. В., Сергеев В. В. **Художественное творчество и нравственные ценности личности в духовной жизни москвичей (в контексте духовной безопасности)** : научное издание. — М. : Серебряные нити, 2008. — 104 с.
10. Кочерина С. В. **Современная драматургия: состояние, тенденции, перспективы** : научное издание. — М. : Серебряные нити, 2008. — 98 с.
11. Маршак А. Л., Сергеев В. В. **Культурная безопасность населения московского мегаполиса** : научное издание. — М. : Серебряные нити, 2008. — 96 с.

12. **Москва — столица детской кинофикации** / под общ. ред. Н. В. Бондаренко, В. В. Сергеева. — М. : Серебряные нити, 2007. — 116 с.
13. **Международный форум «Единение»** : мат-лы науч.-практ. конф. / под общей ред. В. К. Сергеева. — М. : Серебряные нити. — М., 2008. — 164 с.
14. **Обеспечение населения города Москвы услугами культурного профиля** / науч. рук. иссл. В. К. Сергеев : научное издание. — М. : Серебряные нити, 2008. — 78 с.
15. Сергеев В. К., Сергеев В. В. **Российская культура. На рубеже, на грани, на перепутье?** : научное издание. — М. : Серебряные нити, 2008. — 520 с.
16. Худяков С. И. **Социокультурные модернизации российского общества (методологические аспекты)** : научное издание. — М. : Серебряные нити, 2008. — 224 с.

Данные книги можно приобрести в Московском институте социально-культурных программ по адресу: 125167, г. Москва, Красноармейская ул., 11, стр. 2, МИСКП.

Проезд: ст. метро «Аэропорт». Тел.: (8-499) 223-64-29, доб. 3-09.
Факс: 223-64-29. E-mail: miskp@mail.ru

ОБЩЕСТВЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Сопредседатели совета

Иванов В. Н. Член-корреспондент Российской Академии наук, советник РАН, главный редактор журнала «Наука. Культура. Общество», доктор философских наук, профессор

Сергеев В. К. Директор Московского института социально-культурных программ, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации

Члены совета

Андреев Э. М. Главный научный сотрудник ИСПИ РАН, профессор кафедры социологии и политологии ИППК МГУ имени М. В. Ломоносова, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук

Андреев В. А. Народный артист СССР художественный руководитель Московского драматического театра имени М. Н. Ермоловой

Вдовиченко Л. Н. Доктор социологических наук, профессор кафедры политической социологии РГГУ, советник Совета Федерации Федерального Собрания РФ

Дмитриев А. В. Член-корреспондент Российской Академии наук, доктор философских наук, профессор

Засурский Я. Н. Президент факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, профессор

Кузнецов В. Н. Член-корреспондент Российской Академии наук, доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии, культуры, образования, безопасности МГУ имени М. В. Ломоносова

Кулашик Петер Доктор политологии, профессор, декан факультета международных отношений университета имени Матейя Бела, главный редактор журнала «Политика и наука», Баньска-Быстрица, Словакия

Маршак А. Л. Заведующий кафедрой социологии и гуманитарных дисциплин Российской академии предпринимательства, действительный член Российской академии социальных наук, доктор философских наук, профессор, почётный работник высшей школы Российской Федерации

Маркович Данило Академик, действительный член Сербской Академии образования, иностранный член Российской академии образования, Белград, Сербия

Мионов А. В. Главный редактор журнала «Социально-гуманитарные знания», доктор социологических наук, профессор, почётный работник высшей школы Российской Федерации

Нарбут Н. П. Заведующий кафедрой социологии РУДН, действительный член Российской академии социальных наук, доктор социологических наук, профессор, член Союза писателей России

Петрусек Милослав Доктор философии, профессор кафедры социологии факультета социальных наук Карлова университета, почётный проректор и декан факультета социальных наук Карлова университета, вице-президент Чешского социологического общества, иностранный член Российской академии социальных наук, Прага, Чехия

Сосунова И. А. Проректор Международного независимого эколого-политологического университета, действительный член Международной академии наук, Академии политической науки, доктор социологических наук, профессор

Худяков С. И. Руководитель Департамента культуры города Москвы, кандидат философских наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации

Швецова Л. И. Первый заместитель мэра Москвы в Правительстве Москвы, руководитель Комплекса социальной сферы, кандидат политических наук

Шкондин М. В. Заведующий кафедрой периодической печати факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, генеральный директор Научно-методического центра преподавателей и исследователей журналистики, доктор филологических наук, профессор

Яновский Р. Г. Член-корреспондент Российской Академии наук

**РЕДКОЛЛЕГИЯ
НАУЧНОГО И СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЖУРНАЛА «ПОИСК»**

Маршак А. Л.	Главный редактор журнала, доктор философских наук, профессор
Сергеев В. В.	Заместитель главного редактора журнала, кандидат социологических наук, заместитель директора Московского института социально-культурных программ
Мамонова О. Н.	Ответственный секретарь редакции журнала, кандидат социологических наук, Master of Philosophy in Sociology
Порватов А. Е.	Заместитель руководителя Департамента культуры города Москвы, кандидат искусствоведения, профессор
Махонин В. И.	Главный редактор журнала «Человек. Культура. Город» Департамента культуры города Москвы
Ксенофонтов В. Н.	Доктор философских наук, профессор кафедры философии Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации
Афанасьева О. Г.	Доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московской государственной юридической академии
Гуляев М. Е.	Директор издательско-продюсерского центра «Социум»

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Донской В. Г. — заведующий редакцией
Ильина Л. А. — литературный редактор-корректор
Фомин А. И. — член редакции
Черепанов Ф. Н. — член редакции

СОДЕРЖАНИЕ

От главного редактора 5

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ХУДЯКОВ С. И. **Культурная политика как фактор формирования консолидирующей культуры / Cultural policy as a factor of formation of consolidating culture** 7

НАУКА — ПРАКТИКЕ

БЕЛОКОЛЕНКО М. В. **О плане развития библиотечно-информационного обслуживания населения города Москвы на период до 2015 года / About the Concept of development of library service of the population of city of Moscow for the period till 2015** 19

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ

СОСУНОВА И. А.,
МАРАП О. И. **Экологическая культура: понятие, сущность, структура и функции / Ecological culture: definition, essence, structure and functions** 29

БАРБАКОВА К. Г.,
МАНСУРОВ В. А. **Интеллигенция: статус, функции и роль в обществе / Intelligenzia: status, functions and role in the society** 41

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ

ДУРНОВЦЕВ В. И. **Зарубежная Россия: «русская честь и русская речь» / Foreign Russia: «Russian honor and Russian speech»** 57

МАРАП О. И. **Русский мир: причины выезда русской артистической эмиграции первой волны / Russian world: Reasons for leaving of Russian artistic intelligenzia** 74

ИССЛЕДОВАНИЯ

МОСКОВСКОГО ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ПРОГРАММ

МАМОНОВА О. Н.,
МЕКАЕВА Ю. Ю. **Доступность культурно-досуговых учреждений города Москвы для людей с ограниченными физическими возможностями / Accessibility of cultural institutions of Moscow for the people with limited physical capacities** 90

АСПЕКТЫ

БАЖЕНОВА О. С. **Проблема реализации этнической идентичности / Issues of realisation of ethnic identity** 100

ВОЛКОВА М. А. **Коронационные портреты Екатерины II / Crowning portraits of Catherine the Great** 106

КЛИМЕНОК Н. А.	Социальная реклама в регионе: понятие, проблематика, перспективы / Social advertising in region: definition, challenges, perspectives	114
----------------	--	-----

ЧТО, ГДЕ, КОГДА

II Всероссийский культурологический конгресс	118
КСЕНОФОНТОВ В. Н. Русский мир: критерии и особенности реализации / Russian world: criteria and peculiarities of realization	120
«Круглый стол» на тему «Культура — московской семье в условиях демократического общества»	129
<i>КОНФЕРЕНЦИИ. СЕМИНАРЫ. СИМПОЗИУМЫ</i>	132
<i>РЕЦЕНЗИИ</i>	139

НОВОЕ

Информация об изданиях Московского института социально-культурных программ	144
---	-----

«ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура»

Научный и социокультурный журнал
Выпуск № 1 (21), март, 2009 г.

Главный редактор — А.Л. Маршак
Ответственный секретарь — О.Н. Мамонова
Литературный редактор-корректор — Л.А. Ильина
Перевод на англ. яз. — О.Н. Мамонова
Оригинал-макет — О.И. Комиссарова

Учредитель

Государственное научно-исследовательское учреждение города Москвы «Московский институт социально-культурных программ»
125167, г. Москва, Красноармейская ул., 11, стр.2.

Издатель

Государственное научно-исследовательское учреждение города Москвы «Московский институт социально-культурных программ»
125167, г. Москва, Красноармейская ул., 11, стр.2.

Издание зарегистрировано

Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Центральному федеральному округу. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС1-01933 от 6 октября 2005 г.

Издание включено в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки Российской Федерации (ВАК).

Выпуск ежеквартальный.

Индекс по Каталогу ООО «Агентство «Роспечать» — 36938.

Адрес редакции

125167, г. Москва, Красноармейская ул., 11, стр.2.

Проезд: ст. метро «Аэропорт».

Телефон: (8-499) 223-64-29, доб. 3-10. **Факс:** 223-64-29

E-mail: miskp@mail.ru **Сайт** в Интернете: <http://www.miskp.ru>

Распространение

Журнал «ПОИСК» направляется членам Правительства Москвы, депутатам Государственной Думы от Москвы, депутатам Московской городской Думы, центральным органам власти Российской Федерации, представительств субъектов Федерации в Москве, департаментам, комитетам и управлениям Правительства Москвы, руководителям 125 районов Москвы, учреждениям культурно-досуговой сферы Москвы, подписчикам журнала.

Сдано в набор 10.02.09 Подписано в печать 02.03.09

Формат 60x84/16. Гарнитура «Таймс».

Тираж 550 экз. Заказ № 256

Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,5

ИПЦ «Социум»

119017, Москва, ул. Б. Ордынка., 43, стр. 1

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ГУП МО «Коломенская типография»

140400, Московская обл., г. Коломна, ул. III Интернационала, 2а